

А.Н. Островский.
Фото 1875 года.

Дом-музей
А.Н. Островского
в Щелькове.

Любезный читатель!

И вот снова «Губернский дом» открывает свои двести-страницы. В декабре минувшего года журналу исполнилось 20 лет, и после трехлетнего перерыва вышел в свет его специальный электронный выпуск, посвященный 100-летию юбилею Костромского научного общества по изучению местного края и Костромского церковно-исторического общества. Сердечное спасибо авторам, всем добрым людям, кто на общественных началах принимал участие в его создании.

Данный же номер «Губернского дома», первый в этом году и 90-й по общему счету, посвящен 190-летию со дня рождения А.Н.Островского и 205-летию со дня основания Костромского театра, носящего его имя.

Заметим, что журналы, связанные с юбилеями великого русского драматурга и нашего театра, одного из старейших в России, выходили и ранее, но содержательная часть этого номера не повторяет предыдущих. А это еще раз говорит о том, как широка и глубока тема «Островский и Костромской театр». Кроме того, в этом году исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося драматурга 20 века, нашего земляка В.С.Розова, и это событие также найдет отражение в журнале. И, конечно же, речь пойдет о Щелькове, этом заповедном месте, где в 1923 году, 90 лет тому назад, по постановлению Совнаркома РСФСР был создан замечательный музей А.Н.Островского.

***Милости просим
в «Губернский дом»!***

Сергей Ситников,
губернатор
Костромской области

ГОД ОСТРОВСКОГО: ВЫСОКАЯ МИССИЯ ТЕАТРА

2013 год в Костромской области объявлен Годом Александра Николаевича Островского. Исполняется 190 лет со дня его рождения и 205 лет со дня основания Костромского государственного драматического театра, названного именем этого великого драматурга.

Сегодня, как и два с лишним столетия назад, Костромской драматический театр имени А.Н. Островского по-прежнему отвечает духовным запросам публики, все также популярен и любим. В нем служит замечательная труппа, в составе которой трое народных артистов России: Ирина Аркадьевна Красикова (Аркадьева), Эмиляно Лоренсович Очагавия, Владислав Дмитриевич Гостищев, четверо заслуженных артистов Российской Федерации и новое талантливое поколение молодых актеров.

Основу репертуара театра во все времена состав-

ляли произведения классиков – Н.В. Гоголя, А.Н. Островского, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, М. Горького, Ф. Шиллера, В. Шекспира, Б. Шоу.

Однако, сохраняя верность традициям отечественной драматической школы, театр остается современным и актуальным, открытым для смелых творческих экспериментов и новаторских художественных решений.

История Костромского театра тесно связана с именем А.Н.Островского. Впервые в провинции именно на костромской сцене, начиная с 1854 года, ставили произведения молодого автора.

Уже много лет в театре существует славная традиция – каждый сезон открывать постановкой по пьесе А.Н.Островского. С 1973 года в Костроме проводится фестиваль «Дни Островского в Костроме» с показом лучших спектаклей России по произведениям классика русской драмы.

Костромской государственный драматический театр имени А.Н. Островского достойно выполняет свою высокую миссию, по праву считаясь одним из лучших театральных коллективов страны. Пусть наш театр еще много лет радуется и восхищается костромичей и гостей нашего края великолепной игрой актеров, удивительной атмосферой творчества, а Год Островского способствует развитию культуры Костромской области, поддержке профессионального искусства и науки, укреплению межрегиональных и международных связей!

ДРАМАТУРГ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

На вопросы «Губернского дома» отвечает Галина Орлова,
директор музея-заповедника «Щельково»

– Галина Игоревна, что из творчества А.Н. Островского, 190 лет со дня рождения которого мы отмечаем в этом году, кажется Вам не устаревшим по сей день – идеи, типы, социальные прожекты, взгляд на судьбу России?

– Начну со слов всем известных: «драматург на все времена». Островский современен всегда – и свидетель-

ство тому то, что постановки его пьес три века не сходят с театральных подмостков.

Его пьесы охватывают различные сферы русской жизни, в них представлены практически все социальные слои, раскрыты особенности национального характера. Не случайно его произведения называют «пьесами жизни».

И при всем разнообразии и широте охвата его драматур-

гию отличает удивительная цельность. Не может «устареть» писатель, в пьесах которого – глубинное содержание русской жизни, полнота жизненной правды.

– Кроме двух социальных зол для России: «дураков и дорог» – в пьесах А.Н.Островского, кажется, обнаружено и немало других. Как спасался от них сам драматург?

– Да, список вечных российских проблем может быть и продолжен – взяточничество, например. Но, заметим, не обличительный пафос был главным для А.Н. Островского. В центре внимания драматурга всегда оставался человек, его самосознание, внутренний мир, чувства, духовные ориентиры, его трагическая борьба с окружающей пошлостью. Любовь, семья, отношение к детям, самоотверженность и жертвенность – вот далеко не полный перечень того, о чем пишет Островский. Этим он и «спасался» – верой в духовную силу человека, его драматургия

Дом А.Н. Островского. Южный фасад. Нач. XX века.

А.Н. Островский. 1850-е годы.

всегда была обращена к человеческой душе и сердцу. И потому, повторяю, он современен и будет современен всегда.

– Щельково для творческой интеллигенции России всегда было особенным местом. Что меняется в творческой среде вокруг музея-заповедника, и как это отражается сегодня на его судьбе?

– Среда сохранилась. Всё так же приезжают сюда режиссёры, писатели, актёры, художники, журналисты, искусствоведы. Они с гордостью называют себя «щельковцами». Как правило, это люди, которым небезразлична судьба этого места. Какие-то традиции незыблемы: главный щельковский праздник «Аркадиада», творческие встречи, выставки, презентации книг. Что-то, конечно, меняется, что-то уходит. Но такова жизнь...

– Достижения и проблемы в сохранении культурного и исторического наследия, связанного с именем А.Н.Островского?

– Что касается музейных объектов, в том числе памятников истории и культуры федерального и регионального значения, они, к счастью, находятся в удовлетворительном и даже хорошем состоянии. Музей планомерно в течение многих лет проводит ремонтно-реставрационные работы, в том числе и мемориального парка. В этом году надеемся отреставрировать последнее здание – сенной сарай на центральной аллее.

Основная проблема в сохранении музея-заповедника – территория, которая, в отличие от практически всех федеральных музеев-заповедников, не огорожена и, таким образом, не защищена. Непосредственно по нашей территории проходит дорога общего пользования, которая соединяет основную трассу с близлежащими деревнями. И контролировать проезд транспорта мы не имеем возможности. Утвержденный много

лет назад проект федеральной трассы предполагает ее прохождение в объезд заповедника. К сожалению, он до сих пор не реализован, и, видимо, «заморожен». В течение многих лет заповедник пытается решить вопрос с оформлением земельных участков, охранных зон музея, и только в этом году дело сдвинулось с «мертвой точки».

– Какие музейные проекты Вам кажутся удачей, как пройдут юбилейные дни А.Н.Островского в Щелькове?

– Самым значимым проектом считаю возрожденную в 2000 году научно-практическую конференцию «Щельковские чтения», которая с тех пор проходит ежегодно, собирая исследователей творчества А.Н. Островского со всей России и из-за рубежа. Итогом конференции являются научные сборники. Фактически в этом плане музей превратился в Центр изучения творческого наследия национально-

Остров в Нижнем парке музея-заповедника.

го драматурга. Большая роль в организации и проведении конференций принадлежит бессменному редактору наших сборников, доктору культурологии, профессору, члену Ученого Совета музея Ирине Анатольевне Едошиной.

Что касается того, как пройдут юбилейные дни в Щелькове, то точнее было бы сказать, как пройдет юбилейный год. Кстати, объявленный в Костромской области «Годом А.Н. Островского». Конечно, пройдут Щельковские чтения, «Неделя Островского» для школ Костромской и Ивановской областей, в течение года запланированы выездные выставки из фондов музея в Москве, Ярославле, Иванове, Кинешме, Плесе и, конечно, в Костроме. Сотрудники музея примут участие в конференциях, которые пройдут в Москве, Костроме, Иванове, Ярославле.

С музеем-заповедником И.С. Тургенева «Спасское-Лутовиново» (Орловская область) мы готовим совместную выставку под рабочим названием «Два писателя – два юбилея». Откроется она дважды: в дни рождений писателей сначала в Щелькове, затем в Спасском.

Непосредственно торжественные мероприятия, которые многие десятилетия проходят в День памяти драматурга 14 июня, во многом будут проходить традиционно. В этом году нашему музею 90 лет. Событие для нас значимое. Одно из мероприятий, которое планируется провести в Щелькове, – внеочередной творческий семинар совета

директоров литературных музеев России. Семинару в 2014 году исполняется 40 лет, а рожден он был в нашем музее.

– *Расскажите, чем Щельково привлекает детей, какие программы есть для них?*

– Особой популярностью у детской аудитории пользуются зимние программы: «Встреча со Снегурочкой», «В гостях у берендеев», запись на посещение которых начинается с лета. Работает «Почта Снегурочки». Музей предлагает разные программы: «Один день в дворянской усадьбе», «Изучаем Островского», «Деревенские посиделки», «Традиции русского чаепития» и другие. Отмечу, что познавательные (учебные) программы востребованы в меньшей степени, чем интерактивные. С местными детьми, учащимися окрестных школ, и ребятами, отдыхающими в санатории «Щельково», про-

грамм множество: это школа выходного дня, летние абонементы, праздники, факультативы, занятия, мастер-классы и т.д. Тематика их различна, состоят они, как правило, из теоретической и практической частей. Дети, принимающие в них участие, – не зрители и слушатели, а полноправные и главные участники.

– *Традиционным для Щелькова стал Всероссийский фестиваль любительских театров, поделитесь Вашими впечатлениями на эту тему.*

– Мы являемся соучредителями этого фестиваля и, конечно, замечательно, что фестиваль проходит на земле А.Н. Островского. Хотелось бы, чтобы народные и любительские театры приезжали сюда, в том числе, и с постановками пьес великого драматурга.

*Беседовала
Татьяна ГОНЧАРОВА*

Мастерская Снегурочки в Щелькове.

Елена Пучкова,
заведующая литературно-
драматической частью
Костромского театра

ДНИ ОСТРОВСКОГО В КОСТРОМЕ

Кострома... Архитектурный ансамбль с Пожарной каланчой и Гауптвахтой, старинными торговыми рядами: Красными и Пряничными, Мучными и Рыбными... Живые декорации к пьесам А.Н. Островского. Имен-

но здесь впервые в провинции начали ставить пьесы молодого драматурга, ставшего «хозяином русской сцены». И первый в России театральный фестиваль спектаклей по пьесам А.Н. Островского тоже зародился здесь.

Это старейший театральный фестиваль в России, ему удалось пережить и перестроенные времена, и лихие девяностые, когда прекратили своё существование многие фестивали.

В 1973 году широко отмечался юбилей А.Н. Островского – 150 лет со дня рождения. Новые постановки его пьес появились, наверно, в каждом российском театре. Показ лучших спектаклей состоялся в Костроме.

На суд костромского зрителя свои спектакли представили: Государственный Академический Малый театр СССР, Московский Центральный детский театр, Государственный академический татарский театр им. Г. Камала, Северо-осетинский республиканский драматический театр, театры из Горького, Воронежа, Тамбова и Кирова.

Зал театра превратился в творческую лабораторию, где экспериментально искали ответы на вопрос: «В чем состоит современное значение наследия А.Н. Островского?»

Подводя итоги фестиваля, Министерство культуры РСФСР и Всероссийское театральное общество (ныне – Союз театральных деятелей) приняли совместное постановление о регулярном проведении в Костроме «Дней А.Н. Островского», включающих в себя не только показ лучших спектаклей театров по произведениям драматурга, их обсуждение, но также проведение научных конференций,

Горячее сердце. 2003 г.
Градобоев – заслуженный артист России Дмитрий Кромский,
Курослепов – народный артист России Владислав Гостищев.

сценографических и музейных выставок, связанных с историей постановок пьес самого известного русского драматурга. Была установлена и периодичность фестиваля – каждые 5 лет, в год юбилея Островского.

Инициаторы и организаторы «Дней Островского» при их зарождении отмечали: «Сегодня мы у истоков замечательной традиции, которая прославит костромскую землю и наверняка войдет в историю советского театра. Этот фестиваль станет одним из наиболее ярких примеров того, как в едином устремлении сплачиваются усилия художников разных профессий, объединенных любовью и чувством ответственности перед творчеством А.Н. Островского».

Девизом фестиваля 1979 года стали слова драматурга: «Искусство единит народы и роднит их». В афише фестиваля были спектакли из Липецка, Ярославля, Калининграда, Омска, Тулы. Московские театры были представлены Малым театром и Московским театром комедии Росконцерта. Фестиваль открылся спектаклем костромского театра «Правда хорошо, а счастье – лучше», а закрывался концертом мастеров искусств, в котором отрывки из пьес Островского показывали артисты Большого театра СССР, музыкального театра им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, других творческих коллективов.

Участники фестиваля сошлись во мнении, что глубинные философские, общечеловеческие, социально-психологические пласты его драматургии

еще ждут своего выявления современным театром, как и его поэтичность, удивительная многоликость, выразительное богатство языка.

Подводя итоги фестиваля, журнал «Театральная жизнь» писал: «Показанные в Костроме работы, как правило, смотрелись с интересом, в каждой было что-то привлекательное, своеобразное, но оставили они впечатление далеко не одинаковое по глубине и целостности. Дело тут, думается, в качестве поиска, который может идти вместе с драматургом, а может лишь рядом с ним или вопреки ему».

Фестиваль 1983 собрал на костромской сцене спектакли Коми-Пермяцкого драматического театра, Свердловского ТЮЗа, Воронежского областного драматического театра, Государственного академического Малого театра СССР, Московского театра им. М.Н. Ермоловой и Ленинградского академического большого драматического театра им. М. Горького. Активное участие в работе фестиваля принял Г.А. Товстоногов, отметивший на закрытии фестиваля: «Я люблю Александра Николаевича Островского давно и преданно, считаю его современным автором, каким является каждый подлинный классик. Уверен, что Островский никогда не перестанет быть репертуарным автором. Но мне кажется, что мы еще не нашли современного подхода к богатой и разнообразной сокровищнице, какой является вся драматургия А.Н. Островского... Найти своё – вот задача».

В 1993 г. участниками фестиваля стали Санкт-Петербургский театр на Фонтанке, Чувашский государственный музыкальный театр, Тульский драматический театр им. М. Горького, Липецкий драматический театр им. Л.Н. Толстого. Впервые на фестивале сцена была предоставлена молодым исполнителям: свои спектакли показали Российская Академия театрального искусства (г. Москва) и Нижегородское театральное училище. Среди участников был и театр «Антон Страшилов» из г. Разград (Болгария), что придало фестивалю статус международного.

Фестивали 1998 и 2003 гг. приветствовали участников из Москвы, Санкт-Петербурга, Пензы, Ярославля, Орла, Уфы, Иванова, Вологды, Рязани.

С 2008 года начинается новая страница в истории фестиваля. В этом году проведение «Дней Островского» совпало с 200-летним юбилеем театра и 185-летием со дня рождения драматурга. В фестивале приняли участие театры из Москвы, Рязани, Калуги, Владимира, Северска, Ярославля.

Впервые за всю историю фестиваля были учреждены награды: дипломы за лучшую режиссуру, лучшую мужскую и женскую роль, лучшие роли второго плана.

Награды присуждало жюри, в составе которого были известные московские критики: заслуженный деятель искусств России, заместитель художественного руководителя Государственного академического Малого театра В.В. Подгоро-

динский (председатель жюри), заслуженный деятель искусств России, заместитель председателя Конфедерации союзов кинематографистов России К.А. Щербаков, Почетный Магистр Международной академии театра Н.И. Жегин.

Все они уже давно работали на фестивале, отбирали и обсуждали спектакли. Активное участие в работе фестиваля принимает и заведующая кафедрой теории и истории культур, доктор культурологии, профессор Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова И.А. Едошина.

В рамках фестиваля прошел семинар молодых журналистов, пишущих о театре, которые съехались со всех концов страны. Семинар вела И.В. Холмогорова, профессор, кандидат искусствоведения, заместитель председателя комиссии по критике СТД России. Пресс-конференции, «Круглые столы», обсуждение спектаклей – программа фестиваля была насыщенной и разнообразной.

Произошло и еще одно важное событие: при поддержке Министерства культуры России и администрации Костромской области было принято решение о ежегодном проведении фестиваля.

Тема фестиваля 2009 года – «Островский в театрах Санкт-Петербурга». Свои спектакли показали Санкт-Петербургский государственный драматический театр «На Литейном» и Театральная мастерская под руководством Юрия Томашевского. Костромской драматический театр им. А.Н. Островского принял участие в фестивале со спек-

таклем «Снегурочка», который прекрасно вписывался в программу фестиваля, поскольку поставлен известным режиссером из Санкт-Петербурга Игорем Коняевым.

2010 г. Среди участников фестиваля – Пензенский, Кировский и Оренбургский театры, а также Государственный академический Малый театр России, участие которого стало уже традиционным.

Художественный руководитель Малого театра народный артист СССР Юрий Соломин в приветствии фестивалю отмечал: «Малый театр от всей души поддерживает замечательную традицию проведения «Дней Островского в Костроме». Всем нам дорого имя великого драматурга, создателя русского национального театра, неразрывно связанное с нашими двумя городами. Особое уважение вызывает намерение проводить этот фестиваль чаще, более регулярно, и наш театр, со своей стороны, всегда будет оказывать всемерную поддержку».

В 2011 году театральные фестивали «Дни Островского в Костроме» проходили в десятый раз. Свои работы представили Государственный академический Малый театр России, Ивановский областной драматический театр, Смоленский драматический театр им. А.С. Грибоедова, Владимирский академический драматический театр, Архангельский театр драмы им. М.В. Ломоносова, Рязанский областной драматический театр, Русский духовный театр «Глас» (г. Москва).

Был проведен «Круглый стол» на тему «А.Н. Остров-

ский и современность». Почему сегодня столь велик интерес к Островскому? И как сегодня ставить Островского? В обсуждении этих вопросов приняли участие и театральные критики, и режиссеры, и артисты, и наши постоянные зрители – студенты Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова.

Фестиваль 2012 года прошел в небольшом формате: два столичных театра – Московский Художественный академический театр им. М. Горького и Московский драматический театр «Бенефис», Рыбинский драматический театр и хозяева фестиваля.

«Небогатая Кострома, обделенная нефтью и газом, продолжает жить не только местными, но и всероссийскими заботами, ежегодно собирая у себя театры с разных концов России. По сути, костромской фестиваль давно является национальным достоянием России» – отметил в журнале «Страстной бульвар» театральный критик Н.И. Жегин, который не пропустил ни одного нашего фестиваля, с самого начала его существования.

В 2013 году сошлись три даты: 190 лет со дня рождения А.Н. Островского, 205 лет Костромскому драматическому театру им. А.Н. Островского и 40 лет фестивалю «Дни Островского в Костроме». А значит, в декабре нас снова ждет уникальный театральные праздники, где на протяжении нескольких дней театральные залы до отказа будут заполнены зрителями, пришедшими на встречу с Островским. Каждый день – разным, но таким понятным, таким сегодняшним.

МОЙ ОСТРОВСКИЙ

В разговоре принимают участие режиссёр, заведующий кафедрой журналистики КГУ Виктор Елманов, актеры Костромского драматического театра им. А.Н. Островского: народная артистка России Татьяна Никитина, Александр Кирпичёв, Наталья Иншакова, Влад Багров, Валерий Корчанов, Иван Поляков заслуженный артист Костромской области Алексей Галушко.

» Чем вам близко творчество драматурга?

Виктор Елманов:

– Буду не оригинален, но тут же приходит на ум строчка Пушкина из «Руслана и Людмилы»: «Там русский дух... там Русью пахнет».

Татьяна Никитина:

– А что изменилось с тех незапамятных времён? Ничего! Плут стал более изощрённым, мошенник – более тонким и цивилизованным, ханжество и лесть – неотъемлемая часть продвижения «круто вверх», чистота помыслов и доброта – почти ископаемые... Вот потому Островский – прозорливый гений! Потому он и близок, он как будто про нас пишет и сейчас, а не когда-то...

Александр Кирпичёв:

– Близко тем, что это прекрасная драматургия.

Наталья Иншакова:

– Островский истинно русский драматург. Все его пьесы о русских судьбах, нравах, характерах, об их разнообразии и богатстве. Именно это мне близко в его творчестве.

Истории, рассказанные Островским, понятны и сложны одновременно и интересны при разборе любой его пьесы.

Валерий Корчанов:

– Островский – мастер удивительнейших типажей, а я таких очень люблю.

Влад Багров:

– Близко то, что А.Н.Островский – глубокий драматург и большой талант.

Иван Поляков:

– Творчество Островского близко своей особой простотой, яркостью национально-го колорита, живостью языка и неизменной во все времена трагедией человека, загнанного обстоятельствами в те или иные жизненные ситуации.

Алексей Галушко:

– Творчество А.Н. Островского мне близко тем, что я работаю в Костроме, фактически на его второй родине, родине предков. Считаю его самым великим русским драматургом. Сколько эмоций, сколько правды в его пьесах. Они настоящие.

» Какой персонаж из произведений А.Н.Островского вам наиболее интересен и почему?

Виктор Елманов:

– Карандышев из «Бесприданницы». Позволю процитировать его монолог, когда он узнаёт, что его невеста, Лариса Дмитриевна Огудалова, тайком уезжает от него за Волгу с купцами:

– Да, это смешно... Я смешной человек... Я знаю сам, что я

смешной человек. Да разве людей казнят за то, что они смешны? Я смешон – ну, смейся надо мной, смейся в глаза! Приходите ко мне обедать, пейте мое вино и ругайтесь, смейтесь надо мной – я того стою. Но разломать грудь у смешного человека, вырвать сердце, бросить под ноги и рас-

топать его! Ох, ох! Как мне жить! Как мне жить!

Для меня этот образ необычайно трагичен. В нем есть что-то от Дон Кихота. Над ним смеются, кто-то из окружающих персонажей его даже презирает, а в его душе такие ураганы бушуют!

Татьяна Никитина:

– Карандышев, Лариса Огудалова, Подхалюзин, Глумов, Екатерина и Кабаниха из «Грозы», Мурзавецкая – там есть о чём думать, интересно залезть в «шкуру» этих людей, покопаться там...

Александр Кирпичёв:

– Этих персонажей более десятка, перечислять всех не имеет смысла, а почему? Потому что мастерски выписаны, потому что не функции, а характеры и судьбы.

Наталья Иншакова:

– Одно единственного персонажа назвать не смогу. У Островского достаточное количество ярких женских образов на любой вкус и для любого актерского возраста. Его пьесы благодатный материал для любой актрисы. Я бы отдала предпочтение его характерным персонажам.

Валерий Корчанов:

– Одно такого нет. Их не менее десятка. Интересны по

разным причинам, но одно общее – они невероятно яркие, с ними интересно работать.

Влад Багров:

– Тут всё просто. Тихон Кабанов и Клавдий Горецкий. Почему? Потому, что я исполнял роли этих персонажей. Если б мне это было не интересно, значит, я бы выполнил свою работу не профессионально. А это в искусстве непозволительно. Рассказывать более подробно не буду. Во-первых, это,

Татьяна Никитина.

наверное, мало кому, кроме меня, интересно. Во-вторых, процесс работы над ролью довольно интимный процесс, а я не эксгибиционист.

Иван Поляков:

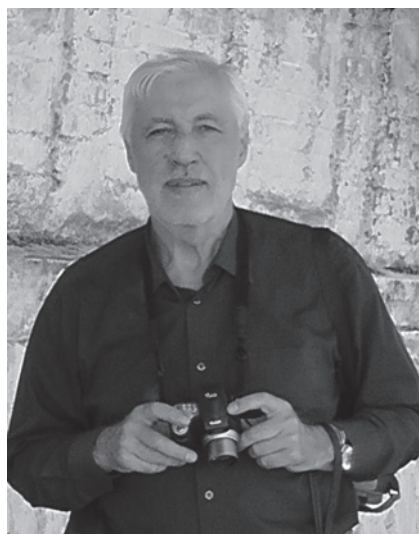
– Самым ярким образом для меня лично является Трагик из «Талантов и поклонников». Он эпичен, как Ричард Третий, и глубоко трагичен, как Лир. Он вне времени и пространства, как и сам автор.

Алексей Галушко:

– Я не сыграл эту роль, но мечтал о ней еще со студенческих времён – роль Несчастливцева. «Люди, люди! Порождение крокодилов! Ваши слезы – вода! Ваши сердца – твердый булат! Поцелуи – кинжалы в грудь! Львы и леопарды питают детей своих, хищные враны заботятся о птенцах, а она, она!.. Это ли любовь за любовь? ...» Трагик. Театральный трагик со своей трагической судьбой. Сила чувства, достоинство и честь – всё в этом персонаже

Алексей Галушко.

Виктор Елманов.

Иван Поляков.

Виктор Елманов:

– Я бы даже сказал, что он пугающе современен! Перечитываешь его пьесы и думаешь: «Неужели все это написано про нас сто с лишним лет назад?!»

Татьяна Никитина:

– А на третий вопрос я, собственно, ответила в двух предыдущих вопросах...

Александр Кирпичёв:

– Его читают, его ставят, на спектакли по его пьесам ходят, и все это в наши дни, так современен ли классик?

Наталья Иншакова:

– Конечно же, современен. Некоторые его пьесы основаны, как говорится, на реальных событиях, подсмотрены из жизни, или кем-то ему подсказаны. Писал Островский о любви – о счастливой и о несбывшейся, о жажде наживы, о власти денег, о поиске богатства. О мечте любого человека быть счастливым. Перечислять

можно еще. Писал он обо всем этом в девятнадцатом веке. Наша современная, обыденная жизнь очень похожа на истории, описанные Островским.

Валерий Корчанов:

– Безусловно. Вечные ценности еще никто не отменял, а Островский рассказывает именно о них.

Наталья Иншакова.

Влад Багров:

– Островский современен и актуален, как это ни банально прозвучит. И особенно, современен для Костромы. Наш город, со своей ярко подчеркнутой провинциальностью, рускостью и классичностью, имеет несколько пластов течения времени. Один из этих пластов – нравы – не изменился ни на йоту.

Иван Поляков:

– Меняются эпохи и исторические события, но люди, их нравы, их потребности и стремления – являются неизменными.

Алексей Галушко:

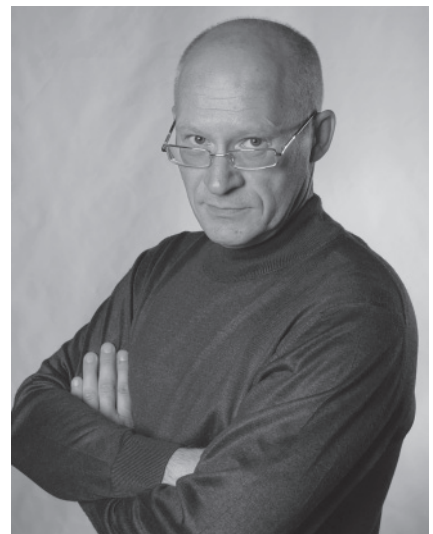
– Современен ли? Все пьесы А.Н. Островского написаны о вечных понятиях – любовь, верность, подлость, честность, жизнь, смерть... Они не меняются со временем. Поэтому его правда – это правда нас, сегодняшних. Вряд ли есть драматург, который был бы более современен, чем Островский.

Влад Багров.

Александр Кирпичёв.

Валерий Корчанов.

ПЕРВЫЙ В РОССИИ

Беседа с Верой Сергеевной Цыпляевой,
заведующей Костромским музеем театрального костюма

– *Вера Сергеевна, расскажите, пожалуйста, как был открыт музей театрального костюма в Костроме.*

– Театральный музей был открыт в канун 175-летия Костромского областного театра им. А. Н. Островского в 1983 году. Экспозицию музея составили фотографии актёров, сцен из спектаклей, афиши, программки. Наряду с этим была широко представлена советская тематика – статьи о спектаклях на «производственную» тему, фотографии встреч с передовиками производства, почётные грамоты, вымпелы... Музей охотно посещался зрителями перед спектаклем и во время антракта.

Шло время. За 20 лет работы музея экспозиция не менялась и поэтому морально устарела. В 2004 году было принято решение искать новые формы работы театрального музея. Хотелось представить что-то необычное, яркое, чтобы вызвать интерес зрителей.

Зритель прежде всего восхищается работой актёров, но актёр существует на сцене в вещественном мире: это декорации, мебель, реквизит, костюмы... Всё играет вместе с актёром, но именно костюм подчёркивает характер, эмоциональное состояние, переживания героя, даёт точный акцент психологической характери-

стики. Так было определено новое направление в работе музея – театральный костюм.

– *Что послужило базой для создания музея?*

– В нашем театре имеется склад костюмов неидущего репертуара. На данный период насчитывается 13 тысяч единиц хранения предметов театрального костюма. Созданию музея предшествовала долгая кропотливая работа. Предстояло выявить количественный фонд костюмов будущих экспозиций. Обращали на себя внимание костюмы, сшитые из парчи, тафты, штофа и других тканей, точное название которых сложно определить, так как производство их прекращено. Инвентаризационные номера данных костюмов: № 325, № 27, № 14, № 8 и т. д. – фантастические номера! Когда были сшиты эти костюмы?!

– *И когда же они были сшиты?*

– Датой основания Костромского театра принято считать 1808 год. Неужели сохранились костюмы начала XIX века? Определить время формирования склада театрального костюма очень сложно. Не сохранилось документов, записей амбарных книг. По линиям кроя, качеству машинной строчки, приёмам ручной отделки они, скорее всего, относятся к 20-30-м годам XX века.

Так что театральных костюмов, сшитых в нашем театре в XIX веке, пока не выявлено. Возможно, нам ещё только предстоит это открытие.

В дореволюционном театре костюмы – это личный гардероб актёров и актрис. При заключении контракта личный гардероб актрисы обсуждался отдельным пунктом. Актрисе выплачивалась та сумма, на которую она будет шить себе костюмы. И если она уходила из театра, то была обязана оставить эти костюмы. Как правило, актёры выкупали свой гардероб у театра за символическую плату.

– *Как и когда попали «златотканые материалы» в театр?*

– Весной 1922 года во время всероссийской кампании по изъятию церковных ценностей были национализированы церковная казна, утварь – золотые и серебряные оклады, диски, потиры, облачение высших чинов духовенства. Остальное церковное имущество, не представляющее для властей значения с точки зрения материальных ценностей, уничтожалось, в том числе и церковное облачение.

После Октябрьской революции 1917 года театр сразу стал одним из самых доступных массовых видов искус-

ства. По всем городам страны необычайно быстро росла сеть стационарных и самодеятельных театров. В Костромской губернии, по свидетельству А. В. Луначарского, насчитывалось «400 одних зарегистрированных крестьянских театров». Число театров в Ярославской губернии превышало тогда число театров во всей Франции.

В 20-х годах XX века в стране царили разруха, голод, недостаток средств и элементарных материалов. Было выдвинуто предложение церковное имущество не уничтожать, а распределить по театрам. Организовали два склада: в Москве и Петрограде. Через несколько лет этот «проект» был закрыт, так как многие вещи оседали в частных коллекциях или вывозились из Советской России. Но в Костроме, где было более 40 церквей, облачение напрямую попадало в театр, минуя театральные склады.

– *Что-нибудь из этих складов попало в Кострому?*

– Мундир статского советника 70-х годов XIX века. Это чин 4-го класса из 14-ти имеющихся в дореволюционной России. Мундиры для таких чинов расширялись в церковных мастерских в технике высокорельефного золотного шитья. В середине 20-х годов в здании городского театра работало сразу три коллектива: 3 дня шли спектакли ГППТ (Губернский передвижной показательный театр) и 3 дня – спектакли музкомедии, а в выходной день, в понедельник, театр был отдан под оперу. Так вот, в этом мундире играли оперетту Кальмана «Сильва»! И

только через несколько лет мундир статского советника «дослужился» до спектакля по роману Толстого «Анна Каренина».

– *Какие ещё интересные находки были сделаны?*

– Дважды встречалась на костюмах маркировка Малого театра 1936 года. Имеется отметка Нижегородского театра 1884 года. Возможно, это переезды актёров вместе со спектаклями во время торговых ярмарок. Наполнителем купеческой душегреи является льняной очёс, а дублируют парчовую ткань листы из книги с печатным текстом по старой орфографии. Так вот, второй источник поступления дорогих тканей и костюмов в театр – одежда, найденная в заброшенных дворянских усадьбах, и из купеческих домов. И в настоящее время от зрителей поступают интересные предметы и одежда 30-60-х годов XX века. Мы с особой благодарностью относимся к таким дарам и непременно используем их в спектаклях.

– *Что же было после того, как нашлись необходимые костюмы?*

– Итак, костюмы для экспозиций были определены, можно было приступать к восстановлению и реставрации. То, что дошло до наших дней, отдалённо напоминает костюм. Разрывы, многочисленные вставки, загрязнения, выцветание, потёртость, потускнение металлических нитей. Например, сарафан молодой боярыни имеет 23 реставрационные вставки, а лиф платья с золотым шитьём насчитывает 38

повреждений разного характера, и это при высоте лифа 42 см. На лицевой стороне душегреи парчовые нитки имели разрывы с утратами уточной нити до 70 %. Над укреплением золотой вышивки мундира статского советника, только лишь основы, пришлось просидеть более 2-х месяцев и т. д. Была ещё одна тонкость в работе над костюмом. Это костюм театральный, с приёмами бутафории, поэтому он всегда немного приукрашен: ярче, пышнее, активнее. И восстанавливать приёмы этой бутафории надо было по старым театральным технологиям. Например, охабень Ивана Грозного из спектакля «Великий государь» 1946 года украшен печатью по трафарету золотой и серебряной краской, что со сцены кажется серебряным и золотым кружевом. Под светом софитов обычное стекло с амальгамой имитирует драгоценные и полудрагоценные камни, искусственный жемчуг надо было «состарить» под натуральный...

Работа по восстановлению продолжалась 4 года, и в 2004 году музейные экспозиции были вновь открыты для зрителей. В настоящее время в помещении драматического театра представлено 30 костюмов, в том числе открыта оригинальная кирпичная кладка печей 1863 года.

Количество костюмов росло, а расширить экспозиционные площади в самом здании театра было уже невозможно, и тогда при поддержке администрации Костромской области нам было выделено здание на улице Симановского, 10.

– *Расскажите, пожалуйста, что это за здание?*

– Это здание было построено на месте дома, в котором родился создатель первого русского театра Фёдор Волков. Первая застройка – подвалы – относится к середине XVIII века, дальше идут постройки XIX века – первый этаж, и начало XX века – второй этаж.

В 2010 году мы открыли там музей (между прочим, первый самостоятельный музей театрального костюма в России). Первый этаж занимала выставка «Островский XXI век». Одна выставка сменяла другую, и через два года мы готовы были освоить площади второго этажа, а это четыре зала! Сейчас в музее одновременно работают пять выставок, включающих 57 театральных костюмов.

– *Выставки заселили всё здание?*

– Ещё нет. В конце прошлого года был отреставрирован шестой зал на первом этаже, и сейчас идёт работа по подготовке выставки, которая откроется в марте этого года. Но наша мечта – это подвалы. Какая интересная выставка могла бы там разместиться! «Костромской театр середины XIX века» – театр тогда размещался в подвалах кожевенного завода и был подробно описан в романе «Люди сороковых годов» А. Писемским.

– *Что, кроме костюмов, представлено в музее?*

– Ранее упоминалось, что актёр существует на сцене в вещественном мире, то есть в декорациях, поэтому мы представили на выставках наряду с

театральными костюмами элементы бутафории, декораций, предметы мебели 20-х годов XX века (мебель уже ветхая и не может использоваться в спектаклях). Например, белые стулья, на которых сохранилась отметка: «Костромское УЗП» (Управление зрелищных предприятий); шкаф с гравировкой «Артель им. Валерия Чкалова». Есть также фонд фотографий, программ и афиш.

Ещё одно направление работы – в нашем музее организуются благотворительные выездные выставки в область: Нерехта, Нея, Галич, Кологрив, Судиславль, Макарьев, Шарья, Красное-на-Волге. В отдалённых районах есть дети, которые ни разу не видели театра. Таким образом, у них есть возможность познакомиться с театром, увидеть костюмы, бутафорию, примерить на себя костюм и сфотографироваться.

– *Каковы планы музея на будущее?*

– 2013 год – юбилейный. Мы отмечаем юбилей театру – 205 лет (этой дате будет посвящена выставка); юбилей А.Н. Островского – 190 лет (намечается большая выставка по пьесам драматурга); 100-летие В. Розова (выставка будет связана с его знаменитой пьесой «Вечно живые», которая шла на нашей сцене); и 400-летие Династии Романовых. Также планируются 4 выездные выставки в районы области.

– *Сотрудничаете ли вы с другими театральными музеями?*

– Для работы над выставками приходится выезжать в столичные музеи, например, Государ-

ственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина (г. Москва) и «Музей русской драмы» при Александринском театре в Санкт-Петербурге. Работа в архивах этих музеев даёт интересный материал.

– *Что сейчас представляет собой музей?*

– Экспозиции музея охватывают два этажа. На первом этаже размещается выставка «Снегурочка на костромской сцене», а на втором – несколько выставок: «Цветение души» по пьесам А. П. Чехова, «Предвестник революции» по пьесам М. Горького, «Императорский Московский театр в Костроме. 1812 год» и «Сказки Пушкина». В переходах между залами представлены театральные макеты, эскизы сценографии и костюмов середины XX века. Детям предлагается нарисовать понравившийся театральный костюм, и рисунок мы помещаем на стенд детских рисунков.

Присматривают за музеем и проводят экскурсии люди, работающие в театре, и посетители часто бывают приятно удивлены, когда узнают в них любимых актёров. Наконец на нас обратили внимание туристические фирмы, и сейчас регулярно музей посещают группы из Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, Иванова. И конечно, мы всегда рады своим костромичам. Музей работает с 11 до 18 часов, кроме понедельника и вторника. Ждем вас!

*Беседовала
Евгения КОКШАРОВА*

*Фото
Александра ЖУРАВЛЕВА*

В МУЗЕЕ ТЕАТРАЛЬНОГО КОСТЮМА КОСТРОМСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА

Костюмы из спектакля
по пьесе А.Н. Островского «Снегурочка». 2008 год.

В МУЗЕЕ ТЕАТРАЛЬНОГО КОСТЮМА

Костюмы из спектакля по пьесе М. Горького «Васса Железнова». 1920-1960-е годы.

Костюмы из спектаклей по пьесам А.П. Чехова «Дядя Ваня» и «Вишнёвый сад». 1930-1960 годы.

Костюмы из спектакля по пьесе М. Горького «На дне». 1983 год.

КОСТРОМСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА

«Императорский театр в Костроме. 1812 год».
Фрак (1920-е годы) и платье (1970-е годы).

Костюмы из спектаклей драматического театра им. А.Н. Островского по сказкам А.С. Пушкина.

Костюмы из спектаклей драматического театра им. А.Н. Островского по сказкам А.С. Пушкина.
«Золотая рыбка» (1980-е годы).

«Сказка о царе Салтане» (1980-е годы).

СЦЕНЫ ИЗ СПЕКТАКЛЕЙ ПО ПЬЕСАМ А.Н.ОСТРОВСКОГО

**«Горячее сердце». 2003 год.
Градобоев – заслуженный артист России
Дмитрий Кромский, Силан – Виктор Поздняков.**

**«На всякого мудреца довольно простоты». 2006
год. Турусина – заслуженная артистка России
Надежда Залесова, Мамаев – народный артист
России Владислав Гостищев.**

**«На всякого мудреца довольно простоты». 2006 год.
Мамаева – заслуженная артистка России
Татьяна Никитина, Курчаев – Влад Багров.**

**«Гроза». 2012 год.
Катерина – Антонина Павлова.**

Любовь Чернова,
заведующая отделом
музея-заповедника «Щельково»

ВЕЩИ СЕМЬИ ОСТРОВСКИХ

Любой музейный предмет – свидетель своего времени, несущий достоверную и разнообразную информацию о нем. Информационный потенциал мемориальных предметов значительно выше: они свидетельствуют еще и о человеке, которому принадлежали – его занятиях, интересах, привычках...

Музей-заповедник «Щельково» обладает богатым собранием мемориальных предметов, хранящих память о выдающемся русском драматурге Александре Николаевиче Островском. Это рукописи, документы, фотографии, предметы изобразительного и прикладного искусства, ткани. Мемориальными принято считать предметы, принадлежавшие непосредственно драматургу, членам его семьи (отцу Николаю Федоровичу, жене Марии Васильевне, сыну Сергею Александровичу), а также предметы, окружавшие драма-

Серебряный венок, преподнесенный драматургу в 1863 г. в связи с 40-летием со дня рождения.

турга в его щельковском доме и московской квартире.

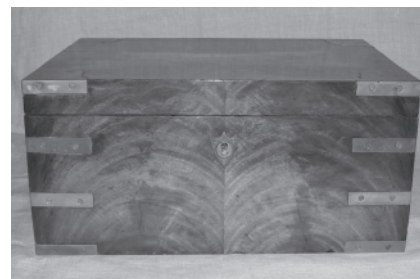
На страницах журнала «Губернский дом» уже рассказывалось о коллекции в целом и о наиболее ярких и интересных ее составляющих. Однако в ходе изучения предметов, уточнения их легенды, источника поступления и других данных выявляется интересная информация, касающаяся родословной семьи Островских, событий в жизни драматурга, его увлечений, делаются маленькие открытия. Хочется поделиться некоторыми из них.

Серебряный венок, изготовленный в виде двух «лавровых» ветвей, согнутых по кругу и перевязанных внизу бантом, имеет выгравированную надпись: «29 Апреля

1863. Александру Николаевичу Островскому». Из этой надписи следует, что венок был преподнесен драматургу в связи с 40-летием со дня рождения. Но кем и где – оставалось неясным. В книге «Летопись жизни и творчества А.Н. Островского» были обнаружены сведения, проливающие свет на обстоятельства, при которых произошло это событие: «1863 г. Апрель 29. Спектакль любителей в Пассаже в пользу ЛФ (Литературного фонда – прим. авт.). В присутствии Островского представлена ком. «Свои люди – сочтёмся». Островскому поднесён серебряный венок»¹. Без сомнения, речь идет о венке из собрания нашего музея. Спектакль был поставлен силами Общества любителей сценического искусства в Петербурге. Известно еще о трех спектаклях этого общества по пьесам Островского, режиссером которых был В.И. Аристов. Собранные средства

Серебряный портсигар с монограммой А.Н. Островского.

Шкатулка-сейф с секретом.

шли в пользу Литературного фонда. Примечательно, что драматург, нетерпимый к любительству в театре в целом, благосклонно отзывался об упомянутом обществе и сам принимал участие в подготовке спектаклей.

В единичных случаях удалось проследить историю предмета на протяжении многих лет и установить цепочку владельцев вещи, хотя и не полную. Показателен в этом отношении пример с *портсигаром*. Это изящная серебряная двустворчатая коробочка, украшенная гравировкой, с монограммой «А.О.» на крышке. На внутренней поверхности нижней створки выгравирована надпись: «Въ даръ высокочтимой и отзывчивой Елизавете Васильевне Сапожниковой отъ благодарнаго Н.А. Кропачева, бывшаго личного секретаря умершаго великаго драматурга, создателя русской бытовой комедіи». Личность Николая Александровича Кропачева, являвшегося секретарем драматурга в бытность его на должности заведующего репертуаром московских императорских театров, довольно хорошо известна. Кроме того, Островский и Кропачев состояли в родстве: старший сын драматурга Александр был женат на дочери Кропачева. А вот имя Елизаветы Васильевны Сапожниковой поначалу представляло загадку, которая в итоге была разрешена. Е.В. Сапожникова, урожденная Якунчикова, оказалась довольно известным лицом, а именно, родной сестрой Н.В. Якунчиковой,

Шкатулка. Работа И.В.Соболева.

жены известного русского художника В.Д. Поленова. Муж Сапожниковой Владимир Григорьевич происходит из известного рода купцов и предпринимателей Алексеевых, к которому, как известно, относится и К.С. Станиславский.

Позднее портсигар попадает в руки В.П. Стеллецкого, дальнего родственника А.Н. Островского (его отчим – племянник драматурга), а от него к литератору И.Д. Волкову. Так обычная бытовая вещь, некогда принадлежавшая драматургу, связала незримой нитью имена многих людей. В 1964 г. портсигар приобретает у Волкова ГЦТМ им. А.А. Бахрушина и вскоре передает его в щельковский музей.

Изучение вещей, приобретенных музеем у дальнего родственника драматурга, художника Л.О. Соколова-Островского, побудило заняться поисками сведений о семье Гиляровых. Татьяна Фёдоровна Гилярова была родной сестрой отца драматурга Николая Фёдоровича Островского. После смерти матери драматурга (она умерла, когда Островскому не было и девяти лет) Т.Ф. Гилярова участвовала в воспитании детей брата. Александр Нико-

лаевич был привязан к семье Гиляровых и впоследствии часто бывал в их доме, где для него была отведена отдельная комната. Её так и называли «Сашина комната». В число обстановки этой комнаты и входили предметы, полученные от Л.О. Соколова-Островского. Это комод, ночной столик, шкатулка-сейф красного дерева, зеркало в резной ореховой раме, пара подсвечников. По утверждению владельца, «вещами этими Александр Николаевич всегда пользовался, чувствуя себя совершенно как дома у Татьяны Фёдоровны». Большая их часть представлена теперь в комнате жены драматурга в щельковском доме.

Особого внимания заслуживает *шкатулка-сейф*. Облицованная шпоном красного дерева с рисунком текстуры «пламя» и украшенная накладными латунными уголками и полосками, она имеет еще и «секрет»: выдвигающая перегородка обнаруживает два потайных ящичка, скрывающих, в свою очередь, ещё четыре, но меньших размеров. Л.О. Соколов-Островский сообщил, что Александр Николаевич хранил в ней «рукописи и письма весьма личного свойства». Соколовым-Островским также был передан *комплект дорожных шахмат* со следующей легендой: шахматы были подарены драматургом его двоюродному брату Федору Александровичу Гилярову, сыну Татьяны Федоровны. 16 красных и 16 «белых» (вернее, цвета слоновой кости) фигур выточены из кости и имеют са-

мую обычную, традиционную форму. Неизвестно, играл ли сам Островский в шахматы. В воспоминаниях современников содержатся неоднократные упоминания лишь о любви драматурга к пасьянсам, дававшей ему возможность и отдохнуть, и сосредоточиться одновременно.

Что касается личности Ф.А. Гилярова (1841–1895), то она безусловно интересна: писатель, автор книг «Этимология русского языка», «Русская хрестоматия для низших классов гимназий», «Этимология церковно-славянского языка», «Исторические и поэтические сказания о Русской земле в хронологическом порядке событий» и других, издатель, преподаватель русского языка (в течение ряда лет преподавал в Александровском военном училище). Учился в московской духовной семинарии, но не закончил ее, будучи исклю-

чен за статью «Материалы для физиологии общества». Впоследствии окончил курс на историко-филологическом факультете Московского университета. Не подлежит сомнению, что Островский и Гиляров, связанные и родственными узами, и единством интересов, общались друг с другом.

Вполне вероятно, что соприкасался Островский и с другим представителем семьи Гиляровых – Никитой Петровичем Гиляровым-Платоновым, родным братом мужа Татьяны Федоровны, своим ровесником (с разницей в один год). Гиляров-Платонов – публицист, издатель, философ, о котором В.В. Розанов впоследствии отзовется как о «глубоком мыслителе, которого Россия не успела заметить». Преподавал в Московской Духовной академии, был цензором Московского цензурного комитета и управляю-

щим Московской синодальной типографией. В 1850-х гг. он сблизился со славянофилами, прежде всего с А. С. Хомяковым; много печатался в журналах «Русский вестник», «Дело», «Православный собеседник» и др. В автобиографической повести Гилярова-Платонова «Из пережитого» содержатся интересные сведения о Н.Ф. Островском и его шурине протоиерее В.И. Груздеве (муже другой сестры отца драматурга Марии Федоровны). Так, например, он вспоминает, что Николай Федорович снабжал семью Гиляровых литературой, и выражает уверенность, что отец драматурга оказал определенное влияние на формирование его личности: «...от Островского-отца несомненно перешло в меня нечто; суждения, отзывы, наблюдения, мною слышанные, не могли оставаться совсем бесследными. Где-нибудь и какой-нибудь корешок непременно был пущен и чем-нибудь пророс в душе»².

Коллекция мемориальных вещей продолжает пополняться. В 2006 г. потомки драматурга передали в дар музею пять предметов. А это значит, что работа по изучению семейных ценностей будет продолжена и впереди – пусть маленькие, но интересные и значимые для нас открытия.

Примечания

¹ Коган Л.Р. Летопись жизни и творчества А.Н. Островского. М.: Гос. изд-во культ.-просвет. литературы, 1953. С. 123.

² Цитируется по материалам сайта dugward.ru

Комната жены драматурга в щельковском доме.

В ДОБРУЮ ПАМЯТЬ О ДРАМАТУРГЕ

В добрую память об А.Н. Островском областной центр детского и юношеского туризма и экскурсий «Чудь» подготовил и провел в этом учебном году выставку-конкурс декоративно-прикладного творчества детей «Персонажи произведений А.Н. Островского». На конкурс было представлено 115 работ, выполненных в различных видах техник декоративно-прикладного творчества: керамика, батик, вышивка, бисер, лоза, квислинг, роспись, резьба по дереву, лоскутное шитье, береста, лоза, рисование шерстью, мягкая игрушки и другие. Хотелось бы представить победителей нашего конкурса:

Возрастная группа 10-13 лет:

I место: Таранкова Милена, МБОУ «гимназия №33», руководитель педагог Рожнова Татьяна Станиславовна. «Гроза. Катерина», техника – рисование шерстью.

II место: Воронина Александра, МБОУ ДОД ДДТ городского округа город Шарья, руководитель Будник Лилия Вакиловна. «Снегурочка», техника – рисование шерстью.

III место: Курдюкова Виктория, ДДТ Костромского муниципального района, Шуваловская СОШ, руководитель Медведкова Ольга Николаевна. «Снегурочка», «Снегуркина помощница», техника – батик.

III место: Лямина Дарья, МОУ Якшангская СОШ Поназыревского муниципального района, руководитель Зерцова Елена Анатольевна. «Лель», техника – мягкая игрушка.

III место: Кузнецова Мария, МОУ Шолоховская СОШ Красносельского района, педагог Гусева Оксана Сергеевна, техника – восковая пастель по наждачной бумаге

Возрастная группа 14-18 лет:

I место: Бровцева Анастасия, МБОУ города Костромы «гимназия №33», педагог Грузинцева Любовь Степановна. «Палаты царя Берендея», техника – аппликация тканью.

II место: Смирнова Татьяна, МБОУ ДОД ЦДТ городского округа города Мантурово, Павлюченкова Елена Викторовна. «Снегурочка», керамика.

II место: коллективная работа учащихся Островской средней школы, педагог В.С. Молина. Лоскутное шитьё.

III место: Коллективная работа, МКОУ Чухломская СОШ им. А.А.Яковлева, педагог Дружинина Любовь Никитична, «Снегурочка и Лель», техника – вязание крючком.

III место: Кузнецова Ирина ОГКОУ «Вохомская специальная (коррекционная) школа-интернат для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с ограниченными возможностями здоровья», педагог Макарова Софья Владимировна. «Лель», техника – тестопластика, роспись акриловыми красками.

Решено отметить поощрительными дипломами за оригинальность, творчество и фантазию:

Толмачеву Александру, МБОУ СОШ №21 г. Костромы, педагог Толмачева Светлана Олеговна, «Снегурочка», «Мизгирь», панно, техника – дерево, ткань.

Горошкину Алену, МБОУ СОШ №18 г. Костромы, педагог Милакова Татьяна Владимировна, «Бобыль», кукла.

Смирнову Христину, МБОУ г. Костромы «Гимназия №33», педагог Рожнова Татьяна Александровна, «Без вины виноватые», смешанная техника.

Виноградову Викторию, МОУ ДОД ДДТ Шарьинского муниципального района, с Рождественское, педагог Смирнова Татьяна Николаевна, «Бесприданница», скульптура.

Всем тем ребятам, кто не стал победителем или призером данного конкурса-выставки, хочется сказать спасибо за работу, за творчество, за то, что не забывают имя А.Н. Островского.

*Александр ГАВРИКОВ,
зав. отделом
ОЦДЮТ «Чудь».*

Татьяна Карпова,
архивист

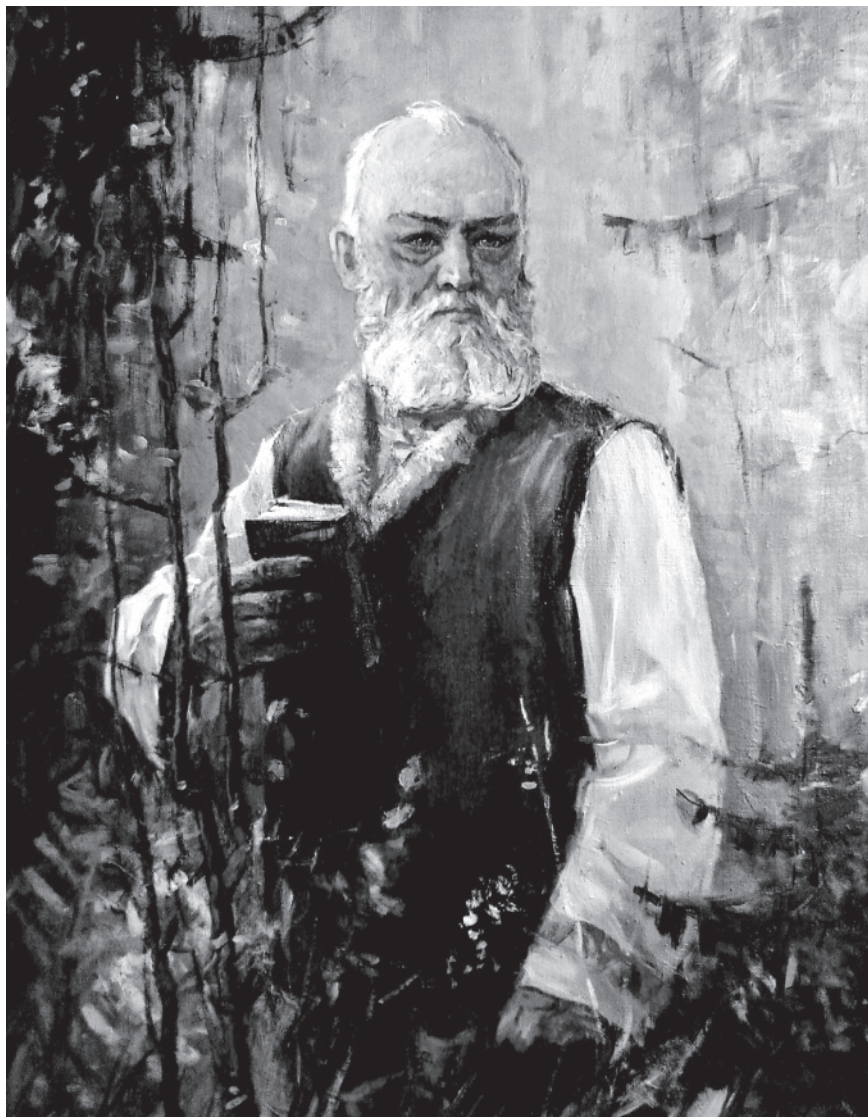
ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОРТРЕТА

Лето 1972 года ознаменовалось для костромского живописца Вадима Карпова творческой поездкой в «Щельково» – музей-усадьбу А.Н. Островского.

Давно стремился он в «обетованные места» великого драматурга. С творчеством Островского был знаком с детства. Мать, Анна Николаевна, выразительно читала сыновьям вслух его пьесы. Незабываемое впечатление произвел фильм «Гроза» с несравненной Аллой Тарасовой в роли Катерины.

С 1960-х годов старался не пропускать ни одного спектакля Костромского облдрамтеатра по произведениям Островского. Да ещё лучший друг Саша Малафеев, знаменитый бригадир костромских реставраторов (к тому же замечательный рассказчик), то и дело советовал непременно побывать в Щелькове. Уж он-то как никто из костромских художников знал Щельково, прожив и проработав там со своей бригадой целых пять сезонов.

Наконец дорога привела в поселок Островское, откуда дорога до Щелькова скверная и никакого транспорта. Добирался на попутке, до самой же усадьбы километра три пришлось идти пешком. По обеим сторонам дороги густой хвойный лес, деревья высоченные, идёшь как по туннелю. На по-

Вадим Карпов. «Островский в Щелькове».

стой художника приютила гостеприимная семья Ожимковых, предложив на выбор для ночлега дом или сарай с сеновалом. Ну, конечно же, предпочтение было отдано сеновалу.

Несколько дней прожил Вадим Петрович в поистине благословенном уголке ко-

стромской земли. Без устали путешествовал по Щелькову и его окрестностям, посетил все мемориальные места, беседовал с местными жителями, знакомился с отдыхающими актерами, делал зарисовки, а пуще всего старался вообразить себя на месте Островско-

го, смотреть на всё как бы его глазами и запоминать.

Вырезал себе можжевельную палку, такую, с какой по описаниям прогуливался по Щелькову сам драматург. Бродил вдоль берегов речек Куекши, Меры и Сендеги, по Ярилиной долине, подолгу стоял у светлого ключика, где по преданию растаяла Снегурочка.

Первым итогом поездки стал пейзаж «В окрестностях Щелькова», приобретенный впоследствии Домом творчества ВТО. 15 лет спустя был написан пейзаж «Сумерки. Щельково» (собственность художника).

Лишь к концу 20-го столетия у Карпова зародилась настойчивая мысль создать портрет «русского Шекспира».

Задача написать портрет конкретной личности весьма сложная, ведь требуется не только портретное сходство. Художник должен передать своё собственное представление о личности портретируемого, заглянуть в его душу, отобразить характер. Предельно важны и все аксес-

суары – фон или интерьер, детали одежды, предметы и т.д. Вот тут-то и пригодилось все, что память сохранила об увиденном и пережитом в Щелькове, а в печатных источниках нашлись ответы на множество вопросов.

Работа над портретом была окончена в 2001 году, в том же году он впервые экспонировался на юбилейной персональной выставке автора в Мраморном зале областного театра им. А.Н.Островского.

Рама к портрету получилась особенной. Не заказная из фабричного багета, а резная, изготовленная самим художником из чистого дерева, тонированного так, чтобы была видна его природная текстура. Вспомним, как любил работать с этим материалом Островский, как искусно выпиливал он из дерева рамки для фотографий, полочки, шкатулки. Однако, как это часто случается, автор не был удовлетворен своим произведением и продолжил работу над портретом. Окончательный вариант датирован 2003 годом.

Остановился Александр Николаевич посреди таинственного заповедного щельковского леса, словно прислушиваясь к шепоту деревьев и гомону птиц. Одет в свою обычную белую рубашку – косоворотку навыпуск и меховую безрукавочку. Одной рукой опирается на можжевельную суковатую палку, а в другой держит записную книжку, с которой никогда не расставался во время прогулок по Щелькову, записывая в неё мужицкую речь, поговорки, песенки и прибаутки. А между тем, во всем облике Островского угадывается сложная человеческая и творческая судьба, ощущается напряженная работа мысли.

И представляется, что вот сейчас в его писательском воображении возникают сюжеты и образы, которые затем, в кабинете, будут переложены на бумагу... Как назвать портрет? Художник решил дать ему название – «В краю берендеев. Островский в Щелькове».

Беседка в Нижнем парке.

Столовая в Доме А.Н. Островского.

Ольга Ипатова,
сотрудник музея-заповедника
«Щельково»

КАК СНИМАЛИ «СНЕГУРОЧКУ»

В 1968 году студией «Ленфильм» был снят фильм «Снегурочка» по мотивам сказки А.Н. Островского. Режиссером был Павел Петрович Кадочников, он же сыграл роль царя Берендея.

Начало фильма, а именно диалог Весны и Мороза, праздник Масленицы и встречу Снегурочки с берендеями снимали в павильоне «Ленфильма» под Ленинградом, а все летние сцены было решено отснять на «натуре», в окрестностях Щелькова, где в течение многих лет драматург вынашивал свое любимое детище.

Основные декорации, то есть резной дворец царя Берендея и дома Берендеевой

Снегурочка.

слободки были с корня выстроены на реке Мера под деревней Рыжевка, что чуть ниже по течению от моей родовой деревни Болотниково, в трех верстах от усадьбы Щельково. Добротню строила все бригада РСУ под руковод-

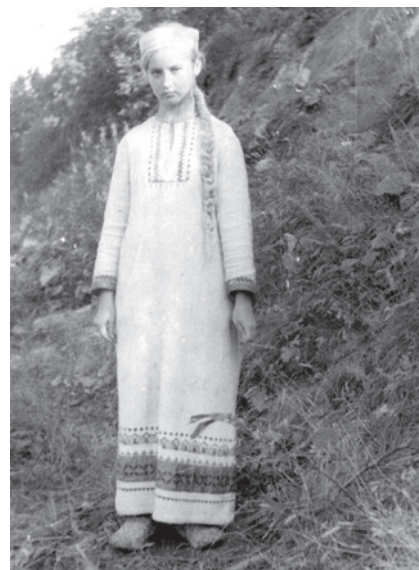
ством прораба Виноградова П.А., жителя села Угольское.

Сцены на ромашковом поле снимались у деревни Мало-Березово, Ярилина долина – в месте Гребни, на высоком живописнейшем местечке близ деревни Акулово. Съемки шли целое лето. Для местных жителей и отпускников-горожан это событие стало незабываемым на всю жизнь. Еще бы, многие впервые познакомились с творческой лабораторией киносъемок и сами приобщились к этому процессу.

Из местной молодежи легче было перечислить тех, кто не участвовал в массовках, чем тех, кто участвовал. Новоиспеченным артистам вы-

Берендей.

Берендейка.

Гребцы на лодках Мизгиря.

давались по списку холщовая рубаха, пара липовых лаптей и онучи, парням – колпаки, а девушки сами себе плели венки.

Прямо здесь на площадке гримировали заглавных артистов и наравне с ними нас, самодельных. На площадке царила дружеская атмосфера, самая доброжелательная. Все располагало к творческой работе. И что важно – за каждый

съемочный день, при сдаче костюмов, выдавали по три рубля. Это при том, что входной детский билет в кино стоил тогда 5 копеек, а взрослый – 20 копеек.

Тем летом у меня на руках был годовалый сын, но слыша вдохновенные рассказы друзей, мне тоже захотелось побывать на съемках. К счастью, несколько раз выбраться я все-таки смогла.

Массовка ждет съемок.

Роль Снегурочки играла Евгения Филонова, роль пастушка – Евгений Жариков. Мне удалось близко познакомиться со Снегурочкой-Евгенией, Женей, мы с ней даже сдружились. Специально для нее я написала художественный очерк-репортаж, под заглавием «Подарю тебе августовскую ночь...», который опубликовали в районной газете «Знамя Октября». Сам П.П. Кадочников зачитал его на рабочей площадке.

В свите Снегурочки снималась праправнучка самого А.Н. Островского, совсем юная Ольга Малышева, отдыхавшая в Щелькове. В то лето впервые приехал в Щельково Михаил Вотчал, к окончанию института мать подарила ему кинокамеру, на которую он и снял свой первый документальный фильм – о съемках «Снегурочки». Богатырское телосложение щельковского водителя, Льва Веселова, навсегда запечатлелось в образе гребца ладьи Мизгиря. Братья Мастеровы, Николай и Александр, отцы семейств, имеющие теперь детей и внуков, вспоминая свои юные годы, нет-нет да и преобразятся в балагуров-берендеев. Румянцев Александр, будучи в свите царя Берендея, возгорелся тогда любовью к красоте и на протяжении всей своей жизни резал на забаву деревянные игрушки-берендейки. После съемок резные домики разобрали и перевезли в Кострому. Парк Берендеевка долгие годы был любимым местом отдыха костромичей и гостей города.

В последние два десятилетия в Щелькове было снято девять фильмов, но это уже новая история и новые герои.

АДРЕСА КОСТРОМСКОЙ СНЕГУРОЧКИ

Терем Снегурочки

г. Кострома, ул. Лагерная, 38.
Тел. (4942) 42-66-42, 30-21-12.
<http://teremsnegurochki.ru/>

Здесь обитает знаменитая красавица Снегурочка, а также герои русских сказок Кот Баюн, Кикимора, Домовая с Домовихой. В царстве дочери Весны-Красны и внучки Деда Мороза невозможно соскучиться: удивительные представления, знакомство со славянскими мифами и легендами, посещение комнаты Чудес и Ледяной комнаты, сотворённой уральскими мастерами из озёрного льда. Кроме того, с гостями проводятся различные игровые программы, устраиваются старинные русские праздники, встречи молодожёнов и праздничные программы к юбилею свадьбы, корпоративные мероприятия и многое другое.

Гостиная Снегурочки

г. Кострома, ул. Ленина, 3.
Тел. (4942) 31-43-39,
8-910-809-08-91.

Встретиться со сказочной красавицей в Костроме можно и в гостиной Снегурочки, где она тепло и радушно принимает и детей, и взрослых. Внучка Деда Мороза хранит множество подарков от своих друзей: детей, сказочных персонажей и от Дедушки. Можно увидеть и костюмы самой Снегурочки. В гости к ней также приезжают молодожёны.

Музей «Сказочный край Снегурочки»

г. Кострома, ул. 1 Мая, 9/4.
Тел. (4942) 37-17-82
www.istoki44.ucoz.ru

Существует на базе ОГКОУ ДОД КОЦНТТ «Истоки». В музее многое можно узнать об удивительной Снегурочке. И Снегуркины истории (этнографическо-познавательные экскурсии, включающие рассказы о народном быте и культуре), и о Снегуркиных праздниках (театральные программы по народному календарю, свадебные обряды). Можно посетить Снегуркину мастерскую (мастер-классы художественно-прикладного направления), приобрести Снегуркин сувенир (торгово-выставочная лавка). Ледяная, но добрая красавица ждёт вас в гости!

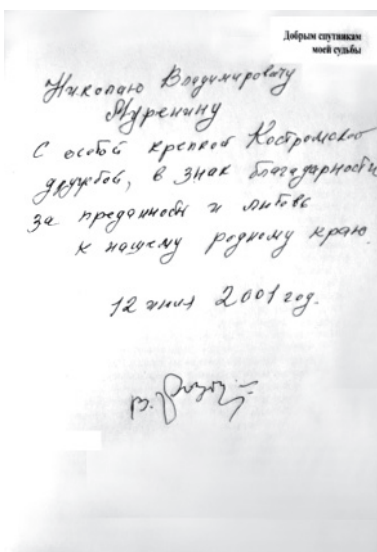
*Подготовила
Евгения КОКШАРОВА*

«ЖИВИТЕ ЖИЗНЬ, А Я – ПОМОГУ!»

Выдающийся драматург и наш современник Виктор Сергеевич Розов 10 лет тому назад в журнале «Губернский дом» сказал в «Добром слове» о своем предшественнике-классике: «...Островский мне понятен и близок беспредельно. Вот это редкое дарование: быть мировым классиком и в то же время – бытовым, домашним что ли, сугубо русским писателем, абсолютно точным во времени и месте. Одна из лучших его пьес «Гроза» – широкая, но действие точно происходит на небольшом участке костромской земли»...

Костромская земля, наш край. Виктор Сергеевич всегда считал его родным, а костромскую дружбу особой, что и подтверждает автограф в одной из его книг – «Удивление перед жизнью».

Воспоминаниями о встречах костромичей с драматургом В.С.Розовым, а также размышлениями о сбережении в Костроме памяти о нем поделился с читателями режиссер Александр Семёнов.

Вот и наступило 100 лет со дня рождения, Виктор Сергеевич. Тогда, в далеком уже 1999 году, мы записывали Ваше напутствие молодежи: «Быть свободным трудно, и совсем не потому, что нельзя. Просто трудно быть свободным. Видимо от того, что свобода с детства регламентируется необходимостью и правилами поведения. Носовым платком, которым тебя учат пользоваться, и «Здравствуйте» входящим гостям. И знаниями: букв, цифр, знаков нотной линейки... Всем, чем набивают тебе голову с ранних лет и чем ты потом набиваешь ее сам. Довольно давно я для себя открыл, что знания – это груды камней. Для одних она может быть могильным холмом, под которым погребена личность, индивидуальность, для других – высокой горой, на вершине которой стоит человек и далеко видит. Искусство воспитания и образования, по моему, и должно сводиться к тому, чтобы уметь подбрасывать эти камушки знаний под ноги, а не голову».

Мы пошли за Вами, Виктор Сергеевич, и повели за собой наших учеников. Они продолжают Вас.

ВОТ ВАМ МОЙ РОЗОВ

16 октября 2002 г., за три дня до Пушкинского лицейского братства, на 89-м году своей великой творческой жизни в Москве Виктор Сергеевич Розов в ответ на просьбу главы самоуправления г. Костромы Б.К. Коробова, ректора КГУ Н.М. Рассадина о присвоении его имени творческому молодежному центру КГУ «Детско-юношескому театральнo-эстетическому Центру А.М.Семенова», о премии и медали в развитии молодежного театрального искусства подтвердил свое на это согласие. Документ подписан В.С. Розовым. Произошло это в 12 часов 45 минут в его московской квартире.

Главное – память

Провинциалы формируют из времени пространство, великую русскую нацию, как опору нравственного самосознания. В ряду прочих провинциалов, вошедших в историю России, – наш великий земляк В.С. Розов, который когда-то довоенным пацаном приехал покорять театральную Москву, и вслед за А.Н. Островским предложил свою нравственную систему ценностей на русском театре XX – XXI веков, черпая свое вдохновение из истоков своей малой Родины.

«...Я никогда не позволял на себя облакачиваться. Это мой мир. Дай Бог, чтобы он сохранился на всю жизнь...» – постоянно повторял в годы национальных смут Розов.

Розову не устали путь цветами после каннского признания кинофильма «Летят журавли». Триумфальное 10-летие

его так называемых Тюзовских пьес сменилось долгими годами непризнания, непонимания и хулы... Провинциалу грозили забвением. Но лучшие свои сюжеты он настырно и последовательно черпал из своей костромской провинции, и провинция всей страны отвечала ему человеческим пониманием.

Пока Розова упорно забывали в столицах, здесь, в костромской провинции, зародилось новое, боевое поколение розовских мальчиков, которое достойно встало на костромские подмостки. А то, что Розов доверил творческой Костроме свое имя, – это признание им чистого света костромской провинции...

Розов как-то сказал: *«Я весь в прошлом. Прошлое у меня замечательное»*. Но прошлое – так же реально, как то, что происходит сейчас. Главное – память. Главное – не забыть.

«И не знает времени и срока»

У И.А. Дедкова есть простая, ёмкая формула о формировании нравственного начала с юности, о незабываемости этого для каждого, кто с ранних лет осознает себя личностью. *«Чувство, вдруг охватившее меня, было неожиданным... И еще при этом ощущаешь, как бы угадываешь свою малость в сравнении с тем, что неизмеримо, больше тебя и надежнее... И не знает*

Перед подписанием документа. Надежда Варфоломеевна: *«Соберись, Витюша, соберись. Это надо»*. Он вывел на листе: *«В.Роз»*.

времени и срока, это вроде бы беспричинное чувство... чувство родины». ... Забыли?

Вот что увидел Розов. Почему же розовский юный герой, естественный, мечущийся, нелепый, хрупкий, сомневающийся, но такой нашенский, оказался по нашей общей вине на задворках новой заказной театральной жизни...

Российское время распалось... «Перестройка», жонглирование словами о свободе, тогда десять, теперь уже двадцать (!) лет неизвестно чего... Упала цена поступка. Самого русского героя не родилось, а писаки расплодились. Особенно для молодежи.

Родился страх ... А розовского героя, который в трогательном прожитии юного О. Табакова идет в атаку на мешанский шкаф с боевой отцовской саблей, побоялись вспомнить... Нету у Розова возраста. Есть розовский герой. Он и сейчас есть. Он, никогда не писавший к дате и на заказ, дышал на чистый лист свежестью правды.

На сцену «В поисках радости» выходили интересные личности, которых родила эпоха, и мы до сих пор говорим им и себе: «В добрый час!». Мы вслед за автором видим в них высокие нравственные ориентиры.

Почему зритель в нашем зале КГУ смеется и задумывается над историей 1974 года? Да это же обычный нашенский народ, как и 30 лет назад. И все сойдется, сошнется, свяжется в будущем. Розов делал и делает эпоху, он показал и показывает, что наш герой среди нас.

«Лицом к лицу лица не увидеть»

В ноябре 1999-го по инициативе Б. К. Коробова состоялась наша встреча с Виктором Сергеевичем в Москве.

Тогда он сказал, что *«самым лучшим памятником ему в родной Костроме может быть память юных о том, что было, о том, что нельзя забывать»*. Нужны спектакли, постановки не только его пьес, но прежде всего истинно русской классики.

В тот день я дал слово, что поставлю «Четыре капли» как продолжение розовской театральной костромской юности, что у нас будет свой розовский театр. Прошли долгие, мучительные четыре года... за это время – наши «Сцены в овраге» к 175-летию А.Н. Островского, 10 сцен из «Бориса Годунова» к 200-летию А.С. Пушкина, 6-я глава «Е. Онегина» и успех пушкинской «Полтавы» на Неделе белорусско-российской дружбы в Минске в мае 2000 года.

Но уже с отрывками из розовских «Капель» ездят ребята по области, и всюду успех у самого благодарного зрителя глубинки. Если розовских героев принимает народ, значит, нравственные оси – есть вечное. Вот что хранит провинция, вот момент истины. Через груды переработанных материалов, мучения и поиски шли мы к своей розовской премьере – 7 апреля 2002 года.

... Надо было покопаться в себе. Принять этот груз на себя. Понять ответственность перед розовской драматур-

гией. «Большое видится на расстоянии». И все это время нас ждал в Москве Виктор Сергеевич... чтобы «лицом к лицу»... чтобы самому от меня услышать: «Состоялось!». Студийцы говорили на репетициях: «Через Розова мы увидели героя среди нас».

От 85-летия человека к 850-летию целого уникального человечества... Сколько нужно для этого расстояний, чтобы помнить, что такое для Костромы Розов?... И Кострома для Розова – это хранительница русской культуры.

Умирает тело, но не его дух

Вот с таким настроением выехала тогда наша делегация к В.С. Розову, чтобы рассказать о 850-летию города, о рождении юного розовского театра в Костроме, преподнести подарки... Среди них фотография, с подписью Коробова – от всех костромичей: *«Дорогому Виктору Сергеевичу! С глубоким уважением и признательностью за Ваш талант, за Вашу душу и теплоту, которая согревает многие поколения россиян и нас, костромичей! Здоровья Вам и долголетия!»*

Лето 2002 г.»

Глаза его оживают, вспыхивают, когда рассказываем о 850-летию города. А с какой жадностью он рассматривал фотографии из нашего спектакля, как цепко держал в руках фото из спектакля с ликом Сергея Корнева: «Мой, мой – розовский!..», как улыбался он, когда я ему представил самого молодого проректора КГУ А.Е. Подобина, которого

зовут его любимым литературным именем – Алексей...

... Он давно понял, что слово – золото. А слово и есть Бог...

На следующий день по приезде в Кострому я позвонил, его жене Надежде Варфоломеевне, пытаюсь шутить, спросил: «Как там наш классик?». Она отвечала: «Он радостный сегодня весь день, рассматривает все ваши фотографии, подолгу и каждую. Прочитал и посвящение Саши Заточкина. Плакал, но это – счастливые слезы. Спасибо всем, ребятам – за теплоту, Борису Константиновичу – за работу...». Потом еще звонки в Москву... еще. Ответ стабилен: «Виктору Сергеевичу стало гораздо лучше».

Предназначение

Осенью 1999-го Розов рассказывал нам с племянником его Андреем: «В 17 лет я был влюблен в 15-летнюю девочку. Рассвет. Птички поют. Пришел утром... Мать, конечно, не спала: «Витька, котлеты в печке еще теплые... поешь». И все! Ничего такого не было: «Я не сплю из-за тебя, гадюка!». Вот это и есть воспитание. А так она бы спугнула, она бы покорежила мои лучшие чувства... Вот это и есть, что остается на всю жизнь – хорошее».

В эти памятные дни хочется низко до земли от всех нас, костромичей, поклониться супруге Виктора Сергеевича. Она сохраняла его от «звездности». Она покорила нас своей глубиной и радушием не только как гостей, не только как земляков, но и как людей. Разве забудешь, как она сказала: «Эта квартира

помогла сохранить жизнь моей матери. Мама прожила 102 лет... и как она гостей приглашала, как столы вела!».

... Раньше иконы были русскому святы. А Розову – мать святая... Надежда Варфоломеевна – это его икона. Вот свет. Вот истина.

Перед подписанием документа...

– Витя, соберись, надо...

И он с трудом, еле заметно, но выводит историческое: «В. Роз».

Он по ней сверяет свой дар. Он верит не просто человеку. Он ей верит по душе...

Всем своим творчеством Розов выработал нравственное противоядие: во имя человека надо жертвовать всем. Мы же выполнили только начало своего обещания, сделали первый шаг.

«...И приговор нашептывает время»

Историю пишут люди, и они же оставляют ее своим детям. Или наши дети будут пожинать ложь своих отцов, будут жить во лжи, или они будут идти пусть по каменистой, но нравственной дороге.

Вот Вам мой Розов. Вот дети будущего ТЮЗа. Вот эпоха Розова, и я до нее дотрагивался, и она мне не вралась.

За 10 лет так все убежало, что «условная» столица Москва стала еще дальше от провинции. Она для меня стала чужой. Эта культура, ставшая индустрией развлечений, меня не греет. Она хоронит, затирает те нравственные устои, которые выработали отцы. Может быть, наша Кострома Розова и

выступит как тот кладезь русской чистоты и правды, к коим вернется Россия...

С чем подходим к юбилею?

Хочется дать этим моим воспоминаниям новую жизнь. Все жили тогда в атмосфере праздника, уверенные в том, что Розовское наследие мы поднимем как знамя и пойдем уверенно дальше. Но какие-то невидимые «ветряные мельницы» мешают нам сегодня вместе с Виктором Сергеевичем пойти «по главной улице с оркестром». Последние его пьесы, которые, кстати, изданы повсеместно, в театрах страны широко не ставятся; ровно, как и пьесы А.Володина, А.Вампилова, М.Рощина, В.Шукшина (список можно продолжить). С какими «успехами» мы сейчас подходим к 100-летию нашего выдающегося земляка (день рождения – 21 сентября), который вслед за Островским продолжает национальные традиции русского театра.

В свое время по предложению Б.К. Коробова в нашем главном театре была осуществлена этапная постановка «Вечно живых» Сергеем Морозовым, лауреатом Всероссийского литературно-театрального фестиваля «Хрустальная роза Виктора Розова». Спектакль, действительно, впечатлял своей искренностью и достойным отношением к теме памяти. Как не хватает нам розовских пьес в афише костромских театров!

У нас до сих пор нет улицы В.С. Розова, нынешняя улица Кооперации могла бы юбилейно и уступить. На этой улице в

доме №3 он жил; здесь прошло его босоное детство, его театральная и рабочая юность. Отсюда он уезжал учиться в Москву актерскому профессионализму, сюда он, чудом оставшись в живых, вернулся после бесчисленных военных госпиталей. Здесь, наконец, он написал великую пьесу «Вечно живые». А всемирно известный фильм по его сценарию «Летят журавли»?.. Неужели мало этих доводов для создания именно в год столетия Дома-музея В.С. Розова?

Долгие годы, особенно сегодня, город буквально изнывает от отсутствия ТЮЗа. Здесь именно пьесы Розова сыграли бы свою оздоравливающую роль. Он же об этом мечтал при жизни.

Таким образом, все складывалось бы в комплексе: улица, Дом-музей, ТЮЗ...

И, конечно же, костромичи могли бы более чем достойно отметить столетие своего выда-

ющегося земляка, если бы всем миром взялись за устройство памятника Виктору Сергеевичу.

Рядом с его домом, на Кооперации, на углу ее и спускающейся к Волге улице Чайковского есть сквер... Снизу от Волги подымался бы народ (*долгожданный турист – А.С.*), а Розов встречал бы своих гостей дорогих: «Добро, мол, пожаловать, гости дорогие, в мою родную, гостеприимную Кострому. (Довольный, этим шутивным разговором, случившимся 10 лет назад, Розов смеялся.– А.С.) Пусть, мол, кто-то и сядет со мной на лавочку от усталости... посидим вместе. Положит мне руку на плечо. Я не обижусь. ... А рядом пусть играют дети, собираются старики в домино – шашки поиграть, и ребятам-старшеклассникам было бы где встречать свой расцвет после выпускного бала.

«Рассветы, Санька, я любил... Особенно у Волги встречать. Только сделайте

так, чтобы я на нее лицом смотрел... Все заладится!.. И я на скамеечке-то с Вами...».

Был простой, семейный разговор за чаем с яблочным пирогом, приготовленным радушной и гостеприимной Надеждой Варфоломеевной. Светлая память ей! Она, истинное олицетворение и матери и жены, – ненадолго пережила Виктора Сергеевича, когда он ушел из жизни 29 сентября 2004 года.

Золотая осень стояла тогда в Костроме. Она салютовала золотом кленовых листьев. А у его дома в палисаднике пышно цвели «золотые шары». Они не хотели умирать, они цвели-радовали в тот сентябрь, словно ждали, что вот выйдет их хозяин во двор, сядет на скамеечку напротив палисадника и скажет: «...на юную талантливую Кострому, город моего детства и юности, – у меня особые надежды... ЖИВИТЕ ЖИЗНЬ. А Я – ПОМОГУ!..».

Б.К.Коробов, В.С.Розов, А.М.Семенов. 1999 год.

Вот оно – Розовское продолжение октября 2002 года.

Владимир Николаев,
краевед

ДЕЛО БЫЛО ЗАКРЫТО «ПО НЕДОСТАТКУ УЛИК»

О деятельности Общества русских драматических писателей
в Костромской губернии

В биографии А.Н. Островского есть страницы, не получившие, в силу ряда причин, должного освещения в предыдущие годы. К таковым относится и история его взаимоотношений с юридическим миром. Студент юридического факультета Московского университета, которому родители прочили карьеру на судебном поприще, Александр Николаевич и после перехода в сочинители не потерял связи с правом. Начиная с одного из первых своих произведений – комедии «Свои люди – сочтемся» – многие сюжеты писатель черпал из юридической действительности. Велика заслуга Островского в деятельности Комиссии для пересмотра законоположений по всем частям театрального управления, созданной в 1881 г. Энергии и настойчивости драматурга мы во многом обязаны возникновению первого в России общества по охране авторских прав¹.

История законодательства об авторском праве в России ведёт свою историю с XIX столетия. Первые положения, закреплявшие за авторами право на распоряжение собственным сочинением, появились в «Положении о правах сочинителей» 1828 г.² В 1845 г., с принятием «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», за драматургами было специально закреплено право на получение вознаграждения за постановку пьесы на сцене («право представления»), а также определена ответственность за его нарушение³.

Однако указанная норма долгое время оставалась нереализованной – преследование могло начинаться лишь по жалобе потерпевшего, а у отдельно взятого драматурга не было средств отслеживать, не играется ли где-либо в империи его пьеса без разрешения.

Одним из тех, кто терпел значительные убытки от такого положения, был А.Н. Островский – один из первых в России драматургов, для которого сочинительство было основным заработком. В «Проекте законоположений о драматической собственности», составленном 9 октября 1869 г., Александр Николаевич отмечал почти полную бесконтрольность антрепренеров по отношению к уплате авторского вознаграждения и невозможность для драматургов в одиночку осуществлять подобный контроль⁴.

Необходимость создания организации – объединения авторов для предотвращения самовольных постановок – сознавалась многими. 29 ноября 1870 г. по инициативе В.И. Родиславского, А.Н. Островского, Н.А. Чаева, А.А. Майкова и др. было создано «Собрание русских драматических писателей», кото-

рое 30 июля 1874 г. получило официальный устав и было зарегистрировано как Общество русских драматических писателей. 21 октября 1875 г. к нему присоединились сочинители опер во главе с Н.А. Римским-Корсаковым, после чего оно получило окончательное название – Общество русских драматических писателей и оперных композиторов⁵.

Основной целью Общества на протяжении всего периода его существования являлось «охранение принадлежащих по закону русским драматическим писателям и переводчикам права разрешать публичные представления их произведений»⁶.

Членами Общества в разное время состояли такие известные писатели как А.К. Толстой, П.Д. Боборыкин, М.Е. Салтыков, И.С. Тургенев, Н.С. Лесков, А.П. Чехов, В.И. Немирович-Данченко, А.В. Сухо-во-Кобылин, Д.Н. Мамин, А.М. Пешков, Т.Л. Щепкина-Куперник, К.Д. Бальмонт, В.Я. Брюсов, А.Н. Толстой, И.С. Шмелев и многие другие.

У истоков Общества стояло немало костромичей. Самим фактом своего возникновения Общество обязано чиновнику – начальнику отделения канцелярии московского генерал-губернатора Владимиру Ивановичу Родиславскому⁷, «сыну костромского дворянина»⁸. Именно он выступил инициатором создания Общества и взял на себя добровольно обязанность по ведению всех процессов до 1875 г. Пер-

вым председателем Общества 21 октября 1874 г. был избран А.Н. Островский, занимавший эту должность до своей кончины. Уроженец Нерехтского уезда⁹ Николай Александрович Чаев был одним из учредителей организации, а после смерти А.Н. Островского, с 1887 по 1888 гг., и ее председателем. В 1884 г. ему была присуждена Грибоедовская премия Общества за пьесу «Царь Василий Иванович Шуйский»¹⁰.

Интересно, что в составе семи членов первого исполнительного органа Общества драматических писателей – комитета, который был избран в день открытия организации 21 октября 1874 г., как минимум четверо имели связь с Костромской губернией. Это, помимо самого А.Н. Островского, В.И. Родиславский, Н.А. Чаев и А.Ф. Писемский¹¹.

Среди членов Общества можно также назвать уроженцев Костромы А.Н. Плещеева¹², Кинешмы – А.А. и А.Н. Потехиных, костромского дворянина, правнука нерехтского помещика П.С. Мещерского, П.П. Мещерского¹³ и других. Члену Государственного совета М.Н. Островскому, брату драматурга, за оказанные Обществу услуги был выдан медальон¹⁴.

Успешной деятельности Общества на первых порах содействовало негласное покровительство московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукого, в канцеля-

рии которого служил первый секретарь организации – В.И. Родиславский. Опираясь на эту поддержку, авторитет А.Н. Островского и, проведя несколько десятилетий борьбы в судах, драматурги смогли выстроить действующий механизм защиты прав авторов, а организовав широкую агентскую сеть, создать возможность его реализации даже в отдалённых уголках империи.

Представителем Общества в провинции являлся назначаемый комитетом агент, занимавшийся сбором авторского гонорара, контролем за постановками в местных театрах, а в необходимых случаях и начинавший преследование нарушителей.

Между антрепренером и агентом заключалось соглашение, где последний разрешал представление любых пьес членов Общества при условии своевременной оплаты авторского гонорара и выполнения ряда других условий (доставление агенту афиш, отведение бесплатного кресла и т.д.)¹⁵. В случае если предприниматель отказывал в выплатах или задерживал их, агент обращался с заявлением к нотариусу о запрещении дальнейших постановок. Если указанное действие не приносило результата, или находилось лицо, ставившее чужие пьесы вовсе безо всякого разрешения, могло последовать обращение в мировой (городской) или окружной суд, в зависимости от суммы

иска. Как правило, агенты шли «на мировую»: антрепренеру предлагалось заплатить двойной размер «авторских», компенсировать понесенные убытки, обязуясь не допускать нарушений в будущем.

Случалось, что и судебные места допускали нарушения – тогда в дело приходилось вмешиваться кассационным департаментам Правительствующего Сената. Известна, например, жалоба агента по городу Бую и Буйскому уезду М.Ф. Белехова, пытавшегося привлечь к уголовной ответственности распорядителя Буйского общественного собрания А.П. Розина за самовольную постановку пьес А.Н. Островского «Доходное место» и «Вицмундир» П.А. Каратыгина, которая была передана судебному следователю, после чего дело было закрыто Костромским окружным судом «по недостатку улик» даже без рассмотрения дела по существу¹⁶.

В целом, судебных дел, связанных с нарушением авторских прав в пределах Костромской губернии, сохранилось крайне мало, прежде всего, ввиду плохой их сохранности в фондах окружного суда Государственного архива Костромской области¹⁷ и Московской судебной палаты Центрального исторического архива Москвы.

Первоначально сколь-нибудь чётких правил по приисканию агентов не существовало. Анализ документов Общества драматических пи-

сателей показывает, что ими становились актёры, журналисты, писатели, инженеры, нотариусы, поверенные, податные инспектора и т.д. Среди них – актёр Ф.А. Бурдин (С.-Петербург), писатель В.Г. Короленко (Н. Новгород), брат А.Н. Островского – Андрей (Казань)¹⁸, литератор, редактор и издатель П.И. Андроников (Кострома)¹⁹.

Павел Иванович Андроников, родственник и близкий знакомый А.Н. Островского²⁰, выполнял некоторые его поручения юридического характера. Упоминания о его агентской деятельности встречаются в документах еще Собрания драматических писателей (1871-1874), где говорится о принятии им агентуры по Костроме, Кинешме, Мурому, Иваново-Вознесенску и Шуе (встречаются также упоминания о поручении агентуры по Иванову и Кинешме антрепренеру Хотеву-Самойлову, содержателю театра в Костроме²¹ – впоследствии от практики назначения агентами антрепренеров отказались).

В заседании комитета Общества 29 октября 1874 г., созванном через неделю после официального открытия организации, говорится о назначении агентом по Костроме также П.И. Андроникова как «прежде бывшего»²². Тогда же была официально утверждена такса авторского гонорара для театров всех губернских городов, не имеющих университетов, в размере 1 руб. с акта²³.

Таковая была применена и к Костроме, несмотря на ходатайство находившегося тогда в городе антрепренера Г.И. Борского об уменьшении до 50 копеек²⁴. В заседании 12 января 1875 г. комитет Общества постановил выдать агенту Андроникову доверенность за подписью председателя организации, а также разрешил не взимать «авторских» с благотворительного спектакля в пользу инвалидов²⁵.

После появления в 1903 г. конкурента – Союза драматических и музыкальных писателей (С.-Петербург) между двумя организациями началась настоящая борьба. Членам одного общества запрещалось состоять в обеих организациях одновременно. А вот на агентов, как видно, это правило не распространялось. В уездных городах, где количество спектаклей было невелико, агентуру с начала XX в. было разрешено формировать из чинов почтово-телеграфного ведомства. Так, например, начальник Нерехтской почтово-телеграфной конторы М.А. Бухарин исполнял обязанности агента и Общества, и Союза. Агентами той или иной организации состояли также телеграфисты Кинешмы, Плеса, Середы и многих других уездных и заштатных городов и посадов²⁶.

Отчетные документы агентов и комитета Общества ныне являются ценным источником информации по истории отечественного театра²⁷. С использованием этих

Комитет Общества русских драматических писателей. 1877-1878 гг.

сведений составляются списки игранных в России дореволюционного периода пьес того или иного автора²⁸, пишется история театральных учреждений.

Общество вело учет всех пьес, играемых в провинции, основываясь на афишах, получаемых от местной полиции. К сожалению, подобные списки публиковались в печати очень непродолжительное время лишь в середине 70-х гг. XIX в.

Так, из опубликованных в «Указателе по делам печати» в 1875-1876 гг. списков пьес, игранных на провинциальной сцене, можно увидеть, что к этому времени спектакли регулярно ставились не только в Костроме (не исключая и летних месяцев), но и Галиче, Кологриве, Ветлуге, Кинешме²⁹. Постоянный же театр на тот момент имелся лишь в Костроме, где размещался в

каменном здании – собственности детского приюта. Труппа, состоявшая из 8 актеров и 7 актрис, содержанием которой значился дворянин Хотев-Самойлов, признавалась костромским губернатором «удовлетворительной»³⁰.

Очевидно, что спектакли в уездных городах в то время давались лишь изредка заезжими труппами, в т.ч. и из губернского центра. Появление здесь собственных театральных сил можно отнести лишь к началу XX в. Так, в густонаселенном и сравнительно промышленно развитом Нерехтском уезде постановки спектаклей коллективами любителей становятся заметным явлением лишь в 1910-е гг., гастроли профессиональных трупп по-прежнему редки. При этом практически ни один населенный пункт не имел специальных театральных помещений.

Для театрального вечера, как правило, арендовались помещения общественного собрания или гостиницы (Нерехта), клуба (Яковлевское), училищ (Середа), или, например, вечерних курсов для рабочих (Писцово)³¹. Лишь в дачном Плесе обществом «Самообразование» ставились пьесы в специально построенном для этих целей здании летнего театра, но и тут корреспонденты отмечали, что собрать зимой любителей трудно³².

Отметим, что и спустя десятилетия пьесы А.Н. Островского не сходили со сцены, были любимы публикой и востребованы. В упоминавшихся нами населенных пунктах ставили «На бойком месте», «Свои люди – сочтемся» и др.³³

С течением времени число театральных предприятий увеличивалось, расширялась их география. В 1917 г. авторский гонорар систематически перечислялся агентами из Костромы, Галича, Кинешмы, Юрьевца, Макарьева, Солигалича, Ветлуги, Нерехты, Писцова, Плеса, Середы и др. населенных пунктов³⁴.

Время уготовило Обществу русских драматических писателей долгую жизнь. Сумев устоять после появления в 1903 г. конкурента – Союза драматических и музыкальных писателей в Петербурге, «пережив» революцию, меняя названия, оно продолжало действовать. Существующее ныне Российское авторское общество – его наследник.

Приложения

1. Список агентов Общества русских драматических писателей в Костромской губернии. 1909 г. (составлен по: РГАЛИ. Ф. 2097. Оп. 2. Д. 519).

Город и уезд	Агент
Буй	Смирнов Михаил Николаевич (земская управа)
Галич	Грусевич Эльвира Фридриховна
Кинешма (в т.ч. по селам Бонячки, Родники)	Серафимов Александр Константинович (преподаватель духовного училища)
Кологрив	Гаевский Николай Парфеньевич (уездный агроном)
Кострома	Чемоданов Сергей Геннадьевич
Макарьев	Троицкий Дмитрий Александрович
Нерехта	Соколов Николай Иванович (разъездной почтовый чиновник); Бухарин Михаил Александрович (начальник почтово-телеграфной конторы)
Солигалич	Раевский Александр Александрович (уездный учитель)
Чухлома	Соболев Иван Иванович (ветеринарный врач)
Юрьевец	Крылов Василий Николаевич

2. Список агентов Общества русских драматических писателей в Костромской губернии. 1917 – 1919 гг. (составлен по: РГАЛИ. Ф. 675. Оп. 4. Д. 5).

Город и уезд	Агент
Буй	Друлис Николай Михайлович
Ветлуга	Ключиков Владимир Александрович
Галич	Дроздова Вера Павловна
Кострома	Чемоданов Сергей Геннадьевич
Макарьев	Троицкий Дмитрий Александрович
Нерехта (субагенты в Середи, Плесе и Писцове)	Бухарин Михаил Александрович
Солигалич	Мартынов Андрей Павлович
Чухлома	Лаговский Александр Николаевич
Юрьевец (в т.ч. с. Родники)	Макаров Иван Ильич

Примечания

¹ Среди немногочисленных исследований в этой области упомянем труд А. Гольдмана, ставший библиографической редкостью, а также публикации А. Харабета и С. Свириденко. См.: *Гольдман А. А.Н. Островский – председатель Общества драматических писателей.* М., 1948; *Харабет К.В. Юридический мир драматурга А.Н. Островского // Российская юстиция.* 2007. № 11. С. 67-70; *Свириденко О.М., Харабет К.В. Правонарушающее поведение в произведениях драматурга А.Н. Островского. Отечественное законодательство о банкротстве X – XIX веков.* М., 2008. 2 10 Т. 3. СПб., 1830. № 1980.

³ См.: ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1846. № 19283. Ст. 2196 (впоследствии – 1684) гласила: «Кто, не выдавая себя за автора чужого сочинения, перевода..., но зная, что оно есть литературная... собственность другого, будет без надлежащего уполномочия, находящимся у него по какому-либо случаю произведением сего рода располагать как бы принадлежащим ему... или же представить драматическое или играть музыкальное сочинение в публичном собрании... тот за сие, сверх следующего за причиненные им чрез то убытки вознаграждения приговаривается к заключению в тюрьме от двух до восьми месяцев».

⁴ «Отдаленность от столиц и слабость надзора могут служить соблазном для содержателей частных театров и вовлечь их в проступок, за который, в случае преследования, они должны будут очень дорого поплатиться и еще подвергнуться заключению в смиренном доме. Понятие о преступности контрафакции еще недостаточно ясно в наших провинциях...», – писал драматург. См. подробнее: Островский А.Н. *Вся жизнь театру.* М., 1989.

⁵ См.: Протокол общего собрания членов Общества от 29 марта 1875 г. // *Московские ведомости.* 1875. 5 апр.; Комитет общества русских драматических писателей // *Пчела.* 1878. № 16. С. 244.

⁶ Устав Общества русских драматических писателей. М., 1874. С. 3.

⁷ Родиславский Владимир Иванович (1828-1885) – писатель, переводчик, критик, редактор неофициальной части *Московских губернских ведомостей* (1849), чиновник московской кон-

торы императорских театров (с 1859), правитель дел при Московском генерал-губернаторе (1867-1883). Автор воспоминаний «Московские театры доброго старого времени».

⁸ *Давидович Ив.* Родиславский Владимир Иванович // Русский биографический словарь. Т. 16. СПб., 1913. С. 305 – 307.

⁹ См.: Бочкарев В.А. Чаев // Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М., 1975. Стб. 425.

¹⁰ Премией были также отмечены две пьесы А.Н. Островского: «Красавец-мужчина» (1883) и «Не от мира сего» (1885). См.: Обзор деятельности Общества русских драматических писателей и оперных композиторов за XXV-летие его существования. 1874 – 1899 г. М., 1899. С.97.

¹¹ См.: Комитет Общества драматических писателей // Пчела. 1878. № 16. С. 244. На известной фотографии (№ 17, с. 259) членов комитета, избранного 18 марта 1877 г., присутствует также его делопроизводитель И.М. Кондратьев, служащий канцелярии московского генерал-губернатора. После смерти А.Н. Островского к нему перейдет фактическое управление организацией (заменив В.И. Родиславского после его смерти, формально он будет занимать должность секретаря Общества), которое останется в его руках до начала 20-х гг. XX в.

¹² В самом начале своей деятельности Общество обратилось с заявлением о привлечении к ответственности лиц, виновных в самовольной постановке пьес А.Н. Плещеева, а впоследствии пыталось обжаловать в сенате бездействие в этом деле прокуроров Ярославского окружного суда и Московской судебной палаты. Он, кроме того, состоял в комиссии по выработке первого устава Общества. См.: Протокол заседания комитета Общества от 22 декабря 1874 г. // РГАЛИ. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 76. Л. 60; Обзор деятельности Общества русских драматических писателей и оперных композиторов за XXV-летие его существования. 1874 – 1899 г. М., 1899. С. 5, 11-12.

¹³ См.: *Сахаров И.В.* Князь Платон Степанович Мещерский (1713-1799), его происхождение, родственное окружение, потомки // Пятые Диевские чтения. Материалы и доклады межрегиональной краеведческой конференции (3 ноября 2009 г., Не-

рехта). Нерехта, 2012. С. 127.

¹⁴ Такими же медальонами были отмечены председатель Общества А.Н. Островский (1882) и его секретарь В.И. Родиславский (1878). См.: Обзор деятельности Общества русских драматических писателей и оперных композиторов за XXV-летие его существования. 1874 – 1899 г. М., 1899. С. 100.

¹⁵ См. подробнее: Инструкция агентам Общества русских драматических писателей и оперных композиторов. М., 1896.

¹⁶ См.: Российский государственный исторический архив. Ф. 1363. Оп. 2. Д. 991. Лл. 1-3.

¹⁷ Так, согласно описям ф. 340 ГАКО в начале 70-х гг. XIX в. в окружном суде рассматривалось дело по жалобе А.Н. Островского на самовольную постановку антрепренером одной из его пьес (значится утраченным во время пожара 1982 г.).

¹⁸ См.: *Гольдман А.* А.Н. Островский – председатель Общества драматических писателей. М., 1948. С. 56.

¹⁹ См.: Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2097. Оп. 1. Д. 76. Л. 10–11, 50–51, 61–62, 108–109, 125–125 об.; ОР ГЦТМ им. А.А. Бахрушина. Ф. 13; *Резетин П.* Костромские романоведы // Страницы времён. 2011. № 2. С. 94; РО ИРЛИ РАН. Ф. 218. Оп. 5. Д. 39.

²⁰ См.: *Бочков В.Н.* Старая Кострома. Кострома, 1997. С. 92.

²¹ См.: РГАЛИ. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 76. Л. 10-11.

²² Там же. Л. 50 об.

²³ См.: Обзор деятельности Общества русских драматических писателей и оперных композиторов за XXV-летие его существования. 1874 – 1899 г. М., 1899. С. 9-10.

²⁴ См.: РГАЛИ. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 76. Л. 108, 125-125 об.

²⁵ Там же. Л. 61 об.

²⁶ См.: РГАЛИ. Ф. 2097. Оп. 2. Д. 519. Л. 47-50. Государственный архив Ярославской области. Ф. 573. Оп. 1. Д. 276. Л. 11-17 и др.

²⁷ См. переписку секретаря Общества с агентами: РГАЛИ. Ф. 2097. Оп. 2. Дела по Костромской губернии: 505, 506, 509 – 527 (1872 – 1917) и др. См. также ф. 675, оп. 4, д. 5, 6 (1917 – 1923).

²⁸ На основе расчетных листов А.Н. Островского и его наследников за 1871 – 1924 гг. (Рукописный отдел

Института русской литературы РАН. Ф. 218. Оп. 4. Д. 11-18) В.А. Филипповым были составлены таблицы о постановках пьес драматурга на провинциальной сцене в 1875 – 1917 гг. См.: А.Н. Островский: Дневники и письма. Театр Островского. М.; Л., 1937.

²⁹ См.: Список пьесам, представленным на провинциальных театрах в течение сентября 1875 г. // Указатель по делам печати. 1876. № 5. С. 109-110, № 8. С. 165; № 11. С. 223; № 21. С. 389.

³⁰ Список постоянным и временным театрам, составленный по сведениям гг. губернаторов // Указатель по делам печати. 1875. № 13. С. 264. Согласно сведениям, представленным костромским губернатором за 1872 г., содержанием каменного театра, принадлежавшего Марининскому детскому приюту, был итальянский подданный Рамес. Драматическая труппа состояла из 20 человек. Других постоянных или временных театров в губернии не значилось. См.: Сведения о театрах за 1872 г. // Указатель по делам печати 1873. № 6. С. 108.

³¹ См.: С. По губернии. Нерехта. Первая ласточка // Наша костромская жизнь. 1912. № 151. С. 3; По губернии. Село Яковлевское. Открытие клуба // Наша костромская жизнь. 1912. № 10. С. 3; *Ре ми.* По губернии (От наших корреспондентов). Нерехта. Театральные дела // Костромская жизнь. 1914. № 18. С. 3; По губернии (От наших корреспондентов). С. Серeda. Любительский спектакль // Костромская жизнь. 1914. № 28. С. 3; По губернии. Село Серeda. Спектакль // Костромская жизнь. 1914. № 35. С. 3; По губернии. Село Писцово. Спектакль // Наша костромская жизнь. 1912. № 156. С. 3.

³² См.: По губернии. Плес. Спектакль // Наша костромская жизнь. 1912. № 148. С. 3; По губернии. Плес. Дачные развлечения // Там же. № 155. С. 3; По губернии (От наших корреспондентов). Плес. «Скандал в загородном семействе» // Костромская жизнь. 1914. № 39. С. 3.

³³ См.: По губернии (От наших корреспондентов). Армёнки. Новый кружок // Костромская жизнь. 1914. № 39. С. 3; По губернии (От наших корреспондентов). С. Серeda. Любительский спектакль // Костромская жизнь. 1914. № 28. С. 3.

³⁴ См. подробнее: РГАЛИ. Ф. 675. Оп. 4. Д. 5.

Евгений Степаненко,
член Союза писателей
и Союза театральных
деятели России

«ПРИЕЗЖАЙ И БУДЕМ ТАСКАТЬСЯ ВСЮДУ ВМЕСТЕ...»

«Вы спрашиваете про Писемского?.. Какой он, чёрт, аристократ, такой же аристократ, как мы с вами. Ему лет за сорок... он домосед большой руки... ходит всегда в халате, рубашка расстёгнута до пупка, и крепко, крепко любит выпить, у него жена Катерина Павловна не позволяет ему заниматься этой «провинностью». Но когда собираются гости, тогда строгая Катерина Павловна приказывает подать водку и вино, сам хозяин боится при ней пить. «Катюша, дружок, выйди на минутку, — обыкновенно говорит он, когда заберёт охота выпить, — я хочу дурное слово сказать», и Катюша его выходит. Мягкий, ласковый характер Писемского, — с таким любовным добродушием отзывался Александр Николаевич Островский об Алексее Феофилактовиче Писемском.

Знакомство их состоялось в середине XIX столетия, когда Алексей Писемский, окончив костромскую гимназию, стал студентом Московского университета. Зачисленный на математический факультет, он, в общем-то, математикой интересовался не особо, боль-

ше времени проводил у соседей-гуманитариев, увлекаясь чтением Белинского, Шевырёва, восхищаясь Гоголем. Став чиновником московской Палаты государственных имуществ, молодой костромич, как и в студенческие годы, продолжал посещать кофейню Печкина, так любимую студиями, актёрами, певцами и музыкантами, начинающими писателями. Здесь Писемский и услышал, как выпускник юридического факультета Александр Островский читал свою недозволенную цензурой пьесу «Банкрут», испытывая и сам страсть, «возвавшую его к перу». Там же и состоялось знакомство. Мимолётное, далеко не судьбоносное, скорее — шапочное. В 1847-м Писемский оставляет службу в Московской Палате «по расстройству здоровья и домашним обстоятельствам» и возвращается в своё чухломское имение Раменьё.

Сделавшись чиновником особых поручений при Костромском губернаторе, Алексей Феофилактович обстаётся верен писательской «страсти», усердно следит за журналами, литературной ситуацией,

одобрительно воспринимает «перелом», произошедший в русской прозе — от романтизма к реализму. Особенно благоволил журналу «Москвитянин», вокруг которого собираются новые молодые силы, в их числе и знакомый Александр Островский, воспринимавшие начало пятидесятых годов «порой надежды, зелёных, как цвет обложки нашего милого «Москвитянина».

Доброй вестницей весны зелёная книжка журнала доходит и до Писемского в его «костромскую глушь». В мартовском номере 1850 года он обнаруживает некогда запрещённую пьесу Островского «Банкрут», и уже 7 апреля пишет в Москву: «Достопочтенный наш Автор «Банкрута»!.. Если вы хоть немного помните вашего старого знакомого Писемского, которому доставили столько удовольствия чтением ещё в рукописи вашей комедии, то можете себе представить, с каким истинным наслаждением прочитал я ваше произведение, вполне законченное. Впечатление, произведённое вашим Банкрутом на меня, столь сильно, что я тотчас же решил писать к Вам... Кладя

А.Н. Островский. 1850-е годы.

руку на сердце, говорю я: Ваш Банкрот – купеческое Горе от ума, или, точнее сказать: купеческие МЁРТВЬЕ ДУШИ».

Писемский делает глубокий разбор пьесы, высказывает свои конкретные и дельные замечания, завершая письмо дипломатически-простодушными словами: «О собственных моих творениях я забыл, хотя они и лежат вполне оконченные. Адрес мой: Алексею Феофилактовичу Писемскому в г.Кострому, Чиновнику Особых Поручений при Военном Губернаторе. – Каждую почту буду ожидать вашего ответа...»

Ответ Островского со словом «шлите» последовал немедленно. Писемский не заставляет себя ждать, прилагая к тому сопроводительное письмо: «Посылаю Вам, почтенный мой А.Н., произведение мое на полное Ваше распоряжение... Я его называю: СЕМЕЙНЫЕ ДРАМЫ; но если это заглавие или, лучше сказать, что бы то ни было в

моем творении будет несообразно с требованиями цензуры или с духом журнала, – переименуйте, как хотите и что хотите. Роман мой назовите: просто БЕШМЕТЕВ, ТЮФЯК, или каким вам будет угодно окрестите названием. Главная же моя мысль была та, чтобы в обыденной и весьма обыкновенной жизни обыкновенных людей раскрыть драмы, которое каждое лицо переживает по-своему».

В октябре-ноябре «Тюфяк» появляется в «Москвитянине». Зелёные книжки журнала меняют жизнь Писемского. Критика уклончива, разноречива, но в основном – восторженна. Сказал своё слово и Островский: секрет Писемского не в умственной идее, а в живых образах. Это талант чисто художественный и очень искренний. В заключении Александр Николаевич сознавался: «В то время, как я писал этот разбор, я думал, что непременно найду для видимости и беспристрастия, за что в конце побранить автора; но окончивши, я вижу, что решительно не за что». В декабре 1851-го Писемский получает письмо Островского, в котором драматург сообщает о чтении своей комедии «Бедная невеста» на вечере у поэтессы графини Ростопчиной, и тут же ставит о том в известность издателя М.П. Погодина: «Сей час получил письмо от Островского. Радуюсь его успеху и заочно восклицаю: Ура!!!» Ознакомившись с комедией в «Москвитянине», Писемский в восторге: «вы-

веденные лица до того живы, что мне снятся во сне. Ох, как бы я сыграл каждого, все мне по душе».

В 50-е годы Писемский считается лучшим писателем того времени. Похвалы и одобрения слышит не только от близких ему по духу литераторов А.Н. Островского, П.В. Анненкова, А.В. Дружинина. Даже радикальный демократ «беспощадный» Д.М. Писарев предпочитает автора романов «Богатый жених» и «Тысяча душ» И.А. Гончарову с его «Обломовым» и «Обыкновенной историей», как и И.С. Тургеневу с «Рудиным» и «Накануне».

В 1854-м отношения между Костромским губернатором и чиновником особых поручений не заладились. Получив отставку, Алексей Феофилактович отправляется в Петербург, где с 10 февраля 1855 года числится по департаменту управ. О его появлении в Северной Пальмире П. В. Анненков вспоминал: «Трудно себе представить более полный, цельный тип чрезвычайно умного и вместе с тем оригинального провинциала, который явился из Чухломы в Петербург в образе молодого Писемского, с его крепкой, коренастой фигурой, большой головой, испытывающими наблюдательными глазами и ленивой походкой... Ясно делалось, что он вышел на улицы Петербурга таким, каким сел в экипаж, отправляясь из своего родного гнезда... Он производил на всех впечатление какой-то диковинки посреди Петербурга, но диковинки не простой,

мимо которой проходят, бросив на неё взгляд, а такой, которая останавливает и заставляет долго думать о себе».

Здесь, помимо литературной работы, Писемский «прокладывает себе дорогу» и как чтец собственных произведений. Слава о его даре декламатора летит из салона в салон докатывается до Первопрестольной. Островский зовёт: «Приезжай и будем таскаться всюду вместе по всем сильным мира сего».

О том, как страсть к сценическому лицедейству зародилась у Алексея Феофилактовича ещё в Костроме в гимназическую пору, он поведал в романе «Люди сороковых годов». Превосходным чтецом являлся и Александр Николаевич. По свидетельству очевидцев, драматург необычайно тонко, почти не меняя голоса, умел передавать оттенки характеров героев своих драм и комедий. Будучи глубоким знатоком живого русского языка, он так непосредственно и оригинально передавал его звучание, что оно не поддавалось передаче. Даже многие выдающиеся русские актрисы играли в пьесах Островского с его голоса».

Выступления тандема Островский-Писемский почитались в Москве самыми популярными.

Выступали они бесплатно в частных купеческих и аристократических домах, исключительно в интересах знакомств слушателей с личным творчеством. Когда же их стали приглашать в общественные и клубные заведения, вход

стал платным, поступавшие средства отдавались на благотворительные цели. Кому из двоих публика отдавала предпочтение, тут доверимся Сергею Васильевичу Максимову: «каждый внёс свою монету, и все пользовались одинаковым успехом». Писемский, сохранивший говор своей чухломской родины, доводил до полного слухового обмана тех, кто его слушал. Островский читал очень медленно и спокойно, как бы прислушиваясь к звукам своего ровного голоса и каждой отдельной, тщательно отделанной фразе, пользуясь случаем ещё раз взвесить и оценить написанное. Слышавшие Александра Николаевича потом говорили: «Вот такого разумного человека народил господь и послал в нашу матушку-Москву: слушает она его теперь и не может вдоволь послушаться. То всем дорого и лестно, что наш он, наш».

В 1856-м оба друга принимают участие в Литературной этнографической экспедиции. По поручению Московского морского министерства Островский отбывает на Верхнюю Волгу, Писемский – на Нижнюю, где «обозревает жителей Астраханской губернии и побережья Каспийского моря... для составления по этому предмету статей в «Морской сборник». Почти год Алексей Феофилактович пропадает в этой поездке, пишет нужные отчёты, страдает от жары и холода, часто вспоминает Островского, шлёт тому из Астрахани весточки: «Пиши мне, бога ради, при

А.Ф. Писемский. 1850-е годы.

всём разнообразии впечатлений, мне тоска смертная и каждая весточка от вас будет мне истинная отрада».

По возвращении из экспедиции Писемский порывает с «Современником», связывая свою литературную судьбу с журналом «Библиотека для чтения». Год спустя «свершился великий казус»: вместе с Дружининым он становится редактором «Библиотеки...», заведывая «изыщной литературой». Островский советует с «Современником» не порывать, от редакторства журнала, завоевавшего сомнительную славу, отказаться.

Писемский к его предостережениям остаётся глух. Мало того, просит Александра Николаевича дать в свой журнал пьесу: «Бога ради, любезный друг, поддержи меня – и дай свою комедию!» Островский верен «Современнику», пьесы не даёт. Писемский настаивает: «Без тебя мне, откровенно сказать, решительно не с чем выйти... Успокой моё беспо-

койное сердце. Спаси «Библиотеку для чтения».

Три года спустя Островский решает поддержать друга, даёт в его журнал «Воспитанницу», а затем – «Грозу». В это же время Писемский печатает свою лучшую драму – «Горькая судьбина» и лучший роман «Тысяча душ». Незадолго до того была учреждена академическая Уваровская премия за лучшее драматическое произведение года. Комитет по премиям трижды не находил достойного произведения среди драматургов и присуждал их историческим трудам. 25 сентября 1860 года премиями отмечены сразу две драмы — «Гроза» Островского и «Горькая судьбина» Писемского. Отмечая это событие, П.В. Анненков писал: «Если когда-нибудь Уваровская премия за драматические сочинения отвечала своей цели и падала на произведение, глубоко затрагивающее русскую жизнь, то именно в этот раз, когда отдана была Писемскому за знаменитую его комедию, не потерявшую цены и от сравнения с самыми удачными и тоже много раз увенчанными произведениями Александра Николаевича Островского»...

Потерпев крах с «Библиотекой для чтения», Алексей Феофилактович переезжает в Москву, где друзья видятся часто, больше – в доме «гостеприимного человека Писемского», в котором собирались и другие товарищи по университету.

Дружеские отношения Островского и Писемского, проникнутые «несомненной

родственностью и несомненным единством психики» в глазах окружающих «простирались» до такой степени, что даже анекдоты, как при жизни их, так и после того, появлялись в избытке на страницах изданий непременно рядом. Анекдоты те не были пустым зубоскальством, но давали почитателям Островского и Писемского «букет задушевности, близости, нисколько в то же время не умаляя их таланта».

Одно из таких «народных творений» в журнале «Театр и искусство» воссоздаёт сюжет, когда в усадьбу Щельково к драматургу приезжает незнакомый актёр. Принимают его радушно, усаживают за обильный стол, напитков же – никаких, ибо врачи запретили Александру Николаевичу «невинное удовольствие», а посему супруга его Мария Васильевна «изгнала» из усадьбы всякие напитки. Заскучал актёр, загорюнился, а утром отправился в соседнее село, где, как узнал, была благодатная «продажа питей».

На следующий день перед обедом говорит актёр драматургу:

– Пройдёмте-ка, Александр Николаевич, в мою комнату на минутку.

Проходят. Актёр берёт ручкомойник и наливает из него стакан.

– Пожалуйте, Александр Николаевич.

– Да что вы, батюшка. Я этой гадости никогда не пью и после обеда, а тут перед обедом воду пить.

– Да вы попробуйте.

Островский попробовал и с восторгом заметил:

– Да ведь как остроумно.

Жена его, проходя как-то мимо умывальника, почуяла «блаженный запах». Оказалось, «остроумный» актёр ежедневно приносил водку, наполнял ею ручкомойник, а бутылку выбрасывал в саду.

За сим сюжетом следует анекдотическая байка про Алексея Феофилактовича Писемского, большого оригинала, человека «чисто русского ума, образной речи, с примесью некоторой свободы языка, которая у другого слыла бы за цинизм, а у Писемского выходила шуткой». Байка о том, как актёр Модест Писарев, только что женившийся на актрисе Полине Стрепетовой, приходит с ней к Писемскому. «Здравствуйте, – встречает их хозяин. – Поздравляю. Любитесь, чай, с первоначалу-то. Только трагической актрисе жить так нельзя».

– А как же, Алексей Феофилактович? – спрашивает Стрепетова.

– Как? О Рашели-то, чай, слышали? Любовника б себе завели. А мало – так двух. Да чтобы прощельга какой попался, да увёз бы вас вёрст за сто от губернского-то города, да бросил бы на постоялом дворе, аль середь дороги. Да оттедова Христовым именем пришлось бы добираться до города. Ну, вот, тогда, конечно, поняли бы трагические положения. А то так-то што? Живёте, как голубки, как же вам понять трагические положения?

Анекдоты анекдотами, но доверие их друг другу было столь чистосердечным, что Писемский, не жаловавший заседания, частенько просил Островского подать за него голос в собрании Общества русских драматических писателей, членом которого состоял. Иные же издатели, желая привлечь Островского к своему «делу», обращались именно к Писемскому, чтобы тот посодействовал. Так, к слову, поступил издатель журнала «Огонёк» Аловерт. Алексей Феофилактович с готовностью откликнулся на просьбу, при случае сообщил результат: «С Островским я не виделся лично, но я передал ваше желание жене Александра Николаевича, которая была у нас и которая прямо мне объявила, что Островский исключительно печатается в «Отечественных записках».

Александр Николаевич ставил Писемского очень высоко как писателя-реалиста, даже выше Достоевского, хотя с ним во многом не сходился. Да и Алексей Феофилактович в силу своей добродушно-бесхитростной природы то ли в шутку, то ли всерьёз говорил Островскому: «Люблю в тебе ум, а не талант».

Но они всегда товарищески любили друг друга, их роднило глубокое знание подлинной русской жизни, чуткое осознание душевных свойств русского человека. Это искреннее родственное чувство часто проявлялось и за кулисами театра, которые являлись для них «маленьким тёплым уголком» обширной русской твор-

ческой семьи. Как вспоминал современник: «За головами Островского и Писемского из этих кулис как будто виделись Салтыковы, Тургеневы, Толстые, Успенские, Слепцовы, Решетниковы, Перовы, Маковские, Прянишниковы, Мусоргские, – словом, вся обширная в то время плеяда русского народно-бытового искусства во всех разветвлениях литературы, живописи, музыки».

В июне 80-го они как почётные гости принимали участие во всенародном торжестве – открытии памятника А.С. Пушкину, говорили речи. «Как отлично выразился Островский, радуемся, потому что это на нашей улице праздник», – писал Писемский редактору «Нивы» Бергу. Под «нашей улицей» подразумевалась русская литература.

А потом наступил январь 81-го, когда один из них провожал в последний путь другого. Того, кто оставил Россию с мыслью: «Единственной путеводною звездой во всех делах моих было желание сказать моей стране, по крайнему разумению, хоть, может быть, и несколько суровую, но всё-таки ПРАВДУ про нее самое. Насколько я успел в этом случае – не моё дело судить».

Волосы на почти облысевшей голове Островского трепетали от холодного ветра. Светлые глаза его блеснули слезами, когда Александр Николаевич, поддерживаемый друзьями, поднялся над свежерытой могилой Алексея Феофилактовича.

Пять лет спустя после того ушёл из жизни и Александр Николаевич. Перед смертью Островский не раз высказывал пожелание быть погребённым в Москве в Ново-Девичьем монастыре, рядом с Писемским. Согласно этой воле драматурга жена его Мария Васильевна делала соответствующие распоряжения, извещала его ближайших друзей. «Тело Александра Николаевича предполагается перевезти в Москву», – сообщали «Костромские губернские ведомости».

Узнав о проследовании праха Островского через Кинешму, общественность города также готовилась к его проходам. Однако на семейном совете решили похоронить Александра Николаевича в Николо-Бережках, рядом с отцом. «Родные покойного, – писали «Русские ведомости», – не получая из Москвы никаких официальных приглашений перевести в столицу прах Александра Николаевича, изменили своё намерение и решили похоронить его в имении, где покоится прах его отца и где предполагается сделать общий семейный склеп фамилии Островских».

Позже «Московские ведомости», сообщая о чрезвычайно скромных похоронах драматурга, выскажут твёрдую надежду, что «Москва ещё почитит прах Островского, когда он будет перевезён сюда для предания земли рядом с прахом Писемского».

Этого не случилось. Бывшие друзья на этой земле больше не встретились.

**ИЗ МЕТРИЧЕСКОЙ
КНИГИ**

об умерших Николаевской
церкви погоста Бережки
Кинешемского уезда
Костромской губернии
за 1886 г.:

«Месяц и день смерти –
2 июня

Дата погребения – 5 июня

Звание, имя, отчество и
фамилия умершего – По-
мещик усадьбы Щелько-
во губернский секретарь*
**Александр Николаевич
Островский**

Лета умершего – 63 года

От чего умер – От разры-
ва сердца.

Кто исповедовал и при-
общал – По внезапной смер-
ти без приобщения

Кто совершал погребен-
ие, где погребены – Города
Кинешмы Успенского со-
бора Александр Горицкий,
села Вичуги Николаевской
церкви протоиерей Виктор
Горицкий, Николаевской
церкви погоста Бережков
священник Антоний Хер-
сонский с дьяконом Кине-
шемского Успенского собо-
ра Флегонтом Богдановым и
дьячками погоста Бережков
Аристархом Каллистовым
и Иваном Зерновым на при-
ходском кладбище»

Примечание: Слова «губерн-
ский секретарь» надписаны над
зачеркнутым текстом «статский
советник»

Основание: ф. 56, оп. 8, д. 8, л.
166 об-167.

*Подготовила
Галина СУХАРЕВА,
главный архивист ГАКО*

УСАДЬБА ЩЕЛЫКОВО В 1918 ГОДУ

18 марта 1918 года

Опись имущества и находящегося в нем живого и мертвого инвентаря

*Имение принадлежит Сер-
гею Александровичу Остров-
скому и находится в усадьбе
Щельково Ивашиевской воло-
сти Кинешемского уезда Ко-
стромской губернии.*

Дом деревянный двухэтаж-
ный с подвесом на каменном
фундаменте, крытый железом.
Дом полукаменный крытый
тесом, требует ремонта. Двор
скотный каменный крытый те-
сом, требует ремонта, при чем
таковой разделен на девять по-
мещений, а именно: конюшня,
коровник, для корма, карет-
ник, кладовая с погребом, по-
греб летник для воды для слу-
жащих и курятник зимний.

Амбар деревянный двух-
этажный крытый тесом в во-
семь отделений. Требуется ре-
монта крыша.

Сарай деревянный сенной
новый крытый тесом.

Сарай тесовый на столби-
ках для сена крытый тесом,
требуется ремонта крыша.

Сарай в два отделения для
сена крытый тесом, требует
ремонта крыша.

Баня деревянная крытая те-
сом, требует ремонта.

Курятник летний деревян-
ный крытый тесом.

Сарай новый деревянный
(на лугу) крытый тесом.

Мельница водяная при ко-
торой строения: амбар дере-
вянный и толкушка, крытые
тесом. Маслобойня деревян-
ная, крытая тесом.

Дом для помещиков де-
ревянный, крытый соломой
и двор для приезжающих по-
мещиков. Мельничных кам-
ней на деле четыре, обломков
один. Каменьев масляный
(медведей) два и плита.

Скот обыкновенный: корова
черная 8 лет в 700 руб., корова
красная 8 лет в 750 рублей. Те-
лушка стольная бело-пестрая
2-х лет в 600 рублей. Телушка
бело-пестрая одного года в 300
рублей. Теленок молочник 9
недель в 80 рублей.

Птица: кур 16, один петух.
Лошади: кобыла сивая 20 лет
в 80 руб. Кобыла серая 6 лет в
2000 рублей. Мерин вороной
14 лет в 500 рублей. Кобыла 9
месяцев в 50 рублей.

Молотилка с барабаном в
разобранном виде, негодная.
Каток. Росмашка негодная.
Сох без оглобель две. Веялка
с 8 решетками. Борон с желез-
ными зубьями 6, две из них
негодные. Плугов одноконных
железных один, деревянных
два и один негодный. Вил сен-
ных железных в 4 рога один,
навозных в 5 рог один, в четы-
ре рога 4. Рогаток для разбив-
ки навоза две. Грабель желез-
ных двое. Лопаток железных
четыре. Мотыга для окучи-
вания капусты одна. Кос три.

Бабка косная, молоток для кос. Ножницы для стрижки кустов двое. Бадья деревянная с железными обручами и цепью железной длиною в 4 сажени. Тачка с колесиком, перил поперечных три. Крючков навозных пять. Лопат деревянных с железными наконечниками шесть, негодные. Топора два. Весы тарелочные со скалой проржавленной цепями.

Весы баланец с деревянными скалками и гириями на 10 пудов. Велосипедов: мужской один и женский один.

Станок столярный деревянный. Костылей железных в 6 вершков 24 штуки. Бурав земляной. Бочек для воды 2. Бочка из-под керосина. Битон железный. Лейка садовая. Лодка речная с двумя веслами, уключинами и рулем. Якорь маленький. Колод для корма долбленных две.

Сбруя: хомутов с гужами выездных пять, рабочих с гужами четыре, негодных пять, плохих четыре. Хомутов пристяжных выездных без гужей пять. Шорок пристяжных выездных лакированных две. Седелок выездных простых две и лакированных одна рабочая, поношенных три и негодных три. Уздечек выездных с плашками первого сорта три, второго сорта три, третьего сорта с набором круглым две, шарабанная простая одна, верховых простых три, рабочих простых три. Муштуков пять. Шлей ременных рабочих пять, выездных первого сорта три, второго сорта три, третьего сорта с набором три и негодных три. Седел: дамское с подпру-

гой, разъездных без подпруг плохих два. Ремней черезседельных пять. Ремней сыромятных два. Подпруг три, из них одна порванная, рабочих семь, требуют ремонта. Ошейников с бубенчиками новых три. Дуг выездных четыре, рабочих три. Постромок пристяжных три пары, гусевых веревочных с железными крючками одни. Возжей тесмянных пять, из них три плохих веревочных, двое ужищев, для вязки сена веревочных два.

Коляска рессорная крытая с фонарями одна. Пролетка рессорная крытая одна. Шарабан рессорный один. Линейка с рессорным задом одна. Тарантас корзинка с рессорным задом, передняя ось которого сломана. Дрожки беговые. Тележка-кузов разбит без задов. Саней корзинка двое. Сани лубяные. Телег две, требуют ремонта. Телег навозных четыре. Телег снопозовных две. Одноколка для возки воды.

Тяжей для телеги веревочных тринадцать, из них пять не годных, железных цепных два. Колес для тарантаса: передних четыре, задних пять. Колес тележных: задних девять, передних одиннадцать, не годных восемь. Шкворней тележных девять. Оглобель колесных с шинами два. Осей с железными поддосками четыре, без поддосок две.

Дрог водовозных двое, требуют ремонта. Дровней четыре, двое из которых похуже. Подсанок двое. Кирпича обожженного около 1000 штук. Рам парниковых сорок три. Теса кровельного четырнадц-

ать штук, полового сорок, лафет семь штук, однорезка старого двадцать девять штук. Бревно старых размером в трех костраха (так в документе) около 60 штук. Кожа телячья не отделанная. Точил маленьких одно. Картофеля около 100 пудов. Зерно: ржи около 24 пудов, овса около 20 пудов. Сена около 1400 пудов. Соломы яровой около 50 пудов. Соломы ржаной около 140 пудов. Муки ржаной около 26 пудов 20 фунтов.

Опись производил Ивашевский волостной земельный комитет 18 марта 1918 года в присутствии нижеподписавшихся понятых и младшего милиционера Ивашевской волости

Председатель комитета
С. Ягодкин

Член комитета В. Беспалов
Вр. исп. дол. секретаря
Севрюгин

Младший милиционер
Ивашевской волости
Николай Панов

Понятые граждане
деревень Кутузовки
Василий Кожакин,
деревни Лобанова
Иван Голубев.

Вышеозначенное имение, постройки и имущество принял под свою ответственность Николай Любимов.

С подлинным верно:

Председатель земельной секции Ивашевского волостного Совета крестьянских депутатов Севрюгин (подпись)

Сверял секретарь: Лебедев (подпись).

ГАКО, ф. Р 224,
оп. 2, д. 62, л. 87-88.

«ПОКОНЧИТЬ РАСЧЕТЫ
С ПРИСЛУГОЙ...»

9/22 апреля 1918 года

Заявление председателя земельной секции Ф.И. Севрюгина в земельную секцию Ивашевского волостного Совета крестьянских депутатов о необходимости произвести проверку оставшегося картофеля в усадьбе Щельково, бывшего владельца Островского.

Постановление земельной секции Ивашевского волостного Совета крестьянских депутатов:

Просить Ф.Е. Луковкина и М.Ф. Бастырева в среду 11/24 апреля произвести поверку (так в документе) оставшегося картофеля в усадьбе Щельково, бывшего владельца Островского, при этом оставить его охраняющему имение гражданину Любимову на расходы для посадки 15 пудов, а остальной запас реквизировать и передать в пищу Адичевской больнице и Покровской богадельне.

*ГАКО, ф. Р 224,
оп. 2, д. 95, л. 95 об.*

9/22 апреля 1918 года

Заявление гражданки, проживающей при усадьбе Шателен Прасковьи Николаевны Волковой в земельную секцию Ивашевского волостного Совета крестьянских депутатов оставить за ней теплицу с цветами, сад с ягодными деревьями и небольшой участок огорода.

Постановление земельной секции Ивашевского волостного Совета крестьянских депутатов:

Предоставить бабушке Прасковье Николаевне Волковой огород и оранжерею в усадьбе Щелькове, бывших владельцев Шателен для личной обработки в свою пользу.

*ГАКО, ф. Р 224,
оп. 2, д. 95, л. 95 об.*

9/22 апреля 1918 года

Предложение председателя земельной секции Ф.И. Севрюгина в земельную секцию Ивашевского волостного Совета крестьянских депутатов о реквизиции живого и мертвого инвентаря и раздаче за плату нуждающимся в усадьбе С.А. Островского и Шателен.

Постановление земельной секции Ивашевского волостного Совета крестьянских депутатов:

В виду не получения до сих пор ответов как от С.А. Островского, так и от наследников Шателен о своем желании обрабатывать землю личным трудом, весь имеющийся в их усадьбе живой и мертвый инвентарь реквизировать, раздав его за плату нуждающимся гражданам волости по удостоверениям сельских комитетов, кроме сена, кобылы серой, мерина вороного, двух комплектов зимней и летней упряжи рабочей, которую оставить за волостным Советом.

*ГАКО ф. Р 224,
оп. 2, д. 95, л. 96.*

18 апреля 1918 года

Заявление гражданина Н.Н. Любимова в земельную секцию Ивашевского волостного Совета крестьянских депутатов о выдаче ему с семьей вознаграждения за уход скота и присмотр за усадьбой в Щелькове, бывших владельцев Островских и наследников Шателен (причем председателем земельной секции Ф.И. Севрюгиным внесено предложение покончить расчеты также с прислугой других усадеб).

Постановление земельной секции Ивашевского волостного Совета крестьянских депутатов:

Выдать вознаграждение:

а) Н.Н. Любимову в усадьбе Щельково Островского и наследников Шателен с 1 февраля по 1 мая 360 рублей;

б) А.Ф. Запорову и его дочери Марии, первому с 15 февраля по 5 апреля 40 рублей и второй с 15 февраля по 23 марта 40 рублей;

в) Ив. Ст. Котову с женой в усадьбе Панькино наследников Варфоломеевой с 1 января по 1 апреля по 75 рублей в месяц;

г) С.З. Кузнецову и В.И. Голубевой в усадьбе Угольском братьев Витовых, первому за один месяц с 23 марта 100 рублей и второму за один месяц с 23 марта 100 рублей.

*ГАКО, ф. Р 224,
оп. 2, д. 95, л. 122 об.*

*Подготовила
Марина НЕДОМАРАЦКАЯ,
методист ГАКО*

РАЗДЕЛ УСАДЬБЫ

Оба документа поступили в музей в составе архива Островских – Шателенов, купленного после смерти внучки А.Н. Островского М.М. Шателен. Первый датируется 1901, второй – 1902 годами. В документах речь идет о вариантах раздела имения между женой и дочерью драматурга: Марией Васильевной Островской (1845-1906) и Марией Александровной Островской, по мужу – Шателен (1867-1913).

Имение находилось в совместном владении драматурга и его брата Михаила по уговору фактически с 1868 г., хотя «Вводный лист на право владения имением» был получен ими только в 1873 г. В совместном владении оно осталось и после смерти А.Н. Островского в 1886 г.

При покупке в имении был один усадебный дом (именно он именуется в публикуемых документах как «старый»). Дом этот был невелик, и Михаил Николае-

вич, чтобы не мешать растущей семье брата, построил недалеко на живописном обрыве новый дом. Строительством руководил драматург, да, собственно, и пользовался им он и его многочисленные гости (впоследствии этот дом стали называть «Гостевым»).

После смерти А.Н. Островского родственники делиться не стали. Михаил Николаевич приезжал редко, в его доме жили Шателены, которые вели раздельное хозяйство, благоустривали территорию, строили надворные постройки (в том числе конюшню). Таким образом, уже в это время на территории некогда единой усадьбы сосуществовали два владельца.

М.Н. Островский скончался в 1901 году. Не имея детей, свою часть имения он завещал своей подопечной племяннице, М.А. Шателен.

Территориально близкое соседство двух домов («Гостевого» и усадебного) и вынужден-

ное близкое сосуществование двух хозяек (матери и дочери) – людей совершенно разных, почти сразу становится невыносимым. Впрочем, их отношения не складывались изначально. Внучка драматурга, М.М. Шателен пишет: «...из-за расхождения во взглядах с Марией Васильевной было решено имение разделить...» Мария Александровна отказалась от приходившейся ей после отца части наследства, оставив ее матери и братьям.

При разделе имения сразу предполагалось территориальное разделение усадебного парка на две части: западная, именуемая парк «Овражки» должна была отойти Марии Александровне, которая намеревалась выстроить по собственному проекту новый усадебный дом. Так, в конце концов, и произошло, с той лишь разницей, что материалом для строительства послужил разобранный Гостевой дом.

Венки из Кинешмы.

Северный фасад Голубого дома.

ПРОЕКТ ДОГОВОРА

«Мы нижеподписавшиеся оставляя временно в нераздельном владении принадлежащее нам имение Щельково, полюбовно разделяем теперь же усадьбу и находящуюся под ней землю следующим образом:

I. Наследники А.Н. Островского, кроме М.А. Шателен, получают:

1) «Старую усадьбу» со всеми службами, живым и мертвым инвентарем.

2) «Новый дом» и принадлежащую к нему конюшню.

3) Землю, находящуюся под «Новой» и «Старой» усадьбами в пределах стен существующих оград.

4) Луг, находящийся перед «Новым домом»

5) Так называемые «Первое» и «Второе» поля с гумном.

II. Мария Александровна Шателен получает:

1) Землю, находящуюся под парком в пределах существующей там ограды

2) Землю, лежащую между оградой парка с надельными землями дер. Ладыгино и рекой Куекшей

3) Так называемое «третье» поле

4) На снос кухню при «Новом доме»

5) Денежное вознаграждение в размере 3000 р. за «Новый дом», уплачиваемое тремя взносами по 1000 р. к 1 январю, к 1 июню и к 1 декабрю 1902 г.

III. 1) До постройки своей усадьбы М.А. Шателен имеет право пользоваться, без уплаты всякого вознаграждения, всеми постройками «Новой усадьбы» и землей под ней

Мария Васильевна Островская.
Жена драматурга.

находящейся, а также прачечной и баней принадлежащей к «Старой» усадьбе.

2) При переезде в свою усадьбу М.А. Шателен имеет право взять с собою из нового дома все предметы, принадлежащие покойному М.Н. Островскому и ей самой.

IV. Впредь до общего раздела имения Щельково устанавливаем, что:

1) Государственные и общественные подати и повинности, а также расходы на лесную стражу уплачиваются М.А. Шателен в размере 15/25 общей суммы, остальная часть которой уплачивается другими наследниками.

2) На содержание приказчика, надзирающего за имением, М.А. Шателен уплачивает по 10 р. в месяц.

3) М.А. Шателен предоставляется право пользоваться покосами дачи «Харино».

4) Об «язательн»ые работы крестьян за выгон и покосы по имению отдаются ими в пользу наследников А.Н. Островского, кроме М.А. Шателен, взамен чего последние обязуются

убирать сено на покосе «Харино» и доставлять его в усадьбу М.А. Шателен.

5) Страховую премию за новую усадьбу уплачивает М.А. Шателен во все время пользования ею».

ГМЩ Ф.1.Он.1. Д. № 313,

ПРОЕКТ РАЗДЕЛА лесных дач, угодий и усадьбы Щельково,

находящихся во владении вдовы действительного статского советника Марии Васильевны Островской с сыновьями и жены статского советника Марии Александровны Шателен.

«Мария Васильевна Островская с сыновьями получают, образуясь с последним планом имения, составленным в 1901 году, дачи: 1) Калининскую, 2) Погорельскую, 3) Лядину, 4) Ивановскую вместе с вырубками первого и второго Грибовника, 4) Ивахтинскую, 5) из Моденовской дачи 26,55 десятин примыкающие к Ивановской даче и ограниченные большой дорогой в Галич. 6) дачу Твердовскую и 7) владения по реке Мере (не обозначенные на плане) по документам находящиеся у Марии Васильевны Островской.

Кроме того, Мария Васильевна с сыновьями всю усадьбу (кроме нового дома с находящемся при нем кухней и конюшней) со старым домом и надворными постройками, теплицей и амбаром, луг, находящийся под домом с мельницей, поле, примыкающее к даче Харинской с гумном и находящимися на ней постройками и среднее поле.

Мария Александровна Шателен получает дачи: 1) Сергеевскую, 2) Тиминскую, 3) Мариннинскую, 4) Городищенскую, 5) Харинскую, 6) Моденовскую, кроме 26, 55 десятин, примыкающей к Ивановской даче, 7) Семенцевскую и 8) Дор.

Кроме того Мария Александровна получает парк, примыкающий к усадьбе в пределах его ограды, и крайнее поле, примыкающее к Свинкину и простирающееся вплоть до ограды парка, новый дом с кухней и конюшней и 1500 рублей денег, которые Мария Васильевна Островская с сыновьями обязуются уплатить в течение зимы 1903-1904 года».

ГМЦ Ф.1.Оп.1. Д. № 314/

«ЭТИ ВЕЩИ ЛЕГЛИ В ОСНОВУ МУЗЕЯ»

Из воспоминаний Владимира Александровича Маслиха (1897 – <не ранее 1979>), заведующего музеем Малого театра, заслуженного работника культуры РСФСР (1966).

«...В 1936 году в конце мая месяца я впервые приехал в Щельково для устройства музея в доме А.Н. Островского. Для этой цели были выделены 2 комнаты – кабинет Александра Николаевича и прилегающая к нему гостиная. Иконографический материал (портреты актеров в ролях репертуара Островского, сцены из спектаклей и др.) был привезен из Москвы, а обстановку комнат необходимо было воссоздать вещами, сохранившимися в доме. Из этих вещей в доме оказались: в кабинете – письменный стол (простой, сосновый), четыре кресла

с высокими спинками, диван (кресла и диван были обиты кожей, но настолько истрепанной и совершенно потерявшей цвет, что ее пришлось снять и заменить дерматином), круглый стол и два кресла. Эти вещи и легли в основу обстановки кабинета; в гостиной стояли – клавикорды, овальный стол и несколько кресел мягких. Этими вещами была обставлена гостиная.

Когда через два года под музей была отдана столовая, ее обставили вещами, обнаруженными на чердаке дома: часть стола-сороконожки, четыре стула, обитые кожей; эти стулья по свидетельству И.И. Соболева, с детских лет бывавшего в доме Островского, были сделаны его отцом, И.В. Соболевым, с которым Островский дружил, и таких стульев было, по свидетельству Соболева, 12 штук. Тогда дирекция театра поручила Соболеву доделать 8 недостающих стульев, что он и сделал. Стулья были обиты дерматином. Для

обстановки столовой был перенесен из Голубого дома буфет.

За все время существования музея (до года передачи Щелькова в ВТО) из Москвы были привезены только 3 вещи: часы, которые стоят в столовой, висячая лампа над обеденным столом и лампа на письменный стол в кабинете. Ломберные столы были обнаружены на чердаке дома.

Должен подтвердить, что выпиленные рамки, висевшие в кабинете, были в свое время выпилены Островским и подарены И.В. Соболеву, сын которого И.И. Соболев подарил их музею. Вообще указаниям И.И. Соболева можно было верить: он бывал в доме А.Н. с детских (дошкольных) лет и в год смерти островского ему было 14 лет. И он прекрасно помнил обстановку дома при жизни Островского.

*Зав. музеем
Малого Театра В. Маслих».*

Ф. 6. Оп. 1. Д. № 30

Фамильное захоронение Островских в Николо-Бережках.

ОТ ПУШКИНЫХ — ОСТРОВСКИМ

Отец драматурга, костромской уроженец Николай Федорович Островский (06.05.1796-22.02.1853), выпускник Костромской духовной семинарии (1814) и Московской духовной академии (1818), штатный секретарь I департамента Московской гражданской палаты (17.11.1825-17.10.1841), кавалер ордена Святого Станислава III степени (25.08.1839) и знака отличия беспорочной службы за XV (22.08.1836) и XX (22.08.1840) лет и адресат высочайшего благоволения (07.05.1835, 12.06.1836, 04.06.1837), владелец двух домов на Житной улице и пяти домов в Николо-Воробьинском переулке, внесенный вместе с женой и детьми в третью часть дворянской родословной книги по Московской губернии (08.02.1839), в конце жизни, по всей вероятности, затосковал по родине и вдобавок к имевшемуся приобрел два имения со 152 душами крестьян в Кинешемском и Солигаличском уездах Костромской губернии, вследствие чего с женой и детьми был внесен также и в третью часть дворянской родословной книги и по Костромской губернии (13.12.1850)¹.

О прежних владельцах Щелькова отставном премьер-майоре (1783) Алексее Михайловиче Кутузове (1749-1797) и его старшем брате отставном генерал-майоре (1774) и предводителе костромского дворянства (1788-1799) Федоре Михайло-

Отец драматурга
Н.Ф. Островский. Сер. XIX века.

виче Кутузове (1737-1801), его единственном сыне Николае (1791-1813), дочерях Варваре (1792-1815), Александре (1793-?), Любове (1795-?), и Прасковье (1796-?) и зятях отставном штабс-капитане Егоре Григорьевиче Сипягине (1789-?), отставном поручике Григории Васильевиче Сабанееве (ок. 1783-?) и отставном капитан-лейтенанте Николае Ивановиче Патрикееве (1794-1866) известно немного, но еще меньше известно о прежних владельцах солигаличского имения Островских, хотя они этого не заслуживают.

Село Богоявление-Раменье Солигаличского уезда принадлежало выпускнику Московского университетского благородного пансиона (1790), участнику русско-турецкой войны (1787-1791) и Персидского похода (1796), генерал-майору и шефу Нарвского драгунского полка (1800) в отставке (1803), непременно-

члену московской Оружейной палаты (1809-1815), действительному статскому советнику и камергеру (1811), секретарю Императорского Московского общества сельского хозяйства (1820), землевладельцу Московской и Тульской губерний и владельцу каменных домов на Дмитровке и Тверской улице в Москве, актеру и режиссеру, писателю и переводчику², корреспонденту Вестника Европы, Санкт-Петербургского вестника и др. Алексею Михайловичу Пушкину (31.05.1771-25.05.1825)³, женатому на Елене Григорьевне, урожденной Воейковой, в первом браке Немцовой (1778 – март 1833), которые общались с родителями Александра Сергеевича Пушкина до их отъезда из Москвы, а их дети Ольга (11.03.1801-02.02.1862), Алексей (1802 – не позднее 1811), Прасковья (1803-07.08.1875), Иван (14.12.1804-19.08.1875), Фаина (1805-?) и Наталья (1806-?), соответственно, поддерживали родственные отношения с поэтом и впоследствии.

«Бедный и любезный наш Алексей Михайлович умер и снес в могилу неистощимый запас шуток своих на Василья Львовича. Не выдавши их вместе, ты точно можешь жалеть об утрате оригинальных и высококомических сцен. Нам уж так сладко не смеяться!» – в начале июня 1825 года сообщил поэту о смерти его двоюродного дяди Петр Андреевич Вяземский⁴.

«Как жаль, что умер А. [лексей] М. [ихайлович]!» – откликнулся племянник⁵.

Солигаличское имение Пушкиных досталось в приданое их младшей дочери Наталье Алексеевне, вышедшей замуж (06.07.1833) за выпускника Императорского Пажеского корпуса (1812), участника Отечественной войны (1812-1815), Малоярославецкого (12.10.1812) и Лейпцигского (04-06.10.1813) сражений и взятия Парижа (18.03.1814), члена Союза благоденствия (1818), отставного майора 16-го егерского полка (02.02.1827) и владельца усадьбы Мажарово Медынского уезда Калужской губернии Александра Александровича Челищева (29.12.1797-04.01.1881)⁶, у которых были сыновья-близнецы Алексей (27.07.1836-16.07.1894) и Владимир (27.07.1836-1855) и до-

чери Мария (?-?) и Екатерина (?-?), однако усадьба Богоявленское Солигаличского уезда их матерью 9 октября 1846 года почему-то была продана⁷.

Село Богоявление-Раменье со 153, деревня Лебзово с 338 и пустоши Слудки с 44 и Дьяконцево с 542 десятинами земли и 30 душами крестьян, оценивавшиеся в 2700 рублей, Николай Федорович Островский завещал сыновьям Александру, Михаилу и Сергею, по разделу между которыми 25 апреля 1859 года солигаличское имение досталось старшему ревизору Харьковской контрольной палаты Сергею Николаевичу Островскому (18.06.1829-1868).

Примечания

¹ ГАКО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 4434. Л. 1-14.

² Женева, или французский Барневельдт, драма в пяти действиях, переведена с французского Алексеем Пушки-

ным. – М., 1783; Ханжеев, или лицемер, комедия Мольера, в пяти действиях, в стихах. Вольный перевод. – М., 1809.

³ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. / РАН. Пушкинская комиссия. Изд. подгот. под рук. Н.А. Тарховой; сост. М.А. Цявловский (1799 – сент. 1826), Н.А. Тархова (сент. 1826 – 1837); отв. ред. (т. 2-4 науч. ред.) Я.Л. Левкович. – М., 1999. – Т. 2. – С. 55, 60; Московский некрополь: в 3 т. – СПб., 1908. – Т. III. – С. 305; Модзалевский Б.Л., Муравьев Пушкины. Родословная роспись. – М., 1932. – С. 48. – № 333; С. 52. – № 103; Серков А.И. Русское масонство. 1731-2000 гг. Энциклопедический словарь. – М., 2001. – С. 869; Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Издание второе, дополненное и переработанное. – Л., 1988. – С. 349.

⁴ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. – М., 1996. – Т. XIII. – С. 181.

⁵ Там же. – С. 186.

⁶ Челищев Н.А. Сборник материалов для истории рода Челищевых. По смертный труд Н.А. Челищева. – СПб., 1893. – С. 285-286. – № 300; ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 28; Ф. 1165. Оп. 3. Д. 54. Л. 223; НИОР РГБ. Ф. 147. Д. 160. Л. 30 об.; Д. 64. Л. 7 об.-8; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1637. Л. 47 об.-48.

⁷ ГАКО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 935. Л. 1-40.

ДВОРОВЫЕ ОСТРОВСКИХ

Биографические справочники, информирующие об окружении того или иного отечественного деятеля, его дворовых людей не перечисляют, ограничиваясь в лучшем случае двумя-тремя именами, что не соответствует ни действительности, ни концепции подобных изданий, составители которых ссылаются на недостаток опубликованных сведений, однако ничем его не объясняют.

Вот и повседневное окружение Александра Николаевича Островского устанавливается преимущественно по ревизским сказкам, поскольку

ку опубликованные сведения либо отсутствуют, либо достоверностью не отличаются.

Автор монографии «Островский в Щелькове», к примеру, преуменьшая количество дворовых, а также смешивая дворовых с крестьянами, повествовал: «Во вторую половину 60-х годов в Щелькове насчитывалось всего шесть-семь рабочих лошадей. Уменьшая запашку, Эмилия Андреевна сохраняла только поголовье рогатого скота – для удобрения полей. Упадок хозяйства вел к резкому сокращению в усадьбе дво-

ровых людей. Вскоре после ввода Эмилии Андреевны во владение усадьбой дворовых было 28. В 1858 году их осталось уже 15. В 1859 году владелица Щелькова располагала лишь девятью дворовыми. Поместье явно находилось в глубоком упадке»¹.

На самом деле дворовых людей вместе с их женами и детьми по последней ревизии у нее насчитывалось три десятка. Действительно, это вдвое меньше, чем было у Кутузовых, но для середины XIX столетия все же немало. В их числе, по всей видимости, были

лакей, сторож, повар, садовник, лесничий, кучер, конюх, скотник, скотница, помощница скотницы, овечница, прачка, стряпка, горничная, ключница, пряжи, ткачихи, портнихи, няньки и др., большинство которых летом становилось жителями сельца Щелькова, примыкавшего к одноименной усадьбе, а на зиму вслед за Островскими перебиралось в Москву. Поэтому утверждать, к примеру, что все они родились в Щелькове и были похоронены на погосте в Бережках, не приходится.

Ни дома, ни семьи, ни имущества, ни земельного надела дворовые не имели и после 1861 года не приобрели. Наоборот, их положение даже ухудшилось, так как они считались отныне вольнонаемными работниками, то есть объедки с барского стола и угол в людской могли потерять быстрее, чем крепостную зависимость. Соответственно, упоминания о них в частной переписке Островских встречаются не чаще, чем о домашних животных.

АБРАМОВ АНДРЕЙ (1819, д. Щельково Ивашевской вол. Кинешемского у. – ?) – дворовой ус. Щельково. Сын дворового ус. Щельково Абрама Иванова (1781-1840). Брат АБРАМОВА НИКОЛАЯ. В бегах (1854).

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 629. Л. 328 об.; Д. 820. Л. 6 об.; Б/ш. Д. 766. Л. 78.

АБРАМОВ НИКОЛАЙ (1822, д. Щельково Ивашевской вол. Кинешемского у.

– ?) – дворовой ус. Щельково. Сын дворового ус. Щельково Абрама Иванова (1781-1840). Брат АБРАМОВА АНДРЕЯ. В рекрутах (1855).

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 629. Л. 328 об.; Д. 820. Л. 6 об.; Б/ш. Д. 766. Л. 78.

АЛЕКСАНДРОВ ВАСИЛИЙ (1824, д. Щельково Ивашевской вол. Кинешемского у. – 12.05.1863, пг. Бережки Ивашевской вол. Кинешемского у.) – дворовой ус. Щельково.

Лит.: Резепин П.П. Щельковский некрополь // Губернский дом: историко-краеведческий культурно-просветительский научно-популярный журнал. – Кострома, 2003. – № 1/2. – С. 126.

Арх.: ГАКО. Ф. 56. Оп. 8. Д. 7. Л. 22 об.-23.

АЛЕКСЕЕВ МАТВЕЙ (1814, д. Василево Ивашевской вол. Кинешемского у. – 1856) – дворовой ус. Щельково (1841-1856). Сын крестьянина Емельянова Алексея (1790-1840). Брат АЛЕКСЕЕВОЙ ЕВГЕНИИ.

Жена – Агриппина Иванова (1815?-15.02.1865, пг. Бережки Ивашевской вол. Кинешемского у.).

Лит.: Резепин П.П. Щельковский некрополь // Губернский дом: историко-краеведческий культурно-просветительский научно-популярный журнал. – Кострома, 2003. – № 1/2. – С. 126, 130.

Арх.: ГАКО. Ф. 56. Оп. 8. Д. 7. Л. 52 об.-53; Ф. 200. Оп. 3. Д. 629. Л. 329 об.-330, 335 об.; Д. 820. Л. 7 об.-8; Б/ш. Д. 766. Л. 78.

АЛЕКСЕЕВА АННА (1829, д. Щельково Ивашевской вол. Кинешемского у. –

не ранее 1858) – дворовая ус. Щельково. Девка.

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 820. Л. 8.

АЛЕКСЕЕВА ЕВГЕНИЯ (1828, д. Василево Ивашевской вол. Кинешемского у. – не ранее 1858) – дворовая ус. Щельково. Девка. Дочь крестьянина Емельянова Алексея (1790-1840). Сестра АЛЕКСЕЕВА МАТВЕЯ.

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 820. Л. 8; Б/ш. Д. 766. Л. 78.

[БАРАН] ВАСИЛЬЕВ НИКИТА (1784, д. Щельково Ивашевской вол. Кинешемского у. – 1848, пг. Бережки Ивашевской вол. Кинешемского у.) – дворовой ус. Щельково.

Жена – NN.

Дети: НИКИТИН МИХАИЛ.

Лит.: Резепин П.П. Щельковский некрополь // Губернский дом: историко-краеведческий культурно-просветительский научно-популярный журнал. – Кострома, 2003. – № 1/2. – С. 127.

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 629. Л. 328 об.; Б/ш. Д. 766. Л. 78.

ВАСИЛЬЕВ ЕВГЕНИЙ (1818, д. Щельково Ивашевской вол. Кинешемского у. – ?) – дворовой ус. Щельково. Сын дворового ус. Щельково и ИВАНОВОЙ АВДОТЬИ. Деверь СИДОРОВОЙ АННЫ. В рекрутах (1855).

Жена – NN.

Дети: КОМИССАРОВА Н.Е. и ДРОЗДОВ Н.Е.

ОСТРОВСКИЙ А.Н. – ОСТРОВСКОМУ Андр. Н. (21.06.1877): «ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВ... у него мать АВДОТЬЯ ИВАНОВА и дочь НАДЕЖДА, сына не показано» (XI, 554).

ОСТРОВСКИЙ А.Н.
– **ОСТРОВСКОМУ П.Н.**
(21.06.1877): «ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВ по последней ревизии (1851 года) 32 лет, значит ему теперь 58 лет, отдан в рекруты в 1855 году, у него: мать **АВДОТЯ ИВАНОВА** 75 лет, дочь **НАДЕЖДА** 5 лет, сноха **АННА СИДОРОВНА** 44 лет» (XI, 554).

Лит.: Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т.– М., 1979.– Т. XI.– С. 554; Резепин П.П. А.Н. Островский и его костромское окружение. Материалы для библиографического словаря. Литеры Д и Е // Щельковские чтения 2005. А.Н. Островский: личность, мыслитель, драматург, мастер слова. Сборник статей / науч. ред., сост. И.А. Едошина.– Кострома, 2006.– С. 364; Резепин П.П. Щельковский некрополь // Губернский дом: историко-краеведческий культурно-просветительский научно-популярный журнал.– Кострома, 2003.– № 1/2.– С. 128.

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 629. Л. 329 об.; Д. 820. Л. 8 об.

ДОРМИДОНТОВ РОДИОН (1818, с. Твердово Кинешемского у. – не ранее 1869) – дворовой ус. Щельково (1838-1858). Крестьянин с. Твердово (1818-1838) и д. Новой Ивашевской вол. (1858-1869) Кинешемского у.

Жена – Екатерина Никитина (1818?-08.03.1869, пг. Бережки Ивашевской вол. Кинешемского у.).

Лит.: Резепин П.П. А.Н. Островский и его костромское окружение. Материалы для библиографического словаря. Литеры Д и Е // Щельковские чтения 2005. А.Н. Островский: личность, мыслитель, драматург, мастер слова. Сборник статей / науч. ред., сост. И.А. Едошина.– Кострома, 2006.– С. 356; Резепин П.П. Щельковский некрополь // Губернский дом: историко-краеведческий культурно-просветительский научно-популярный журнал.– Кострома, 2003.– № 1/2.– С. 129.

пин П.П. Щельковский некрополь // Губернский дом: историко-краеведческий культурно-просветительский научно-популярный журнал.– Кострома, 2003.– № 1/2.– С. 129.

Арх.: ГАКО. Ф. 56. Оп. 8. Д. 7. Л. 103 об.– 104; Ф. 200. Оп. 3. Д. 629. Л. 329 об.– 330 об.; Д. 820. Л. 7 об.– 8.

ДРОЗДОВ НИКОЛАЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ (185?-?) – дворовой ус. Щельково. Сын **ВАСИЛЬЕВА ЕВГЕНИЯ**. Внук **ИВАНОВОЙ АВДОТЬИ**. Брат **КОМИССАРОВОЙ Н.Е.**

ОСТРОВСКИЙ А.Н. – **ОСТРОВСКОМУ Андр.Н.** (21.06.1877): «ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВ... у него мать **АВДОТЯ ИВАНОВА** и дочь **НАДЕЖДА**, сына не показано» (XI, 554).

ОСТРОВСКИЙ А.Н. – **ОСТРОВСКОМУ П.Н.** (21.06.1877): «**КОЛЯ ДРОЗДОВ** оттого не попал в ревизскую сказку, что он родился позднее» (XI, 554).

Лит.: Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т.– М., 1979.– Т. XI.– С. 554; Резепин П.П. А.Н. Островский и его костромское окружение. Материалы для библиографического словаря. Литеры Д и Е // Щельковские чтения 2005. А.Н. Островский: личность, мыслитель, драматург, мастер слова. Сборник статей / науч. ред., сост. И.А. Едошина.– Кострома, 2006.– С. 357.

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 820. Л. 6 об.

ЕФИМОВА АННА (1846, д. Щельково Ивашевской вол. Кинешемского у. – ?) – дворовая ус. Щельково. Девка. Портниха.

Лит.: Ревякин А.И. А.Н. Островский в Щелькове. Издание второе, исправленное и дополненное.– М., 1978.– С. 270.

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 820. Л. 8.

ИВАНОВ НИКОЛАЙ (1804, д. Щельково Ивашевской вол. Кинешемского у. – 1846) – дворовой ус. Щельково.

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 629. Л. 328 об.

ИВАНОВ СЕМЕН (1774, д. Щельково Ивашевской вол. Кинешемского у. – 1848) – дворовой ус. Щельково.

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 629. Л. 329 об.

ИВАНОВА АВДОТЯ (1789?-18.12.1864, пг. Бережки Ивашевской вол. Кинешемского у.) – дворовая ус. Щельково. Вдова дворового ус. Щельково. Мать **ВАСИЛЬЕВЫХ Фиона** (1808-1843) и **ЕВГЕНИЯ**, свекровь **СИДОРОВОЙ АННЫ** и бабка **ДРОЗДОВА Н.Е.** и **КОМИССАРОВОЙ Н.Е.**

ОСТРОВСКИЙ А.Н. – **ОСТРОВСКОМУ Андр.Н.** (21.06.1877): «ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВ... у него мать **АВДОТЯ ИВАНОВА** и дочь **НАДЕЖДА**, сына не показано» (XI, 554).

ОСТРОВСКИЙ А.Н. – **ОСТРОВСКОМУ П.Н.** (21.06.1877): «ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВ по последней ревизии (1851 года) 32 лет, значит ему теперь 58 лет, отдан в рекруты в 1855 году, у него: мать **АВДОТЯ ИВАНОВА** 75 лет, дочь **НАДЕЖДА** 5 лет, сноха **АННА СИДОРОВНА** 44 лет» (XI, 554).

Лит.: Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т.– М., 1979.– Т. XI.– С. 554; Резепин П.П. А.Н. Островский и его костромское

окружение. Материалы для библиографического словаря. Литеры Ж – И // Щельковские чтения 2006. В мире А.Н. Островского. Сборник статей / науч. ред., сост. И.А. Едошина.– Кострома, 2007.– С. 306-307; Резепин П.П. А.Н. Островский и его костромское окружение. Материалы для библиографического словаря. Литера И // Щельковские чтения 2007. А.Н. Островский в контексте мировой культуры. Сборник статей / науч. ред., сост. И.А. Едошина.– Кострома, 2008.– С. 328; Резепин П.П. Щельковский некрополь // Губернский дом: историко-краеведческий культурно-просветительский научно-популярный журнал.– Кострома, 2003.– № 1/2.– С. 130.

Арх.: ГАКО. Ф. 56. Оп. 8. Д. 7. Л. 40 об.-41; Ф. 200. Оп. 3. Д. 629. Л. 330; Д. 820. Л. 7; Б/ш. Д. 766. Л. 78.

КОМИССАРОВА НАДЕЖДА ЕВГЕНЬЕВНА (1845 – не ранее 1936) – дворовая ус. Щельково. Дочь **ВАСИЛЬЕВА ЕВГЕНИЯ**. Внучка **ИВАНОВОЙ АВДОТЬИ**. Сестра **ДРОЗДОВА Н.Е.** Автор воспоминаний об **ОСТРОВСКОМ А.Н.**

ОСТРОВСКИЙ А.Н. – **ОСТРОВСКОМУ Андр.Н.** (21.06.1877): «**ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВ...** у него мать **АВДОТЬЯ ИВАНОВА** и дочь **НАДЕЖДА**, сына не показано» (XI, 554).

ОСТРОВСКИЙ А.Н. – **ОСТРОВСКОМУ П.Н.** (21.06.1877): «**ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВ** по последней ревизии (1851 года) 32 лет, значит ему теперь 58 лет, отдан в рекруты в 1855 году, у него: мать **АВДОТЬЯ ИВАНОВА** 75 лет, дочь **НАДЕЖДА** 5 лет, сноха **АННА СИДОРОВНА** 44 лет» (XI, 554).

Лит.: Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т.– М., 1979.– Т. XI.– С. 554; Ревякин А.И. А.Н. Островский в Щелькове. Издание второе, исправленное и дополненное.– М., 1978.– С. 64, 119, 132, 137, 275, 280, 282, 284; Волгин Дм. В годы Островского (по воспоминаниям Н.Е. Комиссаровой) // Приволжская правда.– Кинешма, 1936.– 15 июня.– № 136; Резепин П.П. А.Н. Островский и его костромское окружение. Материалы для библиографического словаря. Литера И // Щельковские чтения 2007. А.Н. Островский в контексте мировой культуры. Сборник статей / науч. ред., сост. И.А. Едошина.– Кострома, 2008.– С. 328.

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 820. Л. 6 об.-7.

МИХАЙЛОВ ПОЛИЕВКТ (1830, д. Щельково Ивашевской вол. Кинешемского у. – 17.03.1878) – повар Островских. Дворовой ус. Щельково.

ОСТРОВСКИЙ А.Н. – **ОСТРОВСКОЙ М.В.** (11. 05. 1868): «Повара я нанял и на зиму **ПОЛИЭВКТА**» (XI, 283).

Лит.: Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т.– М., 1979.– Т. XI.– С. 283.

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 629. Л. 331 об.-332; Д. 820. Л. 7 об.

МИХАЙЛОВА АЛЕКСАНДРА (1853, д. Щельково Ивашевской вол. Кинешемского у. – ?) – дворовая ус. Щельково. Девка.

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 820. Л. 8.

НИКИТИН АЛЕКСАНДР (1778, д. Щельково Ивашевской вол. Кинешемского у. – 1852) – дворовой ус. Щельково.

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 629. Л. 328 об.; Д. 820. Л. 6 об.

НИКИТИН МИХАИЛ (1806, д. Щельково Ивашевской вол. Кинешемского у. – 01.12.1876, пг. Бережки Ивашевской вол. Кинешемского у.) – кучер Островских. Дворовой ус. Щельково. Сын [**БАРАНА**] **ВАСИЛЬЕВА НИКИТЫ**.

Жена – **Прасковья Максимова** (1828 – между 1858/1863).

Дочь – **Татьяна** (1852-12.12.1864). Похоронена там же.

Лит.: А.Н. Островский в воспоминаниях современников / подгот. текста, вступ. ст. и прим. А.И. Ревякина.– М., 1966.– С. 350; Ревякин А.И. А.Н. Островский в Щелькове. Издание второе, исправленное и дополненное.– М., 1978.– С. 81; Резепин П.П. А.Н. Островский и его костромское окружение. Материалы для библиографического словаря. Литеры Н – О // Щельковские чтения 2010. А.Н. Островский в контексте культуры: сборник статей / науч. ред., сост. И.А. Едошина.– Кострома, 2011.– С. 213; Резепин П.П. Щельковский некрополь // Губернский дом: историко-краеведческий культурно-просветительский научно-популярный журнал.– Кострома, 2003.– № 1/2 (52/53).– С. 127, 132.

Арх.: ГАКО. Ф. 56. Оп. 8. Д. 7. Л. 40 об.-41; Д. 8. Л. 30 об.-31; Ф. 200. Оп. 3. Д. 629. Л. 328 об.; Д. 820. Л. 6 об.-7.

НИКИТИНА АКСИΝЬЯ (1798 – не ранее 1858) – вдова дворового ус. Щельково. Ткачиха.

Дети: **СЕВАСТЬЯНОВЫ АЛЕКСАНДРА** и **НЕОНИЛА**.

Лит.: Ревякин А.И. А.Н. Островский в Щелькове. Издание второе, исправленное и дополненное.– М., 1978.– С. 270.

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 820. Л. 8.

[ПЕСКОВ] МИХАЙЛОВ ИВАН (1808, д. Щельково Ивашевской вол. Кинешемского у. – не ранее 1858) – дворовой ус. Щельково.

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 629. Л. 328 об.; Д. 820. Л. 6 об.

ПЕТРОВА АГРАФЕНА (1843, д. Щельково Ивашевской вол. Кинешемского у. – не ранее 1858) – дворовая ус. Щельково. Девка. Портниха.

Лит.: Ревякин А.И. А.Н. Островский в Щелькове. Издание второе, исправленное и дополненное.– М., 1978.– С. 270; Резепин П.П. А.Н. Островский и его костромское окружение. Материалы для биобиблиографического словаря. Литеры П-Р // Щельковские чтения 2011. А.Н. Островский и его эпоха: сборник статей / науч. ред., сост. И.А. Едошина.– Кострома, 2012.– С. 227.

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 820. Л. 8.

СЕВАСТЬЯНОВА АЛЕКСАНДРА (1836, д. Щельково Ивашевской вол. Кинешемского у. – не ранее 1877) – дворовая ус. Щельково. Девка. Портниха. Дочь НИКИТИНОЙ АКСИНЫ.

ОСТРОВСКИЙ А.Н. – ОСТРОВСКОЙ М.В. (05.06.1877): «Да еще нянька говорила про какие-то Аннушкины рубашки, которые САША вынула из ящика, или узла по ошибке; так, пожалуйста захватите, – не оставьте сироту без рубашек» (XI, 549-550).

Лит.: Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т.– М., 1979.– Т. XI.– С. 549-550; Ревякин А.И. А.Н. Островский в Щелькове. Издание второе, исправленное и дополненное.– М., 1978.– С. 270.

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 820. Л. 8.

СЕВАСТЬЯНОВА НЕОНИЛА (1831, д. Щельково Ивашевской вол. Кинешемского у. – не ранее 1858) – дворовая ус. Щельково. Девка. Портниха. Дочь НИКИТИНОЙ АКСИНЫ.

Лит.: Ревякин А.И. А.Н. Островский в Щелькове. Издание второе, исправленное и дополненное.– М., 1978.– С. 270.

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 820. Л. 8.

СИДОРОВА АННА (1806 – между 1858/1863) – вдова дворового ус. Щельково Васильева Фиона (1808-1843). Сноха ВАСИЛЬЕВА ЕВГЕНИЯ и ИВАНОВОЙ АВДОТЫ.

ОСТРОВСКИЙ А.Н. – ОСТРОВСКОМУ П.Н. (21.06.1877): «ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВ по последней ревизии (1851 года) 32 лет, значит ему теперь 58 лет, отдан в рекруты в 1855 году, у него: мать АВДОТЯ ИВАНОВА 75 лет, дочь НАДЕЖДА 5 лет, сноха АННА СИДОРОВНА 44 лет» (XI, 554).

Лит.: Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т.– М., 1979.– Т. XI.– С. 554; Резепин П.П. Щельковский некрополь // Губернский дом: историко-краеведческий культурно-просветительский научно-популярный журнал.– Кострома, 2003.– № 1/2.– С. 128.

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 629. Л. 329 об.-330; Д. 820. Л. 7; Б/ш. Д. 766. Л. 79.

СТЕПАНОВ АГАФОН (1815, д. Щельково Ивашевской вол. Кинешемского у. – 04.04.1871) – дворовой ус. Щельково.

1-я жена – NN. (ок. 1815 – между 1845/1848).

Дети: Капитон (1845-?).

2-я жена – Афимья Сидорова (1826 – не ранее 1858).

Дети: Иван (1848-?), Праксovia (1855-?), Алексей (1857-?).

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 629. Л. 328 об.-329; Д. 820. Л. 6 об.-7.

ФЕДОРОВ СПИРИДОН (1813, д. Щельково Ивашевской вол. Кинешемского у. – не ранее 1858) – дворовой ус. Щельково.

Жена – Елизавета Филиппова (1820 – не ранее 1858).

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 629. Л. 329 об.-330; Д. 820. Л. 6 об.-7.

ФЕДОСОВА ПЕЛАГЕЯ (1827, д. Щельково Ивашевской вол. Кинешемского у. – не ранее 1858) – дворовая ус. Щельково. Девка.

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 820. Л. 8.

Примечания

¹ Ревякин А.И. А.Н. Островский в Щелькове. Издание второе, исправленное и дополненное.– М., 1978.– С. 23.

ТРОПИНКА В БЕРЕЖКИ

Старинный погост Николо-Бережки имеет древнюю историю. Как отмечали краеведы (В.Н. Бочков, В.К. Замышляев, Н.В. Воробьев), окрестности Щелькова – это место мирного соединения славянских и угро-финских племен. Первыми обитателями этих мест были представители крупного финно-угорского племени Меря – отсюда и происхождения названий местных рек и речушек: Мера, Куекша, Сендега, Медоза, Нодога и др. Названия эти сохранились до сего дня.

Первое упоминание о Никольском погосте удалось найти в «Письмах и дозорах» летописца 18 века Фёдора Беречинского. В 1614 году, вскоре после Смутного времени, им была сделана запись: «Погост в Бережку на речке Куекше, а на погосте церковь Николы Чудотворца, а в церкви образы и книги, и ризы, и колокола, и всякое строение мирское приходских людей, да на погосте же во дворе поп Зиновий Савинов, дьячок Ивашко Романов, пономарь Осипко Семенов, просвирница Катериница...»¹.

В 1700г. в Бережках был построен новый деревянный храм. Он прослужил лет 80-85, а затем на его месте был построен новый каменный храм, двухэтажный с каменной колокольней, который был освящен и начал служить в 1792 году.

«...Никольская церковь, зданием каменная, с каменной же колокольнею и оградой, кладбище в церковной ограде. Престолов три: а) вверху – Св. Николая; б) внизу Феодоровской иконы Божией Матери; в) Св. великомучеников Фёдора Стратилата и Георгия Победоносца»².

Храм св. Николая в Бережках.

Храмоздатель – владелец Щелькова второй половины 18 в. – знатный вельможа, генерал-майор Фёдор Михайлович Кутузов (1737-1802) в течение 12 лет (1788-1801) избирался предводителем костромского дворянства. Кутузов не пожалел средств на постройку храма. Приходящие в Бережки видят величественное сооружение: храм имеет форму корабля и гармонично вписывается в окружающую природу. Поражает и внутреннее убранство храма: богатый резной иконостас верхнейлетней части и старинная иконопись нижней зимней части.

А.Н.Островский впервые побывал в Щелькове в мае 1848 года, и к этому времени относится и его первое знакомство с Бережками.

После смерти отца Николая Фёдоровича Островского (род. 6 мая по старому стилю 1796 г., умер 22 февраля 1853), который был первым из Островских похоронен на Никольском погосте, Александр Николаевич стал чаще бывать в Бережках. Один из гостей и близких друзей Александра Николаевича, Н.А.Дубровский, в своём дневнике 18 июня 1870 г. записал: «Собираемся завтра... поклониться могиле старика Островского»³.

Тропинка в Бережки от усадебного дома вела мимо деревни Лодыгино, а далее через лес по оврагу через ручей или вдоль берега речки Куекши к высокому холму, на котором стоит храм. Поднявшись по крутому подъёму от речки

вверх, Александр Николаевич оказывался у Восточных врат церковной ограды. Тропинка в Бережки была тропинкой в мир старинного церковного села, где близ храма расположилось кладбище, на котором с незапамятных времён хоронили своих усопших местные жители. О многом мог передумать драматург, совершая неторопливым шагом переход из Щелькова в Бережки.

Немало известно о дружбе А.Н.Островского с жителем села Иваном Викторовичем Соболевым (1849-1914), талантливым резчиком по дереву, который резал иконостасы для местных церквей. Иван Викторович помогал Островскому постигать тонкости столярного мастерства при изготовлении мебели для усадебного дома. В настоящее время на месте, где стоял дом Ивана Викторовича, – музей крестьянского быта. Сотрудниками музея собрано немало интересных фактов о дружбе драматурга с семьёй И.В.Соболева. Менее известно о дружбе А.Н. Островского с другими жителями Бережков – псаломщиком местной церкви Зерновым Иваном Ивановичем (1836-1890) и священником о. Антонием Херсонским (1849-1897)

Жизнь и быт сельского священника середины 19 века – интереснейшая страница русской истории и культуры. Из «Ведомости о церкви» на 1889 г. значится: «По штату при церкви причта положено – священник и псаломщик, ко-

торые состоят на лицо. На содержание причта получается жалования от казны девяносто четыре рубля 8 коп.; из них священник получает семьдесят рублей 56 коп., псаломщик двадцать три рубля 52 коп...»⁴. Принадлежало церкви: «земли усадебной шесть десятин, пахотной – сорок две десятины 1860 квадр. сажень, сенокосной 28 десятин 921 квадр. сажень... сею землёю владеют священнослужители сами»⁵. Кроме земли выделялся для церкви и лес, как строевой, так и для отопления храма. Далее в «Ведомости» говорится: «Дома у священнослужителей собственные деревянные на церковной земле»⁶.

Была при церкви и библиотека: «В церковной библиотеке, существующей при сей церкви, издавна находятся книги духовно-нравственного содержания, одобренные Священным Синодом и духовной цензурой...»⁷ Чудом сохранившаяся часть церковной библиотеки ныне находится на хранении в фондах музея-заповедника «Щельково».

Внук священника Антония Херсонского, сын священника о. Михаила Успенского, Николай Михайлович Успенский, родившийся и выросший в Бережках, вспоминает: «Бережки я помню ещё из трёх домов и сторожки. Церковная сторожка имела вход с поля и из ограды, неподалеку от сторожки был дом Зерновых, следующий дом был наш (дом священника) и следующий дом Соболевы. У Зерновых и

у нас были овины, где сушили снопы и молотили на ладони».

А.Н. Островский, приходя в Бережки в будний день, мог видеть, как все совместно трудились на близлежащих полях. У священника была лошадь, и он сам обрабатывал принадлежавшие церкви пахотные земли. У дома священника была небольшая пасека. Семьи бережковцев жили дружно, помогая друг другу в нелегкой жизни на небогатой урожаем земле.

Священник и псаломщик трудились и как простые крестьяне, и как служители церкви, исполняя необходимые прихожанам требы и совершая богослужения в воскресные и праздничные дни. В праздники, особенно в престольный,

на Николу Вешнего (9 мая по старому, 22 мая – по новому стилю), в храм собиралась вся округа. К Никольскому храму в Бережках были «приписаны» жители близлежащих деревень: Дорофеево, Филиппцево, Лодыгино, Пахомцево, Кудряево, Марково, Горки, Куликово, Афанасово, Паньково, Маринники, Лобаново, Василёво, Тимино, Алешунино, Фамицино. Население этих деревень к концу 19 века насчитывало около тысячи душ.

На праздничные богослужения приходили и стар и млад: здесь можно было увидеть и убелённых сединами стариков, проведших всю жизнь в нелегком крестьянском труде, и крепких в расцвете лет мужиков с

красавицами-женами, и совсем ещё несмышлёных крестьянских детей, пареньков и девчонок, у которых вся жизнь ещё была впереди. Для цепкого писательского глаза А.Н. Островского здесь было много интересного. А после праздничных служб бывали народные гуляния, на которых любил бывать драматург, слушая и записывая народные песни.

Исследователи жизни и творчества драматурга не обошли стороной дружбу его с И.И. Зерновым. А.И. Ревякин пишет: «Большим наслаждением <...> являлись выезды на рыбную ловлю неводом. Впереди на телеге везли снасти, на которых важно восседал псаломщик (дьячок) церкви Николы на Бережках Иван Иванович Зернов. Страстный рыболлов <...> был прозван драматургом «морским министром». Высокий, худой, с длинной острой бородкой, в старом подряснике и широкополой соломенной шляпе, из-под которой <...> торчала тонкая косичка, обильно смазанная лампадным маслом»⁸.

Иван Иванович Зернов (1836-1890) был коренным бережковцем, дьяконом Никольской церкви был и его отец – Иван Григорьевич (1800-1846), а после смерти Ивана Ивановича псаломщиком стал его сын Михаил.

Иван Иванович Зернов хорошо знал обо всем происходящем в округе: он был непременным участником крестин младенцев, венчаний, похорон усопших, читал по домам «Псалтырь» над умершими. Участвуя в богослужениях,

Село Николо-Бережки. Дом, на месте которого стоял дом о. Антония Херсонского.

помогал священнику на клиросе как псаломщик, обладал хорошим голосом: церковные песнопения в его «исполнении» приводили в умиление молящихся прихожан. О многом мог рассказать Иван Иванович драматургу, которого живо интересовало всё происходящее в округе.

Об о. Антонии – Антонии Александровиче Херсонском (1849-1897) известно, что он родился в селе Дубчикино Ковровского уезда Владимирской губернии. Окончил полный курс Владимирской духовной семинарии, затем преподавал в земских школах в качестве учителя. Позднее, приняв священный сан, был определен священником в Покровскую церковь села Покровское VI благочинного округа Кинешемского уезда Его Преосвященством епископом Костромским и Галицким Платоном, а затем (в 1878г.) переведен в храм св. Николая погоста Бережки того же округа. Он был утвержден депутатом на съезды по духовно-училищным делам на 1882-1884 годы⁹. По «Ведомости о церкви» в семье о. Антония и супруги его, Агриппины Севастьяновны, было четверо детей: Владимир, Михаил, Анфиса и Елена. Анфиса впоследствии стала женой (матушкой) священника о. Михаила Успенского, ставшего настоятелем Никольского храма после смерти о. Антония.

У Ивана Ивановича Зернова и у его супруги Олимпиады Павловны (по той же «Ведомости о церкви») было

четверо детей: Фёдор, Мария, Михаил, Ольга. Михаил Иванович Зернов после смерти родителя в 1890 году стал псаломщиком Никольского храма, продолжив дело отца.

Известно, что дети А.Н.Островского дружили с детьми И. В. Соболева. Дети псаломщика и священника тоже могли быть в добрых дружеских отношениях с детьми драматурга. Внук о. Антония и сын священника о. Михаила Николай Михайлович Успенский вспоминает о детских годах, проведенных в Бережках: «Поэтично вспомнить дом погреб огород, за домом сосны, лесная малина, гумно окружала черёмуха, рябина, где я с девчонками Соболевыми подолгу на черёмухе и рябине проводили дни, строили там беседки из досок»¹⁰.

Тропинка в Бережки, по которой любил ходить неспешным шагом драматург на могилу отца, Николая Фёдоровича, тропинка, которая уводила из мира дворянской усадьбы в мир церковного села, где расположились у храма могилы с православными крестами, где невольно задумываешься о той незримой тайне мира загробного, та тропинка в Бережки стала для драматурга тропинкой в вечность... Скончался А.Н. Островский 2 июня (по старому стилю) 1886 года.

Иван Иванович Зернов уже через несколько часов после смерти писателя, облачившись в стихарь, читал «Псалтырь» у изголовья усопшего. А 4 июня (по ст. стилю), как пишет А.И. Ревякин, «...около 8 часов ве-

чера в соседнюю приходскую церковь, что на погосте Бережки ... двинулся печальный кортеж. Впереди, как требовал православный обряд, несли иконы и кресты с распятием, затем шли певчие и духовенство...»¹¹. А 5 июня в зимней части Никольского храма была отслужена заупокойная литургия. «Отпевание покойного совершили: Кинешемского Успенского собора протоиерей Александр Горицкий, села Вичуги Никольской церкви священник Виктор Горицкий, священник Никольской церкви пог. Бережков Антоний Херсонский, Успенского собора г. Кинешмы диакон Флегонт Богданов, Никольской церкви пог. Бережков дьячок Аристарх Каллистов и дьячок той же церкви Иван Зернов»¹².

О. Антоний Херсонский, переправляясь в ненастную погоду через Волгу, сильно простудился и умер от воспаления легких 24 апреля (по ст. стилю) 1897 г. в возрасте 47 лет, в том же году настоятелем Никольского храма был назначен священник о. Михаил Успенский, который женился на дочери о. Антония Анфисе.

«Михаил Петрович Успенский родился в 1869 году в селе Сеготь Юрьевоцкого уезда Костромской губернии в семье священника. Окончил Костромское духовное училище, а в 1890 году-семинарию», «работал домашним учителем в Нагорно-Решемском церковно-приходском училище Шевалдовской волости Кинешемского уезда. С 1897года <...> был определен иереем Никольской

церкви погоста Бережки и законоучителем в Щельковское (в 1898 году) и Марковское (с 1908 года) земские училища. С 18 июня 1915 года он стал благочинным VI округа Кинешемского уезда»¹³.

По воспоминаниям младшего сына о. Михаила – Николая Михайловича Успенского, родившегося в Бережках в 1920 году, его отец был человеком глубокой, искренней веры. Чудом сохранилась фотография 20-х годов, на которой запечатлён о. Михаил в окружении домочадцев.

7 сентября 1927 года о. Михаил был арестован по делу «ярославского филиала» «Истинно-православной церкви». 3 января 1930 года приговорён по статьям 58-10 и 11 УК РСФСР к 3 годам исправительно-трудовых лагерей.

При обыске у священника Михаила Успенского была изъята подписанная им записка: «Я, нижеподписавшийся, убедившись в отступлении от духа православного христианства митрополита Сергия, прерываю с ним всякое общение и вступаю в таковое с Церковью, управляемой митрополитом Петром (Полянским) и Иосифом (Петровых). Желаю состоять со вверенной мне папствою под духовным руководством епископа Николая».¹⁴

Священник о. Михаил Успенский, вероятно, погиб на Соловках, откуда послал тайную весть своим родным.

В 1998 году в летней избе (светёлке) «Дома Соболева» музея-заповедника «Щельково» была открыта выстав-

ка «Бережки, Бережки вековые...», посвященная истории погоста (название выставки – строки из стихотворения Н.М. Успенского). Эта выставка стала первой попыткой рассказать о судьбе живших здесь клириков и их семейств. Выставка была встречена с большим интересом многочисленными посетителями музея, оставившими свои восторженные слова в «Книге отзывов».

Николай Михайлович Успенский незадолго до своей смерти составил такое письмо-завещание: «Уважаемые труженики и хранители музея-заповедника А.Н.Островского!

Я <...> последний из родившихся в Бережках, хочу найти слова благодарности всем вам, чтобы слова могли дойти до глубины ваших душ.

Для меня Бережки – это исцеляющая природа, которая, мне кажется, ласкает всего меня и окропленная Церковью Господней поднимает меня над землей. Но как же так, православный великий драматург ходил молиться и причастие принимал в церкви, где служил священником отец Антоний (мой дед, а я его последний внук), отпевал великого драматурга, а приемник церкви после о. Антония Херсонского мой папа отец Михаил Успенский, я думаю, не раз служил молитвы за упокой по драматургу. И дом о. Антония и о. Михаила слились воедино. А потому, чтобы завершить музейный комплекс, построить музейный домик служителей Богу церкви села Николо-Бережков, как завещание моё...»

Примечания

¹ Письма и дозоры Федора Беречинского. Материалы для истории Костромской Епархии. Плеская десятина. Выпуск третий, М., 1902. Отдел первый.

² Краткие статистические сведения в приходских церквях Костромской епархии: справочная книга. Издание редакции Костромских епархиальных ведомостей. Кострома, 1911. С. 136.

³ Ревякин А.И. А.Н. Островский в Щелькове. М., 1978. С. 60.

⁴ Церковная ведомость. 1900 г. Церковный архив.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Ревякин А.И. А.Н. Островский в Щелькове. М., 1978. С. 113.

⁹ Воробьев Н.В. Сельские приходы в окрестностях Щелькова. Иваново. 2011. С. 32.

¹⁰ Успенский Н.М. Переписка с церковной общиной.

¹¹ Ревякин А.И. А.Н. Островский в Щелькове. М., 1978. С. 230

¹² ГАКО. Ф. 56 Оп. 8. Л. 166 об. Т. 2.: Копия метрической книги Никольской церкви погоста Бережки.

¹³ Н.В. Воробьев. Сельские приходы в окрестностях Щелькова. С. 33. Иваново. 2011 г.

¹⁴ Епископ Николай (в миру Владимир Иванович Голубев) родился в 1862 году в селе Фролы Галичского уезда Костромской губернии. Окончил Костромскую духовную семинарию. Став священником, долгое время в служил в храме села Ширяево Семёновского уезда Костромской губернии. После революции 1917 года ушел за штат, через год вернулся к служению. В 1926 году хиротонисан во епископа Ветлужского, викария Нижегородской епархии. В 1928 году примкнул к « Истинно-православной церкви », состоял членом «ярославского филиала» ИПЦ. В 1929 году переведен епископом Кинешемским, викарием Костромской епархии. 9 сентября 1929 года был арестован органами ГПУ. В тюрьме тяжело заболел, 21 октября был освобожден и уехал в Ширяево. Скончался за 5 декабря 1929 года. Похоронен в лесу, неподалеку от села Ширяево. Канонизирован РИПЦ.

Ольга Горохова,
кандидат истор. наук,
библиограф.

КНИЖНЫЕ ЗНАКИ КОСТРОМСКИХ СПУТНИКОВ А.Н. ОСТРОВСКОГО

«ЮРИЙ НИКИТИЧ БАРТЕНЕВ»

Кн. штемпель с дворянской короной в рамке, овальный, 45×19 мм.

БАРТЕНЕВ ЮРИЙ НИКИТИЧ (16.02.1792, у. Золотово Галичского у. Костромской губ. – 27.11.1866, г. Москва) – писатель. Сын коллежского асессора (19.01.1784) Бартенева Никиты Григорьевича (08.09.1743-06.11.1806) и Марии Васильевны, урожденной Колобовой (?-?). Ученик костромских главного народного училища (1802-1804) и губернской гимназии (1804-1805), Московского университетского благородного пансиона (1805-1807) и II Санкт-Петербургского кадетского корпуса (1809-1811). Прапорщик 5-й артиллерийской резервной бригады (1811). Участник Отечественной войны (1812-

1815) и Бородинского сражения (26.08.1812). Прапорщик Рижского инженерного корпуса (1812). Поручик Санкт-Петербургского II кадетского корпуса (1816). Отставной штабс-капитан (16.10.1818). Директор народных училищ Костромской губ. (18.01.1819-21.12.1833). Чиновник особых поручений Почтового департамента (1836-1844). Почетный член Костромского губернского статистического комитета (1863). Корреспондент Москвитянина, Трудов и летописей Общества истории и древностей Российских и др. Владелец 6382 десятин земли в Кологривском у., деревянного дома на Власьевской ул. в Костроме, личной библиотеки, ок. 500 томов которой пожертвовал костромским Кабинету для чтения «12 января» (390 т.), Костромскому губернскому статистическому комитету, Костромской губернской гимназии и Костромской духовной семинарии, и альбома с автографами Пушкина А.С. (30.08.1830) и др. Вместе с ОСТРОВСКИМ А.Н. – участник «суббот» Ростопчиной Е.П. (Москва, 1849-1858).

Соч.: Некоторые черты из жизни М.М. Хераскова // Москвитянин. – М., 1850. – № 4. – С. 72-77; Из записок Ю.Н. Бартенева. Рассказы о Хераскове // Русский архив. – М., 1879. – Кн. III. – Вып. 9. – С. 28-30; Переписка Ф.А. Голубинского с Ю.Н. Бартеневым // Там же. – 1880. – Кн. III. – Вып. 11. – С. 408-413; Прощительное письмо о девицах Савичевых // Там же. – С. 414-430; Из записок Ю.Н. Бартенева. Рассказы князя Александра Николаевича Голицына // Там же. – 1886. – Кн. I. – Вып. 3; Кн. III. – Вып. 5, 7; Жизнь в Крыму // Там же. – 1898. – Кн. II. – Вып. 5, 8; Кн. III. – Вып. 10; Из крымского дневника Ю.Н. Бартенева. 1844-й год: [С прил. письма Воронцова] // Там же. – 1909. – Кн. II. – Вып. 8; Кн. III. – Вып. 10; Золотовская летопись, писанная Ю.Н. Бартеневым // Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. – М., 1901. – Ч. 8. – С. 267-278; Письмо Бартенева, директора Костромского училища к председателю 5 апреля 1826 года // Труды и летописи Общества истории и древностей Российских. – М., 1827. – Ч. 3. – Кн. 2. – С. 170-171.

Лит.: Русские писатели. 1800-1917. Биографический справочник. – М., 1989. – Т. 1. – С. 166-167; Русский биографический словарь: в 25 т. – СПб., 1900. – Т. 2. – С. 518; Богомолов С.И. Российский книжный знак. 1700-1918. Издание второе, исправленное и дополненное. – М., 2010. – С. 71; Иваск

У.Г. Описание русских книжных знаков (Ex-Libris).– М., 1905.– С. 63; А.Н. Островский в воспоминаниях современников / подгот. текста, вступ. ст. и прим. А.И. Ревякина.– М., 1966.– С. 41; Резепин П.П., Едошина И.А. Костромская губернская гимназия // Розановская энциклопедия / сост. и гл. ред. А.Н. Николоюкин.– М., 2008.– С. 1571; Резепин П.П. А.Н. Островский и его костромское окружение. Материалы для биобиблиографического словаря. Литеры Б и В // Щельковские чтения. 2003. А.Н. Островский в современном мире. Сборник статей.– Кострома, 2004.– С. 358-360; Резепин П.П. Замечательные выпускники Костромской губернской гимназии // Костромская старина: историко-краеведческий журнал.– Кострома, 2006.– № 19.– С. 42.

**«УСАДЬБА ЧЕЛЕСНИКОВО
В.С. ДМИТРИЕВА»**

Кн. штемпель, прямоугольный, 18×55 мм.

ДМИТРИЕВ ВАСИЛИЙ СЕМЕНОВИЧ (07.11.1839, ус. Челесниково Кинешемского у. Костромской губ. – 23.06.1913, с. Есиплево Кинешемского у. Костромской губ.) – земский деятель, публицист. Сын отставного капитана 2-го ранга (12.07.1833) Дмитриева Семена Прокофьевича (27.01.1800-05.07.1866) и Анны Васильевны, урожденной Третьяковой (09.08.1808-04.04.1872). Выпускник Санкт-Петербургского Морского кадетского корпуса (1860). Мичман 19-го

(03.04.1860) и 2-го (1863) и лейтенант 8-го (1865) флотских экипажей в отставке (1866). Мировой посредник (1866), мировой судья 2-го участка (1868-1883) и почетный мировой судья (1893-1913) Кинешемского у. Гласный Кинешемского уездного (1868-1913) и Костромского губернского (1874-1885, 1910-1912) земских собраний. Исправник Макарьевского у. Костромской губ. (1884-1893). Управляющий Владимирско-Рязанского (28.03.1893) и Костромско-Ярославского (26.06.1897-10.10.1909) управлений государственных имуществ. Действительный статский советник (28.03.1893). Непременный член Костромского губернского статистического комитета (1897-1909).

Действительный член Костромской губернской ученой архивной комиссии (01.06.1899). Заведующий библиотекой Костромского благородного дворянского собрания (1904-1905). Почетный попечитель Костромской губернской гимназии (17.05.1908). Член Государственного Совета от земства Костромской губ. (13.08.1909-01.10.1912). Корреспондент Костромского листка, Поволжского вестника (Кострома) и др. Владелец 300 десятин земли в Кинешемском у. и личных библиотеки и книжного знака. Участник приемов в ус. Щельково членов Кинешемского уездного съезда мировых судей в

дни именин **ОСТРОВСКОГО А.Н.** (30.08.1874, 30.08.1876, 30.08.1883) и **ОСТРОВСКОЙ М.В.** (22.07.1883), также бывавших гостями его ус. Челесниково.

ОСТРОВСКИЙ А.Н. – Бурдину Ф.А. (12.01.1875): «Комарово ты, вероятно, помнишь, оно в полуверсте от нашей большой дороги перед самым нашим лесом; когда мы с тобой ехали от Дмитриева, то проезжали через него» (XI, 486).

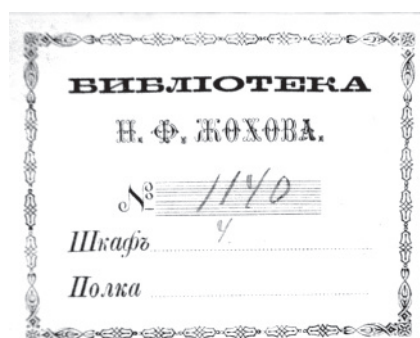
Соч.: Соображения, о мерах к облегчению современного положения дворянства, вызванные Высочайшим рескриптом 13-го апреля 1897 года, данным на имя председателя Комитета Министров, статс-секретаря, действительного тайного советника Дурново.– Владимир, 1897; Об изыскании средств для призрения хроников, сирот, престарелых и неработоспособных (на основании данных земской деятельности в Костромской губернии). Доклад на I Всероссийском съезде деятелей по общественному и частному призрению.– Б.м., б.г.

Лит.: Государственный Совет Российской Империи: 1906-1917: Энциклопедия.– М., 2008.– С. 82; Богомолов С.И. Российский книжный знак. 1700-1918. Издание второе, исправленное и дополненное.– М., 2010.– С. 267; Бочков В.Н., Григоров А.А. Вокруг Щелькова: Путеводитель по историко-мемориальным местам.– Ярославль, 1972.– С. 78; Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т.– М., 1979.– Т. XI.– С. 486; А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина.– Кострома; Шуя, 2012.– С. 137, 475; Ревякин А.И. А.Н. Островский в Щелькове. Издание второе, исправленное и дополненное.– М., 1978.– С. 68, 117, 171, 280; Казан-

ский М.К. Портретная галерея. III. Василий Семенович Дмитриев // Кинешемский земский календарь-ежегодник. 1913.– Кинешма, 1913.– Отдел. II.– С. 169; Казанский М.К. 50-летие земства // Кинешемский календарь-ежегодник. 1916.– Кинешма, 1916.– Часть II. Ежегодник.– Отдел I.– С. 35, 41, 45, 60, 66; Резепин П.П. А.Н. Островский и его костромское окружение. Материалы для биобиблиографического словаря. Литеры Д и Е // Щельковские чтения. 2005. А.Н. Островский: личность, мыслитель, драматург, мастер слова. Сборник статей.– Кострома, 2006.– С. 353-354; Резепин П.П. Кинешемские предтечи // Вестник Костромского государственного педагогического университета имени Н.А. Некрасова.– Кострома, 1998.– № 2.– С. 25.

**«БИБЛИОТЕКА Н.Ф. ЖОХОВА.
№...ШКАФ...ПОЛКА...»**

Кн. ярлык, типографский, прямоугольный, 70×57 мм.

ЖОХОВ НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ (05.08.1839, ус. Высоково Кологривского у. Костромской губ. – ок. 15.03.1919) – юрист, литератор, библиофил. Сын губернского секретаря Жохова Федора Яковлевича (1801-1865/1877) и Екатерины Васильевны, урожденной Петерсон (1813-

12.01.1877). Выпускник Костромской губернской гимназии (1856) и юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета (1868). Кандидат прав (1868). Помощник секретаря (15.02.1868) и обер-секретаря (01.02.1869) и обер-секретарь (21.10.1880) I Департамента Правительствующего Сената. Почетный мировой судья Кологривского у. Костромской губ. (15.05.1878-1887). Член Нижегородского (27.05.1887) и Костромского (14.02.1890) окружных судов. Совладелец 2300 десятин земли в Ветлужском и владелец 700 в Ветлужском и 953 в Кологривском у. Костромской губ., деревянного дома в г. Костроме и личных книжного знака и библиотеки (3000 т.), которую пожертвовал Костромскому государственному рабоче-крестьянскому университету (1918). Соавтор (с братом Александром, 1840-1872) либретто оперы «Вражья сила» (1871) Серова А.Н. (1820-1871) по пьесе «Не так живи, как хочется» (1854) **ОСТРОВСКОГО А.Н.**

Лит.: Костромской государственный рабоче-крестьянский университет. Отчет о деятельности с 7 ноября 1918 г. по 7 ноября 1919 г.– Кострома, 1919.– С. 48; Богомолов С.И. Российский книжный знак. 1700-1918. Издание второе, исправленное и дополненное.– М., 2010.– С. 300; А.Н. Островский и русские композиторы: Письма / под общ. ред. Е.М. Колосовой и Вл. Филиппова.– М.; Л., 1937.– С. 101, 187-189; А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина.– Кострома; Шуя, 2012.– С. 162.

**«ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
читальня в Селище имени
Н.К. Михайловского»**

Кн. штемпель, овальный, 58×38 мм.

МИХАЙЛОВСКИЙ НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ (15.11. 1842, г. Мещовск Калужской губ. – 28.01.1904, г. Санкт-Петербург) – фило-соф, социолог, публицист, переводчик. Сын отставного штабс-капитана Михайловского Константина Павловича (1801-19.11.1855) и Юлии Васильевны, урожденной Фишер (ок. 1815-184?). Ученик Костромской губернской гимназии (1852-1856). Кадет Санкт-Петербургского Института корпуса горных инженеров (1856-1862). Житель ус. Селище Костромского у. (1867-1868, 1874, 1883, 1899, 1900, 1903) старшего советника Костромского губернского правления (1883) и неперменного члена Костромского губернского присутствия (1890) Мягкова Геннадия Васильевича (1839?-18.03.1903) и Елизаветы Константиновны, урожденной Михайловской (1845?-01.07.1916). Сотрудник Книжного вестника (1865-1866), Отечественных записок (1868-1877) и Большой энциклопедии под ред. Южакова С.Н. Соредактор

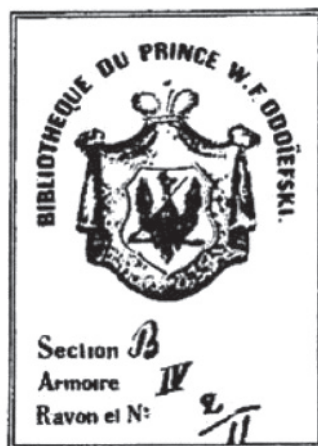
Отечественных записок (1877–1883) и редактор Северного вестника (1885–1888) и Русского богатства (1894–1904). Корреспондент Гласного суда, Народной воли, Недели, Невского сборника, Рассвета, Русских ведомостей, Русской мысли, Современного обозрения, Якоря и др. Действительный член Общества любителей российской словесности (24.04.1887) и др. Участник дружеского обеда в г. Санкт-Петербурге в честь 35-летия литературной деятельности ОСТРОВСКОГО А.Н. (02.03.1882). Похоронен на Волковом православном кладбище. Имядатель стипендии в Костромском городском четырехклассном училище (1904).

Соч.: Полное собрание сочинений: в 6 т.– СПб, 1879–1883 [изд. 3-е, 10 тт., СПб, 1909–1913, ред. Е. Е. Колосова; Полное собрание сочинений. Т. 1–8, 10; 4-е изд. СПб., 1906–1914.

Лит.: Костромская городская дума. Журналы... за 1904 год.– Кострома, 1905.– С. 94–95; Богомолов С.И. Российский книжный знак. 1700–1918. Издание второе, исправленное и дополненное.– М., 2010.– С. 507; Коган Л.Р. Летопись жизни и творчества А.Н. Островского.– М., 1953.– С. 293, 301, 327; А.Н. Островский в воспоминаниях современников / подгот. текста, вступ. ст. и прим. А.И. Ревякина.– М., 1966.– С. 211; А.Н. Островский. Новые материалы и исследования: в 2 кн.– М., 1974.– Кн. 1.– С. 139, 486, 492, 498, 551, 565; А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина.– Кострома; Шуя, 2012.– С. 257; Н.К. Михайловский // Костромской листок.– Кострома, 1900.– № 125; Купреянов Н.Я. Сельце // Памятники Отечества.– М.,

1991.– № 1 (23).– С. 115–124; Рязановский Ф.А. Писатели-костромичи. Н.К. Михайловский // Северная правда.– Кострома, 1927.– № 219.

«BIBLIOTHÈQUE DU PRINCE
W.F. ODOÏEFSKI. Section...
Armoire... Rayon et №...»

Кн. ярлык, типографский, прямоугольный, 60×42 мм.

ОДОЕВСКИЙ ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ (30.07.1804, г. Москва – 27.02.1869, там же) – писатель. Князь. Сын директора Московского отделения Государственного Ассигнационного банка (1797–1808) князя Одоевского Федора Сергеевича (14.04.1771–05.06.1808) и Екатерины Алексеевны, урожденной Филипповой, во 2-м браке Сеченовой (ок. 1780 – 11.08.1848). Выпускник с большой золотой медалью Московского университетского благородного пансиона (25.03.1822). Действительный член кружка Раича С.Е. (1822–1825), Общества любомудрия (1822–1825) и др. Библиотекарь (14.10.1826) и секретарь Общего собрания (1827) Глав-

ного цензурного комитета, столоначальник Департамента духовных дел иностранных исповеданий (июнь 1828 – январь 1838) и член-сотрудник комитета редакции Журнала (1838–1840) Министерства внутренних дел. Член Общего присутствия Департамента (01.05.1833) и Ученого комитета (11.02.1838) Министерства государственных имуществ. Действительный член (07.11.1833) и председатель (01.01.–16.02.1863) Общества любителей российской словесности. Камергер (1836). Старший чиновник 2-го отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии (03.05.1840–20.06.1846). Помощник директора Императорской Публичной библиотеки и директор Санкт-Петербургского Румянцевского музея (1846–1861).

Член-учредитель Санкт-Петербургского Общества посещения бедных (1846) и Московских Общества древнерусского искусства (1864) и Артистического кружка (14.10.1865). Присутствующий (26.12.1861) и первоприсутствующий (23.12.1864) VIII Московского департамента Правительствующего Сената (26.12.1861). Директор Московского отделения Императорского Русского музыкального общества (1863). Соиздатель Мнемозины (1824–1825) и Сельского чтения (1843–1848). Корреспондент Атенея (1830), Беседы в Обществе любителей российской словесности (1868),

Библиотеки для чтения (1834-1836, 1863), Вестника Европы (1821-1824), Голоса (1866), Денницы (1834), Дня (1864), Журнала общепользных сведений (1834), Журнала для чтения воспитанникам военно-учебных заведений (1844-1850), Каллиопа (1820), Литературной газеты (1841-1945), Литературных прибавлений к Русскому инвалиду (1834-1837), Мнемозины (1821), Московских ведомостей (1865), Московского наблюдателя (1835-1836), Московского телеграфа (1825), Новоселья (1845), Отечественных записок (1839-1850), Русского (1867), Русского архива (1863-1869), Санкт-Петербургского вестника (1858-1861), Северной пчелы (1825-1829), Северных цветов (1831), Современника (1836-1843), Сына Отечества (1824-1839) и др. Владелец с. Никольского и д. Поповка, Михалиха тож, Коробичиха, Утепиха, Ступиха, Нелюбиха, Утриха тож, Мокриха, Сивково тож, Ребровка, Игнатьево тож, Дудоладиха, Руданиха, Перехватово тож, Вахнево, Бакакиха, Завражье тож, Большое и Малое Якутино и 512 душ крестьян мужского пола в Ветлужском у. Костромской губ. (1824). Слушатель пьесы «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» (1866) в собственном доме в исполнении автора (11.11.1866), адресант 2 и адресат 1 письма ОСТРОВСКОГО А.Н. Похоронен в Донском монастыре.

ОСТРОВСКИЙ А.Н. – Васильевой (Лавровой) Е.Н. (25.05.1865): «Покорнейше прошу Вас передать К.Г. [Астапову] мою просьбу, во 1-х, чтобы он сообщил мне о результате моего письма к кн. ОДОЕВСКОМУ» (XI, 208).

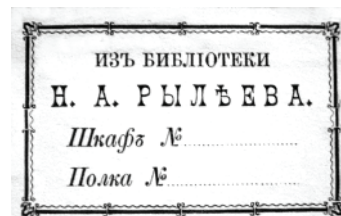
Соч.: Сочинения. – СПб., 1844. – Ч. I-III; Из бумаг кн. В.Ф. Одоевского. – М., 1865; Музыкально-литературное наследие. – М., 1956.

Лит.: Каталог выставки книжных знаков. Выставка Института художественно-научной экспертизы. – Пг., 1919. – С. 46; Каталог выставки книжных знаков из собрания Б.М. Тенина. – М., 1985. – № 502; Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина: Указатель / Российская государственная библиотека. Отд. рукописей. – М., 1983. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 120; Богомолов С.И. Российский книжный знак. 1700-1918. Издание второе, исправленное и дополненное. – М., 2010. – С. 585; Иваск У.Г. Описание русских книжных знаков (Ex-Libris). – М., 1905. – Вып. I. – С. 214, рис. 250; Коган Л.Р. Летопись жизни и творчества А.Н. Островского. – М., 1953. – С. 137, 152; Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. – М., 1979. – Т. XI. – С. 18, 194, 208, 209; А.Н. Островский в воспоминаниях современников / подгот. текста, вступ. ст. и прим. А.И. Ревякина. – М., 1966. – С. 90, 229, 527, 560; А.Н. Островский. Новые материалы и исследования: в 2 кн. – М., 1974. – Кн. 1. – С. 15, 36, 90; Кн. 2. – С. 321, 519; А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. – Кострома; Шуя, 2012. – С. 38, 294-295; Ревякин А.И. А.Н. Островский в Щелыкове. Издание второе, исправленное и дополненное. – М., 1978. – С. 205, 279; Резепин П.П. А.Н. Островский и его костромское окружение. Материалы для библиографического

словаря. Литеры Н – О // Щелыковские чтения 2010. А.Н. Островский в контексте культуры: сборник статей / науч. ред., сост. И.А. Едошина. – Кострома, 2011. – С. 215-218.

«ИЗ БИБЛИОТЕКИ
Н.А. РЫЛЕЕВА.

Шкаф №...Полка №...»

Кн. ярлык, типографский, прямоугольный, 54×34 мм.

РЫЛЕЕВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (05.10.1841, с. Угольское Кинешемского у. Костромской губ. – 15.11.1898, г. Кострома) – дворянский и земский деятель, библиофил. Сын отставного капитана 2-го ранга (03.03.1842) Рылева Александра Антоновича (1805-?) и Екатерины Николаевны, урожденной NN. (ок. 1820-?). Выпускник санкт-петербургского Николаевского училища гвардейских юнкеров (1860). Прапорщик (16.06.1860), полковой адъютант (20.06.1864-19.02.1865) и поручик (27.03.1866) лейб-гвардии Гатчинского кирасирского полка в отставке (27.07.1867). Слушатель Николаевской академии Генерального штаба (25.08.1862-08.10.1863). Гласный Кинешемского уездного и Костромского губернского земских собраний (1865-

1873). Почетный мировой судья (1868-1885) и предводитель дворянства (22.06.1874-15.04.1885) Кинешемского у., Кинешемским уездным земским собранием обвиненный в подтасовке результатов выборов (1883) и судебным постановлением отрешенный от должности (1885). Совладелец с. Угольского и 829 десятин земли в Кинешемском у. и каменного дома на Ильинской ул. в г. Костроме. Владелец личных библиотеки и книжного знака. Похоронен на Никольском кладбище Богоявленско-Анастасиинского женского монастыря. Участник приемов в ус. Щельково членов Кинешемского уездного съезда мировых судей в дни именин ОСТРОВСКОГО А.Н. (30.08.1874, 30.08.1876, 30.08.1883) и ОСТРОВСКОЙ М.В. (22.07.1883).

ОСТРОВСКИЙ А.Н. – ОСТРОВСКОМУ Андрею Николаевичу (1877): «Когда увижу предводителя, спрошу у него» (XI, 554).

Лит.: Богомолов С.И. Российский книжный знак. 1700-1918. Издание второе, исправленное и дополненное.– М., 2010.– С. 720; Бочков В.Н., Григоров А.А. Вокруг Щелькова: Путеводитель по историко-мемориальным местам.– Ярославль, 1972.– С. 18; Григоров А.А. Из истории костромского дворянства.– Кострома, 1993.– С. 239-240; Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т.– М., 1979.– Т. XI.– С. 554; Ревякин А.И. А.Н. Островский в Щелькове. Издание второе, исправленное и дополненное.– М., 1978.– С. 174, 175, 201, 202, 282, 285, 289; Казанский

М.К. 50-летие земства // Кинешемский календарь-ежегодник. 1916.– Кинешма, 1916.– Часть II. Ежегодник.– Отдел I.– С. 41, 45; Резепин П.П. Костромской некрополь. Богоявленский монастырь // Энтелехия: научно-публицистический журнал.– Кострома, 2011.– № 24.– С. 136; Резепин П.П. А.Н. Островский и его костромское окружение. Материалы для библиографического словаря. Литеры П-Р // Щельковские чтения 2011. А.Н. Островский и его эпоха: сборник статей / науч. ред., сост. И.А. Едошина.– Кострома, 2012.– С. 277-278.

**«БИБЛИОТЕКА
А. ХЕРСОНСКАГО»**

Кн. штемпель, декоративный, 38×30 мм.

ХЕРСОНСКИЙ АНТОНИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (1850, с. Дубакино Ковровского у. Владимирской губ. – 24.04.1897, пг. Бережки Ивашевской вол. Кинешемского у. Костромской губ.) – священнослужитель. Сын дьячка. Выпускник Владимирской духовной семинарии (1871). Учитель Тишенского начального народного училища Вязниковского у. Владимирской губ. (1871). Священник Покровской церкви с. Чеганова (27.10.1874) и Никольской церкви пг. Березков (1878) Кинешемского у. Корреспондент Костромских епархиальных

ведомостей. Участник отпевания ОСТРОВСКОГО А.Н. (04.06.1886).

Соч.: Заблудшие // Костромские епархиальные ведомости.– Кострома, 1885.– № 19.– Часть неофициальная.– С. 594-599; № 21.– Часть неофициальная.– С. 662-667; Заметка одного из читателей «Летописи Макариева Унженского монастыря» // Там же.– 1891.– № 9/10.– Часть неофициальная.– С. 220-224.

Лит.: Алфавитный список церковей Костромской епархии, с показанием имен, отчеств и фамилий священников и диаконов, состоящих при оных на лицо.– Кострома, 1879.– С. 10; Утвержденные Святейшим Правительствующим Синодом штаты приходских церквей Костромской епархии, с указанием положенного при них состава причтов и приложением руководственных правил по введению сих штатов в действие. Кострома, 1890.– С. 134-135; Кропачев Н.А. А.Н. Островский на службе при Императорских театрах. (С приложением его неизданного портрета с автографом, записок и ненапечатанных писем): воспоминания его секретаря Н.А. Кропачева.– М., 1901.– С. 104; Малицкий Н.В. История Владимирской духовной семинарии (1750-1869).– М., 1902.– Вып. 3.– С. 310; Резепин П.П. Щельковский некрополь // Губернский дом: историко-краеведческий культурно-просветительский научно-популярный журнал.– Кострома, 2003.– № 1/2.– С. 135.

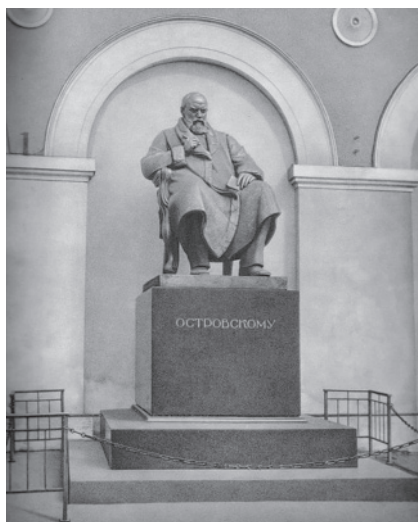

Дмитрий Сидоров,
к.и.н., заведующий отделом
ГАКО

«ИМЯ ЕГО ОСОБЕННО ДОРОГО НАМ, КОСТРОМИЧАМ»

К вопросу об инициативах увековечивания памяти А.Н. Островского в конце XIX в.

В силу своей мобильности ведущее место на авансцене культуры России второй половины XIX в. заняла литература. Острейшие проблемы, конфликты, сложности жизни, характеры и лица как в зеркале отразились в произведениях А.Н. Островского. Не случайно его произведения ставились не только в столичных и губернских театрах, но и в уездных драматических кружках. В одном из первых драматических кружков, уходящим корнями к «народным святочным драмам», в уездном городе Галиче Костромской губернии, особой любовью зрителей пользовались «Бесприданница», «Доходное место» и «Бешеные деньги» А.Н. Островского, по-

Памятник А.Н. Островскому.

ставленные уполномоченным дирекции Художественного театра К.С. Станиславского В.И. Богомоловым.

В условиях общественной популярности произведений А.Н. Островского важным после его смерти стал вопрос увековечивания памяти писателя.

Этой идее должно было послужить строительство памятника, сбор пожертвований на который открылся по инициативе Общества русских драматических писателей и оперных композиторов, основателем которого был А.Н. Островский, «Монаршем благоволением» 19 мая 1889 г.

Костромской губернатор В.В. Калачев со страниц «Костромских губернских ведомостей» в декабре 1889 г. выступил с обращением о поддержке «открытия повсеместного по Империи сбора пожертвований на сооружение в г. Москве памятника покойному драматическому писателю Александру Николаевичу Островскому».

По словам губернатора, «его имя особенно дорого нам, костромичам, так как А.Н. Островский принадлежал к числу потомственных дворян Костромской губернии и, проводя летнее время в своей усадьбе Кинешемского уезда, трудился там на пользу отечественной литературы». «Отныне при моей канцелярии, — отмечал губернатор, — приглашаю к такому

Городская дума. Нач. XX века.

пожертвованию лиц, чтущих память знаменитого русского драматурга»¹.

Костромская городская дума Определением от 28 ноября 1889 г. открыла собственную подписку для добровольных пожертвований на устройство памятника. Костромская городская управа сообщала губернатору, что готова оказать всякое содействие в осуществлении «предписания Господина губернатора о сборе пожертвований на памятник А.Н. Островскому»².

Сведения о лицах, «сделавших таковые, с показанием жертвуемой суммы», планировалось еженедельно публиковать в «Костромских губернских ведомостях». К сожалению, костромская пресса не сохранила имена жертвователей и сведения о количестве собранных средств. Известно лишь, что к началу XX в. по всей Империи было собрано свыше 50 тысяч рублей. Сам же памятник был открыт 29 мая 1929 г.

Более удачным явился проект открытия читальни им. А.Н. Островского в г. Костроме. Важное место в научно-просветительской жизни Костромской губернии с 1883 г. заняли Народные чтения. «Костромские губернские ведомости» за 28 июня 1889 г. сообщали, что за прошедший отчетный год Комиссия по устройству Народных чтений устроила в манеже 21 чтение, 2 – с туманными (световыми) картинами. В том же году, решая проблему помещения, Комиссия выступила инициатором сбора средств на строительство читальни им. А.Н. Островского.

«Не малым тормозом к процветанию дела народных чтений, по мнению Комиссии, служит отсутствие специально построенного здания». Далее «Костромские губернские ведомости» сообщали: «Посему комиссия по устройству народных чтений в г. Костроме, по почину товарищества артистов Московского драматического театра Корша, давшего 1/3 чистого сбора со спектакля 2 мая 1889 г. в пользу фонда на постройку читальни имени уроженца Костромской губернии А.Н. Островского, открывает с этой целью подписку и просит всех, сочувствующих этому делу, направлять свои пожертвования или на имя наблюдающего за чтениями директора народных училищ, или на имя заведующего читальней. Пожертвования будут вноситься в местное отделение центрального банка, где и будут находиться до накопления 3000 руб. – суммы, необходимой по сделанной смете для постройки здания. В настоящее время с этой целью уже пожертвовано 92 руб. (51 руб. Товариществом артистов Корша и 41 руб. П.А. Потехиным)»³.

Губернское земское собрание, в свою очередь, рассмотрев предложение Комиссии по устройству народных чтений о присоединении к пожертвованиям на постройку в г. Костроме читальни им. А.Н. Островского, постановило для этой цели выдать 300 руб. из средств губернского земства⁴.

Открытие читальни состоялось 1 октября 1896 г. в присутствии вдовы драматурга М.В.Островской и его близких. В 1898 г. на пожертвованные меценатом А.А.Зотовым деньги там открылась общедоступная библиотека, и здание получило название «Народная библиотека-читальня им. А.Н. Островского». Возле нее предполагалось установить в будущем бюст драматурга.

Читая костромскую прессу того периода, понимаешь весь смысл слов губернатора: «Имя его особенно дорого нам, костромичам»..!

Примечания

¹ Костромские губернские ведомости. 1889. – № 49. – 13 декабря.

² Костромские губернские ведомости. 1890. – № 2. – 10 января.

³ Костромские губернские ведомости. 1889. – № 25. – 28 июня.

⁴ Костромские губернские ведомости. 1889. – № 49. – 13 декабря.

Читальня им. А.Н. Островского. Нач. XX века

Галина Сухарева,
главный архивист ГАКО

ОСТРОВСКИЙ НА СЦЕНЕ И В ДНИ ЮБИЛЕЕВ

Говорят, что Александр Николаевич Островский присутствовал на постановках своих пьес в Костромском городском театре. Документально подтвердить этот факт не удалось. Не нашлось отзывов об его приезде и на страницах прессы, живо реагировавшей на сенсационные события. Тем не менее, интерес к спектаклям драматурга у костромичей был высок.

Талант Островского «завоевал» сцену губернского города еще в 50-е годы XIX века. 26 октября 1856 г. поставили комедию «Не в свои сани не садись», 30 сентября 1857 г. шла комедия «Бедность не порок»¹, 23 ноября 1863 г. впервые играли «Доходное место»².

Несомненно, увиденное становилось темой для обсуждения среди провинциальной публики. Рецензии на спектакли можно было прочесть в «Костромских губернских ведомостях». В основном критике подвергалась игра актеров. Сами же произведения Александра Николаевича считались прекрасными современными и

серьезными пьесами, которые, по словам костромского литератора и собирателя фольклора П.И. Андроникова, требовали «верного взгляда на искусство, понимания искусства и артистической опытности»³.

Последней, исходя из публикаций, не всегда хватало местным актерам. Отчасти исполнение пьес А.Н. Островского ещё при жизни драматурга можно было бы назвать данью моды, нежеланием костромской театральной труппы отставать от столичных подмошков. Однако эта увлеченность не исчезла и позднее. В репертуаре костромских театральных коллективов начала XX века классика, в том числе и произведения Александра Николаевича, продолжала занимать далеко не последнее место. По сообщению «Костромского листка» поставленная 14 января 1901 г. комедия «Женитьба Белугина», написанная в соавторстве с Н.Я. Соловьевым, «прошла при хорошем сборе и дружном ансамбле»⁴. 30 ноября 1904 г. весенняя сказка «Снегурочка» собрала в го-

родском театре полный зал⁵. Помимо профессиональных актеров постановками пьес занимались и любители. Их спектакли также нашли своего благодарного зрителя, о чем свидетельствуют заметки, помещенные на страницах костромской периодической печати. Так, 6 января 1903 г. в читальне имени А.Н. Островского попечительство о народной трезвости организовало любительский спектакль «Праздничный сон – до обеда». По мнению корреспондента, он «прошел почти при полном сборе и с успехом»⁶.

В том же году в селе Чернопенье Костромского уезда силами местных любителей драматического искусства, помимо «Женитьбы» Н.В. Гоголя и ряда других произведений, были показаны пьесы «В чужом пиру похмелье» и «На пороге к делу» Островского. В газете отмечалось, что «публика посещала спектакли в большом количестве и была ими заинтересована»⁷. В 1911 г. в газете «Наша костромская жизнь» писали об аншлаге в Плесском городском учи-

лище. Играли комедию А.Н. Островского «Не в свои сани не садись», «публики было так много, что приходилось за неимением мест отказывать желающим попасть на спектакль»⁸. Стоит сказать, что эти мероприятия зачастую служили для увеселения общества. Нередко после любительских спектаклей устраивались танцы и игры. Однако для большинства жителей Костромской губернии такие постановки являлись единственной возможностью прикоснуться к искусству театра.

Зачастую спектакли, будь то любительские или подготовленные труппой костромского городского театра, были благотворительными. Собранные деньги шли на разные общественные нужды: в пользу городского попечительства о бедных, на устройство библиотеки для юных читателей г. Костромы, в пользу голодающих, для развития Адищевского сельскохозяйственного общества, на устройство народных чтений в селе Сидоровском Нерехтского уезда, для приобретения декораций «многострадальному колоритивному театру».

Показательно, что выбор произведений нередко падал именно на пьесы из числа сочинений Островского, который, по мнению И.А. Дедкова, «научая нас доброты и вере в лучший удел человека, (...) как бы отта-

чивает наше представление о нравственном и безнравственном, справедливом и несправедливом»⁹. Обращение Александра Николаевича к общечеловеческим ценностям не могло не найти отклика в душах людей. Вышедшие из под его пера герои полюбились костромской публике.

В этой связи общественность не осталась равнодушной и к делу по увековечиванию памяти земляка. В 1896 г., через 10 лет после его смерти, в г. Костроме стараниями Е.М. Микифорова была основана народная читальня имени А.Н. Островского. В том же году небольшая группа любителей драматического искусства г. Кинешмы создала музыкально-драматический кружок, присвоив ему имя Островского. А еще через пятнадцать лет, в 1911 г., в Костромской губернии отметили 25-летний юбилей со дня смерти писателя. Событие получило освещение на страницах прессы.

Основные торжества прошли в июне месяце на Кинешемской земле. 5 июня 1911 г. в «Поволжском вестнике» была размещена небольшая заметка, позволяющая судить об организации и о ходе мероприятия. «2 июня в Щелькове (...) в церкви Никола-Бережки отслужены местным благочинным в сослужение со священниками окрестных сел, заупокойная

литургия, а затем панихида на могиле покойного драматурга. Пел хор, организованный учителем соседней школы. На богослужении присутствовали, кроме дочери покойного М.А. Шателен с семьей, представители костромского дворянства, кинешемского уездного земства, кинешемского драматического кружка имени А.Н. Островского, друзья и почитатели покойного, а также крестьяне окрестных деревень. На могилу возложены венки (...). (...) теплое слово сказал представитель кружка Киселев. Помолиться приехали друзья покойного: член Государственного Совета Дмитриев, Хомутовы, уездный предводитель дворянства Яковлев, председатель земской управы Григоров и другие близкие покойному лица»¹⁰.

По сообщению газеты «Наша костромская жизнь» в кинешемском театре в день юбилея также была отслужена панихида и прочитан реферат¹¹. Кроме того, в печати появился ряд объемных публикаций, посвященных жизни и творчеству драматурга¹².

В них авторы знакомили читателей с биографией Александра Николаевича, старались дать оценку его литературному наследию. Финальной точкой в праздновании стал спектакль «На всякого мудреца довольно простоты», устроенный 27

сентября на сцене Костромского городского театра, но не получивший одобрения зрителей¹³. По-видимому, всё прошло довольно скромно, что позволило возникнуть мнению «о плохой подготовке» к юбилею, о некотором «подобии праздника». К тому же было с чем сравнивать. Корреспонденты всё той же «Нашей костромской жизни» подробно знакомили костромичей с подготовкой к торжествам, которые должны были состояться в г. Москве. Это и заседание первого литературно-драматического и музыкального общества имени А.Н. Островского, и насыщенная программа в стенах Большого театра при участии известных театральных коллективов города. Здесь устроители планировали осуществить постановку отрывков из произведений драматурга, а вторую часть вечера посвятить вокальным номерам.

Кроме того, союзом драматических и музыкальных писателей в июне 1911 г. был объявлен конкурс на соискание премии с вручением золотой медали за лучшее сочинение об А.Н. Островском¹⁴. Уже к середине октября 1911 г. поступило 105 пьес. К сожалению, сведениями об участии в конкурсе представителей из Костромской губернии мы не располагаем.

На этом фоне судить о том, насколько удачно прошли дни памяти А.Н. Остров-

ского в г. Костроме, сложно. Однако не стоит забывать, что в 1911 г. в нашем городе отмечалось и 30-летие со дня смерти еще одного знаменитого костромича Алексея Феофилактовича Писемского, тесная дружба с которым связывала самого Александра Николаевича. Его литературные заслуги также нельзя умалять, а пропустить эту дату было бы непочтительно. К тому же много сил и энергии уходило на подготовку к празднованию 300-летия царствования Дома Романовых. Вероятно, по этой причине в 1913 г. в местной прессе, кроме отдельных заметок о проведении того или иного спектакля, информации о торжествах по случаю 90-летия со дня рождения А.Н.Островского не было опубликовано. Единственным напоминанием о столь значимом событии можно считать размещение портрета писателя и довольно подробной биографической справки на страницах «Ежегодника Кинешемского уездного земства и календаря на 1913 г.».

Напротив, в 1923 г. газета «Красный понедельник» посвятила 100-летию со дня рождения Островского целый номер¹⁵. Помимо того, при Костромском губполитросвете создали специальный комитет по проведению юбилея А.Н. Островского, куда до 10 апреля можно было направить программы

предполагаемых мероприятий для последующего помещения их в юбилейной памятке и сводной афише. Организаторы выражали надежду на деятельное участие всех культурных, учебных и просветительных учреждений города и деревни в чествовании памяти писателя. В газете «Красный мир» были сформулированы общие правила, по которым следовало вести подготовку в клубах. Они сводились к следующему: *«а) чтобы во время подготовки к этому дню в драматических кружках клубов был прочитан специально для драмкружков ряд лекций о сущности драматурга Островского и его значении в истории развития и театра;*

б) чтобы накануне юбилейного дня (за несколько дней) устроить лекцию-диспут об Островском, на который будут приглашены главным образом местные театральные работники, в частности драмкружки клубов; лекция-диспут закончится постановкой силами клубов отрывков из произведений Островского;

в) чтобы накануне юбилейного дня по всем клубам устроить публичные лекции, посвященные Островскому и драматические выступления из его произведений;

г) чтобы на имеющим быть в день юбилея – торжественном заседании в Гортеатре, силами клубов было

создано комбинированное драматическое представление из отрывков наиболее выдающихся произведений Островского, которое будет заключено немой сценой из типов Островского»¹⁶.

Первоначально проведение мероприятий планировалось на 13 апреля, в итоге праздник состоялся 15 и 16 апреля. В первый день одним из центральных событий стал «Вечер Островского», прошедший на сцене городского театра. Зрители прослушали доклад, после которого силами кружка Центрального рабочего клуба и драмкружка клуба имени М.С.Урицкого были разыграны отрывки из комедий «Доходное место» и «Шутники».

Представление завершилось выступлением артистов Костромской оперы с программой «Островский в музыке». На следующий день при полном зале прошло торжественное заседание в Государственном университете с чтением докладов В.И. Буевским, А.Я. Виленкиным и Виноградовым. В школах, техникумах и клубах города шли спектакли по пьесам А.Н. Островского. Достойной оценкой происходившего в течение этих двух дней могут стать слова газетной заметки, в которой подводились итоги празднования: «Кострома чутко откликнулась на юбилей Островского».

Городской Театр.

ДРАМАТИЧЕСКИЙ АНСАМБЛЬ

Дирекция Е. В. НЕВОЛИНОЙ.

Во вторник, 27 сентября 1911 года,
спектакль в память 25-лѣтія со дня кончины
А. Н. Островскаго.

Представлено будетъ:

На всякаго мудреца довольно простоты

Комедія въ 5-ти дѣйств. и 6 картинахъ А. Н. Островскаго.

Главный режиссеръ Г. Ф. Демюръ.

Уполномоченный дирекція И. М. Либакъ-Ильинскій.

Слѣдующій спектакль въ четвергъ, 29 сентября, первый общедоступный спектакль по уменьшеннымъ цѣнамъ.

Объявление дано в газете «Наша Костромская жизнь»
27.09.1911 № 210.

Примечания

¹ Фелицкий. Из письма к редактору // Костромские губернские ведомости. 1857. № 39, 5 октября

² И.Н-ч. «Как он начнет гримасничать...» // Костромские губернские ведомости. 1863. 23 ноября. С. 3

³ Андроников П.И. Городские известия // Костромские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1856 г. № 44, 10 ноября.

⁴ «Женитьба Белугина» // Костромской листок. 1901. 14 января. С. 3

⁵ «Снегурочка» // Костромской листок. 1904. 3 декабря. С. 3

⁶ Спектакль попечительства о народной трезвости // Костромской листок. 1903. № 4, 8 января.

⁷ Из сельца Чернопеня // Костромской листок. 1903. № 28, 7 марта.

⁸ Москвич. Спектакль // Наша костромская жизнь. 1911. № 148, 8 июля.

⁹ Дедков И.А. Великий русский драматург // Губернский дом. 1998. № 1-2. С. 6

¹⁰ Р.С. На могиле А.Н. Островского // Поволжский вестник. 1911. № 1479, 5 июня.

¹¹ В театре // Наша костромская жизнь. 1911. № 121, 5 июня.

¹² Негорев Н. Жизнь драматурга // Наша костромская жизнь. 1911, № 118, 2 июня; Ромуальдо. Памяти А.Н. Островского // Наша костромская жизнь. 1911. № 215, 4 ноября; Нето. Александр Николаевич Островский // Поволжский вестник. 1911. № 1476, 2 июня.

¹³ Викт. К. «На всякаго мудреца довольно простоты» // Наша костромская жизнь. 1911. № 212, 29 сентября.

¹⁴ Р.С. Конкурс имени А.Н. Островского // Наша Костромская жизнь. 1911. № 120, 4 июня.

¹⁵ Красный понедельник. 1923. № 16, 16 апреля

¹⁶ Клубы, готовьтесь к юбилею А.Н. Островского // Красный мир. 1923. № 61, 21 марта.

Евгения Дьяченко,
главный хранитель фондов
музея-заповедника «Щельково»

«ВСЕ КРАСКИ, ВСЕ ЗВУКИ, ВСЕ СЛОВА»

*«Для того чтобы быть народным писателем,
мало одной любви к родине...
надо еще хорошо знать свой народ,
сойтись с ним покороче, сродниться»*

А.Н. Островский

На протяжении всей жизни А.Н. Островский уделял немало времени и сил именно «изучению своей народности». В юности он исходил все улочки Замоскворечья, в котором родился, наблюдая характерные сценки из жизни обывателей. Этот опыт нашел свое отражение в «Записках замоскворецкого жителя» и многих его пьесах. С возрастом полем для исследований стала не только Москва, но и другие города и веси России. Несомненно, что большое значение в жизни и творчестве драматурга имело его знакомство с Волгой и волжскими городами. Александр Николаевич неоднократно бывал в Твери, Ярославле, Костроме, Кинешме и Нижнем Новгороде. Впечатления от некоторых из этих поездок сохранились в его дневниках, письмах и незаконченных набросках статей.

В 1848 году А.Н. Островский отправился с домочадцами в увлекательное путешествие на родину отца, в Кострому и далее – в приоб-

Вниз по матушке по Волге. Лубок XIX века.

ретенную отцом в заволжских лесах усадьбу Щельково. Во время этой поездки молодой драматург вел дневник, многое приоткрывающий в его восприятии провинциальной, поволжской России, многое проясняющий в замысле таких шедевров, как «русская трагедия» «Гроза», «весенняя сказка» «Снегурочка» и драма «Бесприданница».

Путь Островского лежал через древние русские города с их историческими памятниками и святынями – Сергиев

Посад, Переславль Залесский, Ростов Великий, Ярославль и Кострому. Читая дневник, совершая вместе с писателем это путешествие, из записок Островского узнаешь, каким неистощимым источником поэтического творчества открылся перед ним Ярославско-Костромской край. Настроение в дневнике идет по нарастающей от Переславля до Костромы.

«С Переяславля начинается земля, обильная и горами и водами, и народ и рослый,

и красивый, и умный, и откровенный, и обязательный, и вольный ум, и душа нараспапку, Это земляки мои возлюбленные...».

«...ехали все берегом Волги, почти подле самой воды, камышами. Виды на ту сторону очаровательные. По Волге взад и вперед беспрестанно идут расшивы то на парусах, то народом. Езда такая, как по Кузнецкому мосту. Кострому видно верст за 20».

«Мы с Николаем ходили смотреть город; площадь, на которой находится гостиница, где мы остановились, великолепна. Посреди – памятник Сусанину, еще закрытый, прямо – широкий съезд на Волгу, по сторонам площади прекрасно устроенный гостинный двор и потом во все направления прямые улицы... Правая от Волги улица упирается в собор довольно древней постройки. Подле собора общественный сад, продолжение которого составляет узенький Бульвар, далеко протянутый к Волге по нарочно устроенной для того насыпи. На конце этого бульвара сделана беседка. Вид из этой беседки вниз и вверх по Волге такой, какого мы еще не видали до сих пор».

«Пошли по этой улице дальше и вышли к какой-то церкви на горе, подле благородного пансиона. Тут я, признаюсь, удержаться от слез был не в состоянии, да и едва ли из вас кто-нибудь, друзья мои, удержался бы. Описывать этого вида нельзя. Да чуть ли не это и вызвало слезы из глаз моих.

Кострома. Гравюра XIX века.

Тут все: все краски, все звуки, все слова. А заставьте такого художника, как природу, все эти средства употребить на малом пространстве, посмотрите, что он сделает».

«Природа – ты любовница верная, только страшно похотливая; как ни люби тебя, ты все недовольна; неудовлетворенная страсть кипит в твоих взорах и как ни клянись тебе, что не в силах удовлетворить твоих желаний – ты не сердись, не отходишь прочь, а все смотришь своими страстными очами, и эти полные ожидания взоры – казнь и мука для человека.

Измученный воротился я домой, и долго, долго не мог уснуть. Какое-то отчаяние овладело мной. Неужели мучительные впечатления этих 5 дней будут бесплодны для меня?» – из дневника А.Н. Островского 1848 года.

Содержание дневника, несмотря на краткость, полно глубокого интереса, В этих заметках драматург открыва-

ется перед нами не только как исследователь быта и нравов, но и как страстный восторженный почитатель природы. Апрельское путешествие Островского в Щельково явилось по-своему решающим в жизни национального драматурга. Свою любовь к костромскому краю, его природе и истории, к быту и нравам народа Поволжья драматург пронес через всю жизнь.

В 1856 году в жизни и деятельности А.Н. Островского, как писал С.В. Максимов, «положено было начало творческим обогащениям. <...> Такому повороту на новый путь содействовал, главным образом, совсем неожиданный случай».

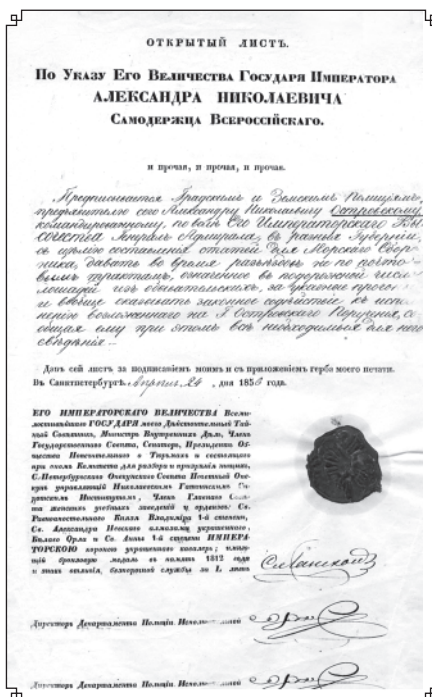
Случай этот – литературная экспедиция, состоявшаяся по заданию и на средства морского министерства. Александр Николаевич стал участником этого знаменательного события в русской жизни действительно случайно. Из воспоминаний С.В. Максимова:

«Осенью 1855 года в петербургских литературных кружках, тогда не столь разнообразных и многочисленных, как теперь, но гораздо более сплоченных, распространился слух о небывалом событии, казавшемся всем неожиданным и почти невероятным. Правительство понуждалось в содействии тех общественных деятелей, которым уже давно присвоено было обществом не признанное и не утвержденное правительством звание литераторов, находившихся до той поры в сильном подозрении».

«Почин в описываемом нами деле принадлежал молодому тогда генерал-адмиралу, председателю Ученого русского географического общества, великому князю Константину Николаевичу, состоявшему во главе коренных преобразований после севастопольского погрома...».

«Морской сборник» – орган министерства, находившийся под особенным ближайшим наблюдением и просвещенным покровительством великого

Открытый лист.

князя, из сухого специального журнала успел уже превратиться в живой орган, в котором разрабатывались самые существенные и жгучие общественные вопросы».

Великий князь отдал приказ по министерству «поискать между молодыми даровитыми литераторами (наприм., Писемский, Потехин и т. под.)

лиц, которых мы могли бы командировать на время в Архангельск, Астрахань, Оренбург, на Волгу и главные озера наши, для исследования быта жителей, занимающихся морским делом и рыболовством, и составления статей в «Морской сборник», не определяя этих лиц к нам на службу».

Обращение, действительно, сделано было ко многим лицам в Петербурге. В Москву к редакторам «Москвитянина». «Погодин и Шевырев проглядели своего сотрудника, знаменитого драматурга А.Н. Островского, который сам вызвался впоследствии и получил командировку, благодаря приятельскому соглашению с А.А. Потехиным, предложившим уступить верхнюю Волгу».

Александр Николаевич старался исполнить возложенную на него миссию самым добросовестным образом. Изучил в совершенстве рыбные промыслы Поволжья. Первым из русских писателей по легкой дороге добрался до истоков Волги.

Некоторые места из дневника драматурга 1856 года напрямую перекликаются с текстами из его пьес. Встреча с содержанием постоянного двора, торговавшим своими дочерьми, дала сюжет комедии «На бойком месте». Описание Торжка отразилось в «Грозе». Слова, какими рекомендовался Островскому в Твери винный пристав Развадовский, «человек с большими усами и малыми способностями», использованы драматургом в «Бесприданнице» (такими же словами рекомендует себя Паратов). В статьях,

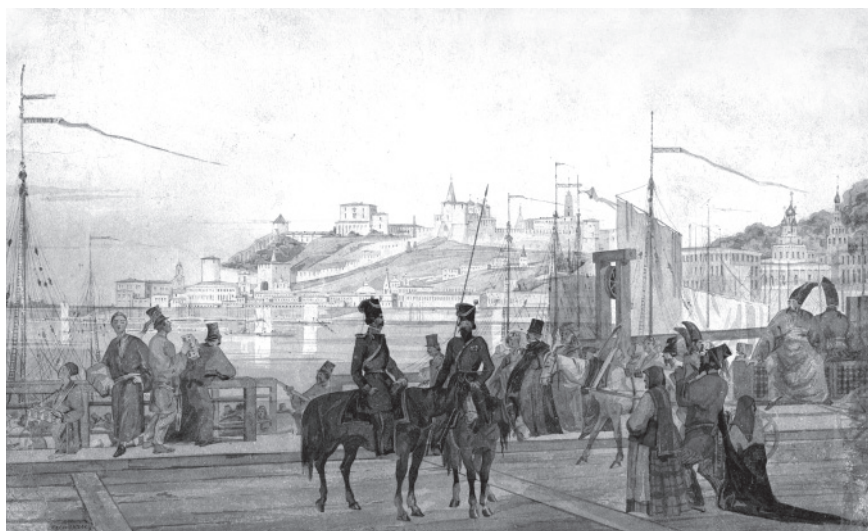

Вид города Твери. Литография XIX века.

выписанных из различных губернских ведомостей, а также в сообщениях местных жителей, Островский нашел материал приговоров свадебных дружек, использованный им впоследствии в «Снегурочке». Из этих же приговоров заимствованы и слова, вложенные драматургом еще под свежим впечатлением в уста Гаврилихи, свахи в комедии «Праздничный сон – до обеда», которая себя аттестует так: *«Ноги с подходом, голова с поклоном, язык с приговором»*. Можно думать, что *«две волжские песни»* дали толчок к созданию пьесы «Воевода» («Сон на Волге»). А.Н. Островский задумал целый ряд пьес под общим заглавием «Ночи на Волге», о чем он писал 25 сентября 1857 года Н.А. Некрасову. Однако этот замысел не был исполнен, и можно только гадать, какие пьесы, из написанных драматургом, могли в него войти. Также во время экспедиции Александр Николаевич всерьез увлекся собиранием народных слов и уже не оставлял этого занятия. Сам Островский называл свое участие в литературной экспедиции *«приятным и полезным»* *«для будущих литературных трудов»*.

Приятным это путешествие оставалось до того момента, как в Калязине на драматурга рухнул тарантас. Перелом ноги в двух местах и неправильное лечение в Калязине сильно подорвали его здоровье. Князь Д.А. Оболенский, курировавший литературную экспедицию, предлагал Александру Николаевичу выплатить при-

Рыбинский В.П. Нижний Новгород. Картина XIX века.

читающееся ему вознаграждение, на что драматург ответил в своем письме: *«Я проездил 5 месяцев, и вот уже скоро 4, как лежу в Москве. Если я теперь попрошу денег за полгода, то мне мало останется для разъездов по Ярославской и Костромской губернии, на которые менее 6 месяцев никак нельзя употребить. Жизнь же в наших северных губерниях и уездных городах дороже, чем в Петербурге, а захворать не дай бог никому»*. В следующем, 1857 году, Александр Николаевич продолжил свое исследование и посетил Ярославль и Нижний Новгород.

Интересом к историческому прошлому, Островский проникся еще в студенческие годы. В свое первое посещение Нижнего Новгорода в 1845 году, он отмечал в дневнике: *«Монумент Минину в жалком состоянии»*. Возможно, тогда у будущего драматурга и возникло желание увековечить память Козьмы Захарыча Минина в искусстве. В 1855 году Александр Николаевич уже работал над пьесой о

Минине. Изучал исторические труды, делал выписки и наброски. Участие писателя в литературной экспедиции прервало на время его работу над пьесой, но обогатило писателя живыми впечатлениями от наблюдений над бытом, языком и фольклором Поволжья, способствовало расширению его замысла. В 1866 году Островский пишет в письме к актеру В.В. Самойлову: *«Мы поставим настоящий памятник Минину, гораздо лучше того, который торчит верстой среди крапивы»*.

А.Н. Островский стремился исследовать все многообразие коренной русской жизни – от поволжского крестьянина до купеческого столичного дельца, напоминающего иностранного негоцианта. Произведения А.Н. Островского отличают: блестящая отделка, неповторимо сочный язык, умение совместить интерес к животрепещущим проблемам своего времени с разрешением вневременных вечных проблем человеческой совести, любви, идеальных устремлений.

«ПЕРЕИМЕНОВАТЬ «ЗОЛОТОЙ ЗАЛ» В «ЗАЛ ОСТРОВСКОГО»...»

К вопросу увековечения памяти творческих людей и празднованию их юбилейных и просто памятных дат надо подходить творчески. Сейчас уже трудно сказать, ставилась ли именно эта задача перед деятелями Исполнительного комитета Костромского областного Совета народных депутатов или иная. Однако же предложения, выдвинутые в разное время и зафиксированные в протоколах заседаний исполкома и решениях к нему, порой звучат любопытно.

Наибольшее количество таких творческих идей пришлось, наверное, на 1948 год.

1948 год – особенная дата и точка нашего отсчета: 3-й послевоенный год и 125-й год со дня рождения великого русского драматурга Александра Николаевича Островского. Первые предложения прозвучали уже в январе этого года. Одна из настоятельных просьб – организовать в усадьбе А.Н. Островского «Щелыково» мемориальный музей, а затем и научный центр по изучению и пропаганде творчества великого русского драматурга¹. Эта просьба повторится еще не раз и, в конце концов, через полгода будет удовлетворена².

Похожая история произошла с идеей переименования Семеновского района Костромской области (созданной

в 1944 году) в Островский. Впервые об этом заговорили уже в 1946 году, причем облисполком ссылается в своих документах на «ходатайство колхозников, рабочих, служащих и районных организаций»³. Вопрос еще несколько раз был поднят в течение 1948 года и в этом же году постановлением Совета Министров ССР от 11 мая 1948 года №1566 решен положительно⁴.

В преддверии памятной даты Костромской облисполком предложил Всесоюзному Юбилейному Комитету и через него Совету Министров СССР также переименовать и с. Николо-Бережки (где похоронен драматург) в с. Островское⁵. Однако, как мы знаем, великое имя получил совсем другой населенный пункт, а именно – с. Семеновское-Лапотное, впрочем, того же Островского района Костромской области. Но это произошло уже в 1956 году.

Согласно намеченному плану 1948 года предполагалось переименовать улицу Горную в г. Костроме, «на которой в 1859 году жил А.Н. Островский», в улицу А.Н. Островского, а также установить на доме № 8 по этой улице памятную доску⁶. С этими двумя идеями в документах мы больше не столкнемся. В конечном итоге, имя драматурга получит другая улица – улица Трудовой

школы (бывшая Мшанская), а мемориальная доска появится на доме №1 по современному пр. Мира (в 1948 г. – ул. Луначарского)⁷. Произойдет это все в том же 1948 году.

Еще одна идея 1948 года – «переименовать «Золотой зал» Дома искусств [Дворянского собрания – И. С.] в «Зал Островского», установив в нем бюст А.Н. Островского и разместив картины костромских художников, посвященные А.Н. Островскому»⁸, – так и осталась на бумаге.

Среди прочего предлагалось преобразовать Костромскую музыкальную школу в Костромское музыкально-театральное училище им. А.Н. Островского, установив для лучших учащихся четыре стипендии им. А.Н. Островского⁹.

И все это не считая многочисленных указаний театрам, клубам, музеям, газетам подготовить спектакли, лектории, открытки, статьи, книги, выставки, экскурсии, радиопередачи, кинофестивали, конференции и так далее.

Примечания

¹ ГАКО, ф. 1538, оп. 13, д. 364, л. 84.

² Там же, д. 401, л. 16, 16 об.

³ Там же, д. 186, л. 6 об.

⁴ Там же, д. 401, л. 16.

⁵ Там же, д. 389, л. 5 об.

⁶ Там же, д. 364, л. 84.

⁷ Там же, д. 389, л. 5 об., 6.

⁸ Там же, д. 364, л. 84.

⁹ Там же, д. 389, л. 5 об.

*Анжелика Тюгина,
сотрудник музея-заповедника
«Щельково»*

ПОМЕЩИК И КРЕСТЬЯНИН

История с продолжением

Общение с крестьянами – неотъемлемая часть усадебной жизни. Проводя в Щелькове время с мая по октябрь, А.Н. Островский исходил все окрестности, часто навещал деревни Кудряево, Высоково, Сергеево, бывал в селе Покровское. Александр Николаевич душевно и непринужденно общался с селянами, заводил среди них хороших знакомых и приятелей. Особо притягательным местом для драматурга было село Николо-Бережки. Он прикипел сердцем к этому тихому и уединенному селению не только потому, что здесь был похоронен его отец, здесь жили его знакомцы: дьячок Иван Иванович Зернов и столяр-краснодеревщик Иван Викторович Соболев. С ними всегда приятно было побеседовать, выспросить местные новости, выпить влсасть чаю.

И.В. Соболев (1849-1914), из бывших крепостных, стал искусным мастером, самостоятельно обучившись столярному ремеслу. Работу он находил, нанимаясь в артели по строительству и ремонту церковных иконостасов. Работал в окрестных церквях, у местных помещиков, уходил далеко за пределы губернии. После 1861 года Соболев поселился в Николо – Бережках, поставив избу поодаль от домов церковно-

Соболев Иван Викторович, Соболева Евпраксинья Аристарховна, Соболев Иван Иванович.

го причта. Расположенный на окраине, дом первым встречает прохожих, эффектно начиная перспективу короткой улицы с вековыми березами и белой церковью. Сам дом – заурядный крестьянский, с двускатной деревянной крышей, простенькими белыми резными наличниками небольших окон – естественно вписывается в окружающий пейзаж.

Дружба помещика и крестьянина началась с того, что Александр Николаевич, построив «гостевой дом», оборудовал в нем для себя мастерскую и стал приискивать человека, который помог бы ему овладеть тонко-

стями столярного дела. Ему указали на крестьянина Ивана Соболева, одинаково хорошо изготавливающего и иконостасы, и мебель. Островскому приглянулся смысленый и повидавший свет мастеровой. Соболев стал часто бывать у Островских, обучал драматурга, ремонтировал и даже изготавливал мебель по его заказам.

А.Н.Островскому было симпатично все семейство Соболевых: молодой, степенный хозяин, радушная и опрятная хозяйка Евпраксинья Аристарховна, их дети: Иван, Анна, Мария, Александра. Все чаще он появлялся в гостеприимных

Бережках, все чаще наведывался «на огонек» – отдохнуть, побеседовать. Островский подметил, что столяр довольно начитан, говорит чисто народным языком, много где побывал, много что повидал. С этим бывалым человеком Александр Николаевич проводил время в задушевных беседах на самые разнообразные темы. Хозяйка ставила самовар, угощала вкусным хлебом собственного изготовления, его Островский очень любил, и медом.

Бывал Островский у Соболевых и с семьей. Он поощрял дружбу своих детей с детьми Ивана Викторовича. Более всех пришлось драматургу по душе сын столяра – Ваня, мальчик сметливый, любознательный, а к тому же и большой выдумщик. Он обучал его грамоте, частенько брал с собой на рыбалку. Подражая своему отцу, дети Островского держались с крестьянскими детьми также скромно и просто.

Ивану Соболеву (1872-1949) было 14 лет, когда скончался Александр Николаевич. После смерти драматурга имение перешло к его жене Марии Васильевне с детьми, а последним владельцем усадьбы был Сергей Александрович Островский. Дом был закрыт. Хозяйство хирело. Но еще долгие годы Иван Иванович поддерживал связь с семейством Островских.

Сам Иван Иванович Соболев всю жизнь прожил в отцовском доме, освоил его профессию, хорошо рисовал. Работал учителем в селе Покровское, вел уроки труда и рисования. Он был женат три раза и имел десять детей.

Когда заговорили о создании музея в усадьбе А.Н. Островского, вспомнили об Иване Ивановиче Соболеве. Он оказался исключительно ценным человеком – помог восстановить расположение мебели в комнатах.

В последние годы, уже на пенсии, он целыми днями проводил в усадьбе драматурга, отпирал дом его немногочисленным посетителям, водил их по комнатам, рассказывал. Воспоминания его были не очень насыщенные фактами, местами сбивчивы, но искренни, человечны. Музей открывали тогда на два-три летних месяца, штатного сотрудника еще не было, и И.И. Соболев считал себя заведующим, с любовью относясь к делу. К сожалению, продолжалось это недолго, в 1949 году Иван Иванович скончался от рака горла.

На кладбище в Николо-Бережках, рядом с оградой семейного захоронения Островских, стоят два металлических креста с жестяными табличками. Надписи поясняют, что здесь похоронены друзья драматурга – Иван

Викторович и Иван Иванович Соболевы.

В 1951 году жена Ивана Ивановича, Соболева Анна Владимировна, продала дом со всеми прилегающими постройками заслуженной артистке РСФСР Роек Констанции Францевне и артистке Левицкой Наталье Сергеевне за три тысячи пятисот рублей.

Шли годы, дом Соболевых был заброшен, он ветшал и приходил в негодность: обрушились чердачные перекрытия, полы провалились, дражка пропала, окна были сломаны и разбиты, крыльцо покосилось.

В сентябре 1967 году в музей-заповедник на имя директора П.Н. Ельченинова пришло письмо от внуков Соболева, в котором они обращались с просьбой восстановить в селе Николо-Бережки заброшенный дом своего дедушки И.В. Соболева в память о его дружбе с А.Н. Островским. У дирекции уже имелись планы по восстановлению дома, и в 1966-68 годах были сделаны его обме-

Дом Соболева. Конец 1960-х годов.

И.И. Соболев. Жигули на Волге.

ры архитектором Л.С. Васильевым. Но из-за катастрофически плохого состояния избы решено было приобрести сравнительно новый типовой сруб, соблюдая равенство длин и диаметров, и поставить на месте дома Соболевых. Сруб был привезен из деревни Бобры, а все остальное – крыльцо, наличники, ступеньки в сенях – было восстановлено по чертежам.

Воссоздание дома готовилось к 150-летию юбилею А.Н.Островского. Музей «Дом Соболева» был открыт в 1973 году. При создании экспозиции было решено не идти путем мемориализации, а представить предметы крестьянского быта конца XIX – начала XX веков. Небольшая коллекция таких предметов находилась в людской и кладовой дома А.Н. Островского. Несколько глиняных кувшинов, ткацкий стан, пряничную доску передала в дар внучка драматурга Марианна Александровна Островская. Первыми и активными собирательницами предметов крестьянского быта стали смо-

трители музея Е.С. Мастерова и Н.Н.Новикова. Они находили вещи в заброшенных домах соседних деревень. Через год в музее насчитывалось уже более сотни экспонатов. Большой вклад в развитие «Дома Соболева» внесла О.М. Щукина-Ипатова. Музей-заповедник организовывал экспедиции в деревни и села Костромской и Ивановской областей, но все-таки большая часть предметов была собрана в окрестностях Щелыкова.

Сотрудники музея стали собирать вещи, принадлежавшие семье Соболевых. Родственниками были подарены шкатулка, зеркало, часы и комод из дома Соболевых. Их привезла Серафима Ивановна Беликова, внучка И.В. Соболева и дочь И.И.Соболева. Шкатулка и рама для зеркала, с ее слов, работы И.В.Соболева, то есть семейные реликвии. Часы, по ее предположению, были подарены их семье Островскими.

Жители окрестных деревень стали приносить вещи семьи Соболевых. Анастасия Федоровна Тихомирова подарила в му-

зей две картины И.И.Соболева «Сельский Пейзаж» и «Жигули на Волге», которые находились в доме ее тети Елены Михайловны Луковкиной из деревни Василево. Сергей Павлович Голубцов, житель деревни Лодыгино, подарил картину И.И. Соболева «Река Куекша». Николай Иванович Смирнов из деревни Кудряево – картину И.И.Соболева «Кавказ». Она досталась ему от бабушки Федоры Смирновой, которая жила в деревне Пахомцево, картина была подарена ей самим И.И. Соболевым. На чердаке дома своего отца Дмитрия Антоновича из деревни Выпозово житель села Адищево Беликов Юрий Валентинович нашел картину И.И. Соболева «Рыбная ловля», которая была у него приобретена музеем.

Во время открытия «Дома Соболева» после реставрации в 2012 году Телкова Ольга Дмитриевна, жительница города Заволжска, подарила музею вещи, принадлежавшие семье Соболевых: шкафчик, кресло и медный поднос, которые ей в свою очередь подарила внучка И.И.Соболева Виноградова Людмила Борисовна. По ее словам, кресло и шкафчик – работы И.В. Соболева.

В настоящее время в «Доме Соболева» размещена этнографическая экспозиция «Быт и традиции наших предков», на которой представлены быт и традиции, ремесла и промыслы крестьян XIX – начала XX веков. Всего в «Доме Соболева» хранится более шестисот предметов, но особо значимыми являются вещи, принадлежавшие большой, дружной и талантливой семье Соболевых.

Елена Сухарева,
заведующая отделом
музея-заповедника «Щельково»

КНИГОИЗДАТЕЛЬ ИОСИФ КНЕБЕЛЬ

Проработав свыше 25 лет с десятком всевозможных издателей, должен признаться, что среди них И.Н. Кнебель был сверкающим исключением: не преследуя только коммерческие интересы и часто прямо вопреки им, он с увлечением отдавался идее, его захватившей, особенно в области популяризации искусства в широких кругах.

Игорь Грабарь

В коллекции «Изобразительное искусство» музея-заповедника «Щельково» хранятся 22 гравюры из серии «Портреты русских писателей и композиторов в гелиогравюрах по оригиналам известных художников», выпущенных в издательстве И.Н. Кнебеля в начале XX века. Серия из 75 гравюр вышла под редакцией В.В. Каллаша. Входившие в серию портреты издавались в разные годы и продавались, как по отдельности, так и подборками. Полный комплект их практически не встречается. В картотеке Российской национальной библиотеки издание указано как разыскиваемое, что свидетельствует о его редкости. Портреты сопровождаются биографическими статьями, написанными из-

вестными литературоведами, театральными критиками и историками театра: П.С. Коганом, П.Н. Сакулиным, В.В. Каллашом, Ф.Ф. Нелидовым, Ю.И. Айхенвальдом, А.Л. Липовским, Н.Е. Эфросом и другими. Листы с текстом были отпечатаны в типографии Товарищества И.Н. Кушнерова и К^о. Настоящее издание стало одним из шедевров полиграфического искусства И. Кнебеля.

Иосиф Николаевич Кнебель – московский издатель, книгопродавец, основатель, по сути, первого в России специализированного издательства по изобразительному искусству. Выпущенные им издания (около 700) отличались хорошей подготовкой, оформлением и уровнем воспроиз-

ведения. Многие из них были отмечены высшими наградами Всероссийских и Международных выставок.

Родился И. Кнебель в 1854 году в купеческой семье. Детство будущего издателя прошло в небольшом галицийском городке Бучаче. В 13 лет Кнебель уехал в Вену, где окончил гимназию филологического факультета Венского университета, а затем – Академию коммерческих наук. В 1880 году, после плодотворной практики в лучших европейских книжных магазинах, он переехал в Москву. Служил сначала приказчиком, затем заведующим московским отделением рижской издательской фирмы «И. Дейбнер».

Москва покорила 26-летнего Кнебеля. «Удивитель-

ная, трудноописуемая картина предстает перед глазами приезжего, взирающего на распростертый у его ног великолепный царский град с рядами зеленых и красных крыш, бесчисленными церквями и дворцами. <...> Отражающийся от них луч солнца создает не виданное ранее поблескивающее многоцветье, сказочное великолепие которого нельзя увидеть ни в одном городе Европы»¹.

Так описывает Кнебель впечатления о Москве в «Путеводителе по Москве» (на немецком языке), который в 1882 году он выпустил вместе со своим новым московским другом, обрусевшим немцем Павлом Францевичем Гроссманом. В том же году они основали в Москве книготорговую фирму «Гроссман и Кнебель». Вскоре новая фирма зарекомендовала себя как одно из наиболее солидных предприятий страны по продаже отечественных и зарубежных художественных изданий и журналов по искусству.

В 1885 году была открыта платная библиотека для чтения. После смерти Гроссмана в 1890 году И.Н. Кнебель стал единоличным владельцем фирмы. В 1894-1895 годах он начал издательскую деятельность.

Вершиной издательской деятельности Иосифа Кнебеля стала многотомная «История русского искусства» (1910-1916 гг.), по общему признанию, один из самых серьезных искусствоведческих трудов дореволюционной России. К подготовке этого издания

А.В. Кольцов. 1838 год.
Издание И. Кнебеля.

были привлечены видные искусствоведы, архитекторы и художники: А.М. Васнецов, Н.Н. Врангель, И.Я. Билибин и др. Игорь Грабарь, редактор и основной автор «Истории», вспоминал в своей «Автобиографии», как долго и настойчиво убеждал его Кнебель взяться за этот грандиозный труд: «...идея издания “Истории” настолько захватила его, что понемногу и я освоился с нею и, в конце концов, перестал возражать»².

Отодвинув на второй план свои многолетние и достаточно успешные занятия живописью, Грабарь в течение шести лет – с 1910 по 1916 год – подготовил к печати пять больших томов и поныне весьма ценимых любителями искусства. В подготовку «Истории» Кнебель вложил весь свой богатый издательский опыт и вкус.

И. Кнебель в полиграфическом деле ориентировался на новейшие технологии в области издания репродукций и иллюстраций, позволявшие наилучшим образом передать

оригинальный рисунок художника, его манеру, характер мазка и другие тонкости. Одной из таких технологий была гелиография, основанная на фотографически точном перенесении изображения на медную гравировальную пластину, и далее – на бумагу.

Большим событием в художественной жизни России начала XX века стали также и кнебелевские детские книжки, проникнутые заботой о приобщении детей к миру большого искусства. Их иллюстраторами были, как правило, крупные мастера графики, такие, как Г.И. Нарбут, Д.И. Митрохин, В.Д. Замирайло, Е.Д. Поленова и ряд других, близких к кругу «Мира искусства» или к «Союзу русских художников». Школьные наглядные пособия, изданные И. Кнебелем, вновь показали неизменность его эстетической программы: он как бы продолжал шефство над детьми, только что расставшимися с его книжками-картинками и взявшими в руки учебники. Бесспорно, самым замечательным и известным кнебелевским школьным пособием явились «Картины по русской истории» (1908-1913), включавшие свыше 50 исторических композиций, созданных выдающимися художниками того времени: А.М. и В.М. Васнецовыми, С.В. Ивановым, Д.Н. Кардовским, Б.М. Кустодиевым, Е.Е. Лансере и др. Мало кому известно, что среди заказанных И. Кнебелем исторических картин были и такие шедевры, как «Петр Великий» В.А. Серова, «Вахтпа-

рад при Павле I» А.Н. Бенуа и «Город в николаевское время» М.В. Добужинского. Не случайно эти картины были приобретены Третьяковской галереей и Русским музеем.

С 1911 года Кнебель издает уникальную для того времени серию – «Русские художники. Собрание иллюстрированных монографий», о крупнейших мастерах современного русского искусства. В серию вошли книги: С.П. Яремич «Михаил Александрович Врубель. Жизнь и творчество» 1911, А.П. Ростиславов «Андрей Петрович Рябушкин. Жизнь и творчество» 1913, С.С. Глаголь, И.Э. Грабарь «Михаил Васильевич Нестеров. Жизнь и творчество» 1914, С.С. Глаголь и И.Э. Грабарь «Исаак Ильич Левитан. Жизнь и творчество» 1913, И.Э. Грабарь «Валентин Александрович Серов. Жизнь и творчество». Страницы двух последних книг мы можем перелистать, посетив коллекцию «Редкая книга» музея-заповедника «Щельково». Прижизненные издания, богато

иллюстрированные цветными и черно-белыми репродукциями знаменитых и малоизвестных картин художников, эскизов и зарисовок к ним. Перед первой мировой войной известность Кнебеля как одного из крупнейших и серьезнейших издателей, а также как владельца культурного, европейского уровня книжного магазина стала поистине все-российской.

Однако многому из задуманного издателем не суждено было осуществиться. 28 мая 1915 года, в разгар войны, московские «патриоты» устроили грандиозный антинемецкий погром. Среди других фирм с нерусскими названиями были варварски разгромлены принадлежавшие фирме «Гроссман и Кнебель» книжный магазин и «Школьный музей» со складами наглядных пособий и клише. В результате было уничтожено много рукописей, подготовленных к печати (в том числе и материалы к нескольким очередным томам «Истории

русского искусства»), более 10 тыс. фотонегативов и клише с ценнейших фотографий, сотни оригиналов иллюстраций к детским книгам, готовые тиражи репродукций и огромное количество уже отпечатанных книг, альбомов и наглядных пособий. Очевидцам навсегда врезалась в память узкая улочка Петровских линий, заваленная на метр высотой всем тем, что в течение многих лет составляло смысл жизни Иосифа Николаевича Кнебеля.

В конце жизни Кнебелю все же удалось вернуться к любимому делу. Весной 1925 года по его инициативе было организовано издательство при Третьяковской галерее, которое он и возглавил.

И все же главным остается другое: издания Кнебеля вновь возвращаются к читателям, обретая вторую жизнь благодаря их факсимильному воспроизведению. Детские книжки, открытки, репродукции с «Картин по русской истории». И что интересно – своим нынешним качеством печати эти издания еще раз доказывают, что установленный Кнебелем высочайший уровень книгопечатного искусства до сих пор остается в России непревзойденным. А репродукции, отпечатанные в один цвет в начале прошлого века, по сей день охотно используются музейными работниками при организации выставок и экспозиций.

Примечания

¹ Grossman P., Knobel I. Fuhrer Durch Moskau. М., 1882.

² Грабарь И.Э. Моя жизнь: Автобиография.–М.-Л., 1937. С. 218.

И.И. Левитан. Сентябрьский день. 1898 год. Издание И. Кнебеля.

Светлана Каткова,
искусствовед

Б.М. КУСТОДИЕВ: «В ПРОВИНЦИИ. ГУЛЯНИЕ»

Это одна из лучших картин в собрании костромского музея-заповедника¹. Вдова художника подарила ее музею в 1929 году, через два года после его смерти.² Не случайно. Слишком многое связывало мастера с Волгой, с Костромой.

Его темы локализовались между Нижним Новгородом и Ярославлем. Начиная с 1905 года, почти 10 лет Б.М. Кустодиев с семьей летом жили в своем «Тереме».³ С приходом весны из Петербурга «поездом ехали до Рыбинска. Потом пароходом компании «Самолет» до Кинешмы и, наконец, лошадьми 56 верст (до Семеновского) по старинной дороге, обсаженной высокими береза-

ми». Путешествие на пароходе давало возможность наблюдать за волжанами, за пассажирами разных сословий и их взаимоотношениями.

Тема гуляний, деревенских праздников, ярмарочных и масленичных забав одна из центральных в творчестве Б.Кустодиева. Все картины повествовательные, сюжет при всем многолюдье воспринимается сразу, то есть вы становитесь соучастником праздника и, неспеша, идете от группы к группе. И многое открывается вашему взгляду. В полной мере можете оценить не только исключительную наблюдательность художника, но и его снисходительный юмор,

иронию по отношению к некоторым героям живописного повествования.

В 1909-1910 годах Кустодиев написал несколько картин на темы гуляния на волжской набережной. «Гуляние на Волге» 1909 года открывает этот цикл.⁴ Действие происходит на набережной Волги. Она тут предстает во всей красе: широкая, спокойная, отражающая, как в зеркале, окружающий мир. По ее ровной глади скользит белый двухпалубный пароход, протянулся огромный плот, на котором плотогонцы на костре готовят обед. К заволжскому берегу пристал паром перевоза. Волга трудится, у нее нет праздников и выходных. Над ней, на высоком берегу, как драгоценный камень в оправе зеленых лугов, поднимает ввысь главки-маковки красавица церковь.

Деревья на склоне берега отделяют картину жизни городского бульвара от волжской пристани. С пристани пароходства «Самолет» на бульвар ведет крутая лестница (как в Кинешме). По ней поднимаются пассажиры, только что прибывшие на пароходе. Деревенский мужичок с трудом вынес наверх мешки, расписной сундучок, устало сбросил их на землю и вновь пытается с помощью крюка, как профессиональный грузчик, справиться с громоздкой поклажей. Он так занят, что не замечает гуляющих.

Сад на берегу Волги. 1918 год. Эскиз декорации к спектаклю «Гроза».

Бульвар как большая сцена. Всех персонажей объединяет не только единое время, место действия, но и желание «на людей посмотреть и себя показать». Гуляние начинается со зрителей. В уголке у деревянной ограды набережной тесной группой, как на выставке, стоят молодые женщины. Все в белых праздничных платочках, по-деревенски повязанных под подбородком. Платья на них уже по городской моде: пышные юбки до земли, а к ним кофта-казачок. Одна из них привычно по-бабьи скрестила руки на груди, другая в смущении теревит узелок платка. Подруга встала чуть позади них и с интересом смотрит на музыкантов в беседке, на мальчика с дедом, сидящих на скамейке у самого ограждения бульвара.

Рядом с этими «платочницами», как на насесте, устроился на широкой планке парапета парень в красной рубахе, с черным жилетом и в высоких, до блеска начищенных сапогах. Он фасонит перед спутницами, изображая свободную небрежность завсегдатая бульвара. Однако, позиция в стороне от прогуливающихся горожан, напряженность позы и взгляда выдают в нем наблюдателя, не смеющего так же вольно чувствовать себя как на деревенской улице. Кажется, это его мы видели на «Празднике в деревне» (1907), «Деревенском празднике» (1910), лихо пляшущим под гармошку.

Сразу понимаешь, что это вчерашние крестьяне, перебравшиеся в город, еще скованные привычками деревенской среды. Они явно из прислуги,

Б.М. Кустодиев. Гуляние на Волге. 1909 год.

получили у хозяев отдых и со своим односельчанином, вероятно, работающим в какой-то лавчонке, впервые вышли на бульвар. Парень уже приобрел наглость, но еще не переступает границ в общении с «чистой публикой». Потому все они жмутся в уголок, чтобы «быть в стороне и в людях». И в этой наблюдательности, умении одним штрихом выдать характер и среду, воспитавшую человека, Кустодиев достойный партнер А.Н.Островского.

Молодежь ищет знакомства. И в этом художник улавливает главную черту молодости: активность, нацеленность на поиск, любовь к игре.

Нарядные барышни в светлых платьях, с солнечным зонтиком и в соломенных шляпках, украшенных цветами, оживленно разговаривая между собой, идут по бульвару так быстро, что яркий шарф, наки-

нутый на шею одной из красавиц, развевается за ее спиной. Два молодца в форменках пристроились к девицам и уже заговорили.

Навстречу группе молодежи движется супружеская пара. Солидный, грузный мужчина с форменной фуражкой на голове и тростью в руке. Рядом с ним такая же дородная дама в золотистом платье с кружевной накидкой, отороченной черной лентой. Ее наряд довершает черная шляпка с розами. У мужа под пиджаком белый жилет с рядом золотых пуговиц и цепочкой часов, черный галстук бантиком довершает его костюм. Они оба так раздумялись от жары, что становится понятным жаждающий взгляд супруга на прилавок киоска с вывеской «Воды».

А дальше толпа уплотняется и видны только шляпки, форменные фуражки. Среди

столпившихся около беседки замечаем два белых платочка. Эти девушки уже осмелели и подошли совсем близко к оркестру. Музыканты в белой форме, очевидно, это оркестр какого-то военного ведомства.

Художник наблюдает картину гуляния с высоты. Так в Костроме можно смотреть на бульвар с крутого откоса крепостного вала и наблюдать участок нижней набережной. Б.Кустодиев пишет в письме Ф.Ф.Нотгафту в 1915 году: «Доехал до Нижнего...пробыл один день и почти полдня просидел на берегу на бульваре – оттуда открывается дивный вид на другой луговой берег – верст на 40, бледно-зеленая равнина, луга и кое-где села с белыми церквами и золочеными куполами. И все такое безмятежное и тихое...и тихая река влекла на себе плоты, баржи. Хотелось сидеть долго, долго».⁵ То есть созерцание, наслаждение природой это тот эликсир, который питает все его творчество. Любая из картин Кустодиева помещает человека в природную среду и только во взаимоотношении с ней раскрывается его характер, поступки.

Исследователь творчества Б.Кустодиева М.Эткинд утверждает, что в первоначальном варианте по бульвару стремительно шли только две молоденьких барышни.⁶ Все разнообразие типов гуляющих художник дописал позднее, сохранив свежесть экспромтом писанного с натуры этюда.

Композиция картины открытая, позволяет продолжить знакомство с жизнью набережной и дальше, в оба конца.

Этот прием фрагментарности, крупного плана характерен для творческого метода Б.Кустодиева.

Картина «Гуляние на Волге» по стилю и индивидуальной манере письма узнается сразу. Это Кустодиев с его любовью к плотной, жирной, цветастой живописной фактуре, с присущим ему широким, тянутым мазком, точно, с одного удара кисти определяющим форму предмета, фигуры.

Эту репинскую технику письма натурального этюда, своего рода наброска кистью, он освоил еще в годы учебы и, особенно, в совместной с учителем работе над огромным полотном «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года».⁷

Художник фантастически мастерски передает движение каждого персонажа. Динамика, пластика жеста раскрывает характер человека так, что даже не надо вглядываться в лица. В многолюдных картинах Кустодиев и не пытается детализировать лица. Только близкое знакомство и понимание типа поведения людей разного социального положения позволило художнику в лаконичной, эскизной манере письма давать такие меткие характеристики каждому персонажу картины. Любуясь своими героями, он не избегает иронии и даже легкого гротеска.

Докучаева В.Н., исследователь творчества Б.М.Кустодиева, совершила путешествие по городам Верхней Волги, пытаясь на месте разобратся в достоверности пей-

зажа, окружающего героев его картин.⁸ С помощью местных краеведов и старых снимков, открыток ей удалось найти точки, с которых были написаны некоторые из кинешемских сюжетов.

И нет ничего удивительного в том, что краеведы, местные исследователи творчества Б.Кустодиева, стремятся опознать, какой же конкретно город изобразил художник в «Гулянии на Волге». Церковь на заволжском берегу стала главной приметой. Находят в ней сходство с храмом Романова-Борисоглебска. Не исключено, что это так, но в целом художник собрал в картину приметы разных городов. Особенно близок кинешемский пейзаж с беседкой, высокой лестницей от пристани к бульвару, с березами на склоне берега. Такая же беседка была на бульваре в Костроме, Ярославле.

Такое внимание к картине из Русского музея мы проявляем потому, что она оказалась исходной к нашему полотну. Уже в тот же 1909 год Кустодиев по-новому осмысливает картину гуляния, связывая ее со сценой из первого действия пьесы А.Н.Островского «Гроза».⁹

Именье А.Н. Островского Щельково находилось на пути из Кинешмы в Семеновское. Художник не раз бывал в этом летнем кабинете драматурга. Хотя им не пришлось повстречаться, но художник разделял с ним восторг перед природой «русской Швейцарии». В этих краях он построил себе свой дом-мастерскую «Терем». Даже в названии угады-

вается связь с поэмой-сказкой А.Н.Островского «Снегурочка», в стране берендеев, в тереме жил царь Берендей.

Молодой художник попал под обаяние этих мест и попробовал написать героев Островского в привычной для них обстановке.

Кажется, именно через драматургию Островского в его творчество вошло волжское купечество. Это оборотистые, крепкие, хваткие мужики, бывшие крестьяне, своей смекалкой, нахрапистостью нажившие капиталы. Они не чурались встать за прилавок, получали удовольствия жизни во всей полноте: от обладания красавицей женой, горой денег до власти над близкими. Во что обходилась эта власть, известно по героям пьесы «Гроза».

Кустодиев часто возвращался к любимейшим сюжетам, но никогда не повторял их в точности. Он словно прослеживал судьбу своих героев, ставил их в те же обстоятельства, но через некоторое время.

В костромской картине все приобрело характер хорошо режиссированного действия. Между деревьями-кулисами беседка с оркестрантами, прогуливающаяся публика и отдыхающие на скамейках. Скамейки остались на тех же местах, только на них разместились другие персонажи.

Над беседкой вывешены государственные флаги, значит день праздничный и потому гулянье особенное. Играет духовой оркестр. Публика нарядная. Никаких приказчиков и кухарок. Справа у березы стоят

трое франтоватых молодых людей в нарядных костюмах с тросточками. Они, картинно подбоченясь, с улыбкой смотрят на приближающихся девушек. Барышни все в светлых платьях с оборками, рюшами, пояса с бантами, шляпки украшены лентами, цветами. Их лица кукольно красивы. Красавицы уже включились в игру. Они оживленно переговариваются, делают вид, что не видят прихорашивающихся молодых повес.

Между этими двумя молодежными группами расположилась на скамейке еще одна троица. В центре громоздкая, неподвижная, застывшая, как восточный божок, купчиха в сиреновом платье с роскошной шалью на плечах. Сцепленные в замок руки с большим белым платком лежат на коленях. Они как символ замкнутости, закрытости этого персонажа. Дочка повторяет позу маменьки.

Она уже не в шелковицах, как мать, на ней как у всех светлое платье с рюшами, оборками, даже с такой же шнуровкой как у девушки с зонтиком. Эта красная шнуровка не только выдает любовь купеческой дочке к яркому цвету, но она своей простотой слишком диссонирует с нитками крупного жемчуга на ее шее и с дорогими браслетами на руках.

Дева сидит напряженно, прямо и только взгляд выдает ее интерес к стайке девушек. Она невеста на выданье и выход на набережную это своего рода смотрины. Надо красу и богатство показать и чтобы из-под присмотра родительского не вышла.

Картуз у купца надвинут на лоб так, что и глаз не видать, а в повороте головы и неподвижности тела чувствуется суровая сила домашнего деспота. Эти три персоны главные герои картины. Невольно вспоминается иконография Троицы ветхозаветной. Их неподвижности соответствует покой в природе. Не шелохнутся ветви берез, поникли без ветра флаги, но белые барашки облаков уже затягивают небо, собираясь в тучи, хотя солнце еще высветляет грани стен пятиглавого храма, шатровой колокольни на заволжском берегу, серебрит гладь воды.

В этом фрагменте жизни городского бульвара, как в спектакле, каждый играет свою роль. Художник с улыбкой наблюдает, как все переигрывают. Провинция. Здесь все чересчур. Если уж модно, то как у всех, если уж кокетство, так во всю, если уж волочиться, то с шиком. Артистично подкручивает усы один из кавалеров, готовясь завести знакомство с хорошенькими барышнями.

Этого представителя местной богемы невольно сопоставляешь с героем картины П. Федотова «Сватовство майора».¹⁰ Художник с известной долей иронии цитирует этот жест, словно, устанавливая параллель их судьбы. Постаревшие красавцы, проволочившись в молодости, к старости готовы взять в жены богатенькую невесту из засидевшихся купеческих дочек. Сейчас повес не интересуется красавица, что сидит «аршин проглотив» под присмотром родителей. Похо-

же, именно к ней потом придет со свахой кто-то из них.

В нашем «Гулянии» красавцы являют новый тип женихов. По их костюму трудно сказать, к какому сословию они принадлежат. Истинное состояние их скрыто, они игроки на сцене жизни. Сегодня на гулянии готовы волочиться за курсистками, ночь провести за картами, потом поспешить на службу и, как охотники, везде высматривать добычу, чтобы повыгоднее устроить свою судьбу. Художник выступает не как иллюстратор драмы А.Н.Островского, он, сохранив основную фабулу гуляния в Общественном саду, переносит события в новое время, которое обостряет конфликт со старым. Конечно, эта картина воспринимается как прямая иллюстрация к первому акту «Грозы» А.Н.Островского. Центральную троицу художник изначально определял как персонажей пьесы. Это подтверждают и рисунки к драме «Гроза», подготовленные мастером в 1920 году, но оказавшиеся не изданными.¹¹

Элемент зрелища присутствовал во всех предшествовавших этому полотну картинах, и только здесь теа-

Иллюстрации к драме «Гроза». 1920 год. Дикой.

тральность, сценическое решение проявляется впервые с такой ясностью.

Театр жизни, наблюдательным зрителем которого был художник, привел его в жизнь театра. Первую попытку работы в театре он предпринял еще в 1907 году, когда поступил в Мариинский театр помощником к А.Я.Головину. Роль помощника его не устроила и, не получив возможности самостоятельной творческой работы, он через три месяца ушел из театра.

В том же году он познакомился с В.Э.Мейерхольдом. В 1909 году он лепил его портрет. (Бюст не сохранился). И связь с этим режиссером и реформатором театра не прерывалась.

Картина знаменовала новый этап творчества художника. В 1910 году Кустодиев вошел в «Мир искусства».¹² Virtuоз масляной живописи, завораживавший артистизмом, энергией, точностью каждого мазка кисти, он впервые пишет масштабное полотно в технике темперы.

Возможно, интерес к театру, декорации, как форме монументальной живописи, заставил Кустодиева пойти вслед за далеко продвинувшимися в искусстве оформления сцены мастерами «Мира искусства». Поэтому в нашей картине он так кардинально меняет манеру письма, колорит и фактуру красочной поверхности, отходит от традиций репинской школы живописи с ее любовью к корпусной, пастозной лепке формы.

Не исключено, что переход к темпере мог быть вынужденным. Боль в руке, быстрая

усталость уже не давали возможности с прежней легкостью и маэстрией класть пастозные, формообразующие мазки кисти. В темперной живописи фактура сневелирована, форма лепится системным наложением коротких мазков, следующих за рисунком.

С техникой темперы он познакомился еще в годы учебы в Астраханской духовной семинарии. Он получал отличные оценки по классу иконописи. В иконе заключительный этап предполагает покрытие темперной живописи олифой, которая выявляет, усиливает звучание цвета. В своей живописи Кустодиев не допускает покрытия лаком, ему нравится эффект мягкой бархатистости, матовой поверхности красочного слоя. Аналогичное впечатление производит письмо гуашью. Известная картина «Ярмарка» 1908 года написана Кустодиевым гуашью на бумаге. В 1910 году в темпере он написал ее вариант.¹³ Во время лечения в Швейцарии в 1911 году, Кустодиев темперой написал портрет дочери Ирины. То есть темпера, как материал живописи, с этого года активно используется мастером.

Иллюстрации к драме «Гроза». 1920 год. Кабаниха.

Вообще, Кустодиев всегда был в поиске, новых возможностей материалов живописи. Экспериментировал с разными создателями масляных красок, осваивал искусство скульптуры, резал по линолеуму.

Только погрузившись в атмосферу жизни начала XX века, понимаешь, как избирателен художник в выборе картин жизни волжского города и как точен и обстоятелен в передаче действия, примет и антуража героев.

История создания картины «В провинции. Гуляние» раскрывает творческий метод художника, обстоятельного рассказчика, наблюдательно-историка русского быта, знающего натуру и мастерски преобразующего ее в художественный символ.

Вплотную театральная деятельность Б.Кустодиева началась с 1911 года. Его первые театральные эскизы похожи на картины: он не ограничивался лишь проектом оформления сцены, а заполнял ее героями пьесы. При этом, как в картинах, тщательно составлял цветовой ансамбль костюмов персонажей, чтобы они дополняли образную канву спектакля. Он говорил, что «художник должен принимать участие в построении мизансцен. Закономерность присутствия красочного пятна актерского костюма на фоне декораций может определить только сам художник». Кустодиев даже в самые тяжелые годы, оказавшись прикованным к коляске, с помощью друзей приезжал на репетиции и смотрел, как режиссер строит мизансцены, и только потом

окончательно решал цвет костюмов. Заказ на оформление спектакля «Гроза» Б.Кустодиев получил лишь в конце 1918 года от Псковского городского театра. Эскиз к псковской постановке «Грозы» для нас очень важен.¹⁴ Дикой, Кабаниха и ее дочка перекочевали в псковский эскиз из нашей картины «В провинции. Гуляние». Они узнаваемы. Только Варвара, как и маменька, в пышном штофном сарафане с шугаем, а голову ее венчает островерхий девичий кокошник.

Пьеса написана по костромским событиям. Создавая эскизы костюмов для этого спектакля, Кустодиев пользовался подлинными материалами еще бытовавшего в Галиче костюма со штофными сарафанами, душегреями и кокошниками. Материалы об особенностях этих нарядов мог ему подсказать его друг, известный костромской краевед И.А.Рязановский. В псковском эскизе около девичьих приказчиц в поддевах. Не исключено, что таков был заказ режиссера.

В одном из последних писем своему первому учителю живописи П. А. Власову в Астрахань он писал: «...нашел у Вас все то, что сделало меня художником: любовь к нашему искусству и фанатическое отношение к труду – без того и другого я не мыслю себе никогда принадлежности к этой почетной корпорации людей искусства».

Не знаю, удалось ли мне сделать и выразить в моих вещах то, что я хотел – любовь к жизни, радость и бодрость, любовь к своему «русскому» –

это было всегда единственным «сюжетом» моих картин».¹⁵

Примечания

¹ Гуляние. Х. темпера. Справа внизу: Б.Кустодиев 1910. Выставка: СРХ, Пг., 1910; Международная, Брюссель. 1910; Международная, Рим, 1911. КИАХМЗ инв. № 131.

² Кустодиев Б.М. 1878-1927 гг.

³ В 1925 году художник подарил «Терем» Семеновскому волисполкому для устройства в нём школы. Дом разобрали и перевезли в д. Починок-Пожарище. Дом сгорел.

⁴ Гуляние на Волге. Х.м. 1909. ГРМ.

⁵ Б.Кустодиев. Письма, статьи, интервью. – Л. 1967. С.149.

⁶ Эткинд М.Г. Борис Кустодиев. – М.1982. Кат.№ 262. В отделе рукописей ГРМ есть фото первоначального вида картины. ОР ГРМ ф.26, е/х 49 №10.

⁷ Репин И.Е. «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года». 1903. ГРМ. В 1901 году Б.Кустодиев и И.Куликов получили от учителя приглашение участвовать в работе над этим заказом.

⁸ Докучаева В.Н. Борис Кустодиев. Жизнь в творчестве. – М. 1991.

⁹ Вариант. 1909 г. Частное собрание. СПб.// Воспр. Б.Кустодиев. Письма, статьи, интервью. Илл. б/н.

¹⁰ Федотов П.А. «Сватовство майора». 1848. Х.м. ГТГ.

¹¹ Иллюстрации к драме Островского А.Н «Гроза». 1920. Б. тушь, перо. Гос. Литературный музей. Москва.

¹² Объединение художников «Мир искусства» основано в Петербурге С. Дягилевым в конце 1890-х годов. Издавало одноименный журнал (1898-1904), провело два цикла выставок: 1898-1906; 1910-1924. Настоящая страсть к театру всех участников объединения оказала значительное влияние на искусство театральной декорации в России.

¹³ Кустодиев Б. На ярмарке. Саратовский художественный музей.

¹⁴ Эскиз оформления 1 акта спектакля «Гроза» для Псковского театра. 1919.

¹⁵ Б.Кустодиев. Письма, статьи, интервью. С.181.

Ольга Ипатова,

сотрудник музея-заповедника
«Щельково»

ЛЁН КАК ОБЕРЕГ СИЛЁН

Женщины нашего края особенно прославили себя как льноткачихи. И поныне в раннюю весеннюю пору «о великом посте» собирается ткацкий стан, а по-местному – кросна. С раннего детства приучали матери дочерей лелеять свое северное детище – лен, наставляя при этом: «Если хочешь быть счастливой, должна увидеть цветущее поле льна». А он зацветает с восходом солнца и две недели цветёт, четыре недели спеет, на седьмую семя летит. Вот и приходилось подыматься ранним-ранехонько. А не в умении ли свободно трудиться и находили свое счастье женщины? Наша девка не по лесу ходила, не шишки собирала, а всё пряла да ткала, себе приданое собирала. Муж берет жену не воз возить, а избу красить. Труд – вначале мера духовная, а потом уж денежная.

Лен цветет дважды: раз в поле, цветом поднебесья, второй – в изделиях всеми цветами радуги. При первом дожде девоньки бойко выкрикивали: «На бабину рожь, на тятин ячмень, на девкин лён поливай ведром». Окрашивали льняные нити натуральными красителями: всевозможными травами, мареновым корнем и

А.И. Мирнова и О.М. Ипатова
в д. Клеванцово.

зверобойным, шелухой, корой растений. Такие краски не выгорают на солнце, не обстирываются, долговечны.

В этнографическом музее «Дом Соболева» музея-заповедника «Щельково» много льняных тканей и одежды представлено на поглядку. Собраны образцы одежды и тканей сотрудниками в Островском, Кологривском, Вохомском и Макарьевском районах. Первые экспонаты поступили от жителей Островского района из деревень Жидова, Рубцова, Осиновки, Березовки, Монастырского, Болотникова, Горки, Данильцево и других. А первыми заядлыми собирательницами

были Мастерова Екатерина Семеновна и Новикова Надежда Николаевна. И, почитай, каждая семья округа внесла таким образом свою лепту в создание музея. В основном это были холсты домашнего изготовления и половички с различными рисунками: на клеточку, в поперечную полосу, в ягодку, в радугу. В середине 70-х годов для Дома А.Н. Островского и «Дома Соболева» мастерицами П.Н. Клыгиной и А.И. Незлобиной было соткано около 100 метров половиков за семь недель Великого поста. Они служат и по сей день.

Холсты тоже отличаются не только внешне, но и в их предназначении. Грубая суровая мешковина с черными продольными полосами – хозяйская метка, чтобы не спутать на мельнице. Или вот белёсая мужская портошная домотканина на кажинный день – рабочая. Тут же рядом в тонкую продольную сине-фиолетовую полосу выходная портошная новина. Только щёголь мог в таких форсить.

*«Меня сватали, не выдали
За Сидора в Дорки.
Он красивый да богатый,
Полосатые портки...»*

И вот впритык к степенно-строгому фиолетово-синему цвету портошнины яркой радугой вспыхивает матрацный холст в сравнительно широкую полосу для девичьего приданого. Потом, для вечной сохранности, набросят на эту красоту пёструю яркую дерюжку, на которой ещё мне приходилось спать вместе с бабушкой в деревне Болотниково в 60-е годы XX столетия. А вот иная дерюга – торпище или полог, (по всему видно – соткана подмастерьей-девушкой, поди, чай, лет десяти так одиннадцати) из грубой пряжи. Это так называемая ряднина. Она шла под ноги или на подстил под зерно, а то и для покрытия его. Примерно так могла обказать свою работу молодёйка:

*«Пряла, пряла, тонила –
На дары готовила.
Маме не поведала,
На мешки порезала».*

«Это ещё хорошо, что на мешки», – видать, многоопытной матушке виднее – так решили и мы, услышав это от жительницы д. Шегары, 90-летней Ольги Ивановны Ершовой, которая впоследствии стала непревзойдённой ткачихой и обучила этому и А.П. Белову из д. Болотниково, и Матрёну Цветкову из д. Горки, и ещё многих.

На кромке русской печи стоит опаренка-дежа, в ней сосновая мутовка, а сверху – наквашенник. Кусок льняного полотна, прикрывающий опару. В столешнице – полотенце-ширинка, отрезок ткани во всю ширину, обработана кругом браной тесьмой. Это чай-

ную посуду перетирать, особо после сватов, они глазастые, всё подмечают. Ширинку-то невеста должна сама выткать и украсить. Та, коей голову прикрывают, называется фата, она бывает и жемчугом низана. Некоторые молодайки шатром вешают ширинки на образа, а некоторые, как в сказке, волшебную ширинкой машут и производят чудеса наяву во время танца. О грубом и неразумном мужчине можно сказать, что он после ширинки, да онучей утерся.

А вот лента-мотогуз. Её ткали вручную на бердечке, как и пояся. Она крепит кудель к лопасти прялки. У моей бабушки Лёксандры Ивановны Тороповой были и косоплётки самотканые, и с завидным рисунком длинный и широкий пеленальник – для пеленания младенцев, чтоб косточки были крепкими, им пеленали отца и дядюшек, братьев-сестёр и меня ещё, потом его передали родне, и он затерялся.

А вот пояс считался предметом сакральным. Ношение его практическое и как талисмана велико. Он обязательная принадлежность костюма. У всех восточнославянских народов без него, как и без креста ходить грех, тем более молиться и спать. Трудно сказать, в каком костюме, мужском или женском, поясу уделяется больше внимания. Распоясался – значит обесчестился. По народному поверью пояс увеличивал мужскую силу, а красный, подаренный мужу женой, охранял от лихого глаза, наговоров и чужих жён. На том, что доставил в наш музей В.К.Замышляев, бывший хранитель музея-заповедника от жительницы И.В. Смирновой из п. Чирково Заволжского района и с большим трудом расшифровал буквенную вязь: «Сахару * белому * винограду * зрелому * другу * милому * свету* пересвету * тайному * совету * имя * ему * негу * о * сраме * нашем * ждет * душа * и * сердце * наше * еще * кого * люблю *

Колхозницы д. Болотниково Островского района. 1960-е годы.

того * дарю* кто * мил * сердцу * моему * люблю * вечно».

Тимофей Аристархович Хазов, житель д. Болотниково, до самой смерти носил на поясе ключи от сундуков. Он катал валенки для всей округи, и у него водились сахар и белая мука мешками. Внешне он был строг, но с детьми добр и ласков. А некоторые деревенские старики еще носили мелкие инструменты, ножи, ух- и зубочистки, клыки и когти диких зверей как амулеты на поясе. Ещё на моей памяти Марья-горбуша из д. Горки в 70-е годы крепила к поясу «громовые стрелы», т.е. белемниты или «чёртовы пальцы». А знахарка из д. Малинки – камни, найденные в речках со сквозными отверстиями, их ещё в народе называют «куриным богом», якобы тоже являющиеся оберегом.

Помнится, и мне приходилось играть шерстяным бабушкиным поясом. Его тройные пышные кисти, словно бубенцы, спускались с обоих концов ярким луговым разноцветьем.

И были нашёптаны слова с узорного оберега бабушкой, вытканные на именном пояске: «Природа вас на свет произрастила, добродетели в сердца ваши вселила. Будьте свыше покровенны милостию небесною и да продлится драгая ваша жизнь в здравии любезном. Сей пояс носить счастливо, и что ваше сердце пожелает, то повсегда с вами и пребудет». Поясок тот растворился в небытии, а сила его передаётся и поныне не только мне, но всем, кто слышит и читает это древнее заклинание под размеренные и неумолимые шаги времени.

И уж не потому ли удачными оказались экспедиции в Вохомский и Кологривский районы. Вохма стала прямо-таки для нас «золотым дном», как написала в своей заметке в районную газету «Островские вести» Ольга Купцова, одна из участниц этой экспедиции. В Вохму и из Вохмы мы летели почтовым вертолётом, поэтому не могли прихватить с собой

всё то ценное, что бы могли приобрести у местного населения. Кроме того, мы были ограничены в средствах. На сто рублей в 70-е годы XX века была приобретена уникальная коллекция головных уборов, шитых золотом, так называемых шашмур, и повойников, которые прикрывают лобную и теменную часть головы. Поверх шашмуры повязывался, а вернее прикалывался «на притычку под рыло» булавкой шитый золотом плат. Вышивка на нём рельефна за счёт подложенных под нити кусочков бересты. Женская парчовая душегрея-коротенья из штофного шёлка, в воротник которой и манжеты тоже вложена расслоенная береста для прочности и опрятности, приобретена там же. Душегрея должна носиться вместе с сарафаном и составляет с ним парочку. Сарафанов было привезено несколько: начиная от синего таусинного домашней крашенины, так называемого костолана – костыча, самого старинного по покрою – косоклинного, чаще для старух и староверок, до клетчатого, прямого сборчатого на лямках, края которых обрабатывались шерстью, такой покрой назывался московский, его любили носить молодежи.

Там же, в окрестностях Вохмы, жительницы деревень Петрецово, Плоская, Загатино, расположенных на полноводной реке Вохма, рассказали о покрое сарафана, называемом «лягушка». Верх сарафана выкраивается целиком, одной деталью, а скос бретелей на спине может быть любым – как удобно. Горловина овально скруглена или квадратная. Именно

Из экспедиции в Антроповский район. Лён как оберег. 1970-е годы.

обработка «лягушки» отличала умелую швею от неумехи. Старухи зорко за этим следили. В таком сарафане хочешь, не хочешь, а павой пройдешься, и голову вверх приподынешь, и со стороны на тебя залюбуются. Это всё в основном праздничная женская одежда.

О.А. Большакова из д. Петрецово Вохомского района, дополнила мои исследования. Она, будучи точеей с большим стажем, имела необыкновенное видение цвета и трепетное ощущение фактуры, и где-то в подсознании хранила весь многовековой опыт предков. Когда я стала «пытать» её насчёт узоров, то она со знанием дела, просто и очень доступно рассказала о «ромбах» и «звездах», о других фигурах, о том, что крест чаще окаймляет весь основной узор, о женской фигурке – знаке плодородия и обилия. Встреча с Клавдией Тимофеевной Панфиловой из села Никола, оказалась незабываемой. «Вот сижу, время мурую, прикопотки вяжу», – сказала при встрече нам хозяйка. Прикопотки оказались попросту шерстяными носками, которые она вязала городским внукам на спицах. По нашей просьбе вынула из «музыкального сундучка» свою ещё девичью рубаху-сплошницу, воротник, рукава и подол которой искусно изукрашены суровым кружевом. «В наших краях их ещё борошницами называют за счёт малюсенькой сборки вокруг ворота, а то и проходницами кличут – в них, де, на тот свет проходят беспрепятственно», – одними глазами улыбаясь, объяснила хозяйка. «А ещё они же сено-

О.А. Большакова, жительница д. Петрецово Вохомского района.

косницами называются. В летний зной в ней работать можно и без сарафана, только фартуком подпоясавшись. Мужикам в сенокос всё девки-полуденницы «блзнятся», от недосыпу поди, в невидимых прозрачных покрывалах. Вот жёны-то в отместку «привидениям» и обряжаются в самолучшие отбеленные рубахи, подолы которых шёлком шиты, набором да гладью, да двусторонним швом, что на лице, что на изнанке. На мужиков-то что серчать, они в летнюю страду не по одному потнику изнашивают» (кусок старой ткани, пришитый к спине рубашки изнутри, со стороны тела, чтоб не портилась сама рубаха от рабочего солёного пота).

Тут же на примере, но уже другой составной рубашки объяснила мастерица все названия её частей. Их оказалось восемь: 1 – грудовина – грудь, 2 части; 2 – становина – станушка – спина, 1 часть; 3 – рукав, 2 детали; 4 – плечевая часть

рукава, примыкающая к горловине; 5 – ластовицы, 2 детали, клин в рукаве под мышками; 6 – остевеньё, 1 деталь, окантовка горловины, 7 – заперстье, 2 детали, конец рукава у кисти рук, может быть разнообразным; 8 – подстава – нижняя часть рубашки, которая пришивается к грудовине и становине, к рукавам и пакленкам, скрыта под сарафаном или высоким фартуком-завеской, а потому может быть из более грубой и дешёвой ткани.

Клавдия Тимофеевна эту рубаху подарила. Кроме того, щедрая хозяйка передала на хранение в наш музей верхнюю часть рубахи из розового сатина, так называемую воротку. Это грудовина, станушка, рукава и пакленки, а становину следовало ещё пришить. Вот что она рассказала: «Для мамоньки вышивала воротайку, девочкой лет десяти-одиннадцати. Работала в овине, снопики на суслон подавала сушить, но дело это тяжкое и непривычное, а вот шитьё в самый раз по мне было». На розовом фоне хитроумный растительный орнамент, вышитый голубым шёлком, тамбурным швом. И ещё наподобие воротайки «плакальные рукава» для невесты на девичник. Шились, как правило, из городских хлопчатобумажных тканей: колленкора, миткаля, кисеи, а в нашем случае – из серпянки-рядинки. «Кто в камке, кто в парче, а кто в холсту – по тому же мосту». И уже были они не узкие, как у прежней, а широкие. «Широки рукава, видно, что с Трубецкого двора!»

Оттуда, с северо-востока Костромской области были привезены с десятков самолучших скатертей-самобранок, рисунок

которых выбирается, как и на браных полотенцах, вручную на ткацком стане с помощью берда: «Кажинную ниточку сквозь пальцы пропустишь не одну сотню раз».

Полотенца-браники, свадебные повязки для молодых ни разу не повторились в узоре. Издревле основные орнаменты представляют из себя ромбы (символ Земли) и звезду-снежинку (символ Солнца), но узоры-символы многозначны: так ромб с центральным мотивом может означать и засеянное поле, и «всевидящее око», следящее за лукавыми кознями тёмных сил и отпугивающее их. Это толкование запомнилось ещё от первой школьной учительницы Павлы Никитичны Смирновой, проживающей в д. Данильцево. Именно она обучала нас традиционной вышивке полотенца. Правда, тогда уже вышивали на вафельных, хлопчатобумажных полотенцах.

Коллекция полотенца, привезенных из вохомских деревень, заставила потрудиться над разгадкой узоров. Кроме упрощенной «звезды-снежинки», прослеживалась «звезда-знак» – так же, как и ромб, основная несущая фигура орнамента. А наиболее распространённый крюкообразный мотив свастики-коловорота с гребешками левосторонними (начало сева) и правосторонними (начало жатвы) традиционно выражал пожелание благополучия.

Ирина Ипполитовна Мамалыгина, преподаватель по костюму Московского театрального училища им. Щепкина, высоко отозвалась о нашей

коллекции браных тканей. Настоятельно советовала непременно собирать, хранить и нести людям, новым поколениям спасительное разнообразное и добротное народное русское мастерство в любом его проявлении, не прерывая нить внутренней духовной связи. Отметила, что браное ткачество, хотя на первый взгляд выглядит сложно, но очень технологично, правда призналась, что студенты только на последних курсах осваивают это древнее мастерство.

Родина Ефима Честнякова поразила наше воображение. Она встретила нас 30 лет назад не только сердечным радушием и чарушами, наполненными домашним медовым напитком, преподнесённым не на подносе, как водится, а на деревянной пирожной лопате со следующим приговором: «Пейте, девки, до дна, а не то пироги в печи сгорят, живо лопату освобоните», но и рукотворной стариной. Этот незабываемый край поделился с нами неведомыми доселе секретами по изготовлению кисло-топанного сукна домашнего производства, на основе которого на фабричных мануфактурах стали ткать солдатское двустороннее сукно для русской армии, которое так и называлось «русак». В фонды музея поступил кафтан-лешушка, которому и цены нет; юбка-шерстяница с кривулинами для зимних святок, юбки с ляжками из пестряди и клетчатнины, сарафаны с модной зубчатой каймой из кумача, расшитой тамбурным швом-цепочкой. Свадебные повязки и салфетка, вся сплошь выбрательная слож-

ной мережкой из «дочерниного приданого», и, наконец, рыжий женский полушубок, в который мы по очереди кутались во время экспедиции.

Супруги Смирновы, Семён Николаевич и Анна Николаевна, из д. Варзинка досконально растолковали процесс изготовления кисло-топанного сукна. «В округе или хозяйстве, где занимались выделкой овчин романовской породы на хром или замшу, скапливалось большое количество кислой мощёной шерсти, её просушивали, обрабатывали на металлических карцётках, пряли, затем ткали, а уж после «утаптывали» или «уминали». Чтобы войти в курс дела, отправились в «баньцу». С чердака предбанника было извлечено что-то наподобие прясла от сельского плетня, намертво меж собой скрепленного. И вот Анна Николаевна насыщает своим мудрым говором сознание, и вместе с ней начинаешь ощущать жарко натопленную «баньцу», а в ней чан с водой бурлит «белым ключом», а на полу эта вот самая «решёточка». И мы с ней на пару сидим друг против дружки и таскаем по этой «решёточке» только что снятое маменькой с навоя сукнецо, льём без жалости на него кипяточек и снова дёргаем его по решётке взад-вперёд. А вот и тятенька пришёл с аршином. Он «перекидал» товар на аршине, но «утоптана» малость. Из куска в 20 аршин нужно сократить его на четверть, чтобы осталось 15-16 аршин высококачественного, из которого крестьянин-бедняк, не имея шубы, смог бы сшить взамен её кафтан, вот из этого самого

сукнеца, который защитит от мороза, ветра и дождя. Вспомнив, что подружки на воле резвятся, мы всплакнули на пару, размазав по лицу пот и слёзы, а потом тут же до слёз всласть посмеялись. Чего уж там!...»

Из рук в руки, как нечто самоценное, заполучила, наконец, и сам кафтан-лешушку. Он невелик, да широк, кафтан короток! С глубоким вздохом Анна Николаевна вспомнила, как «прошлой осенью ходила в нём в райцентр, а он так от дождя набряк, пришла крица-крицей. Забирайте, пока добрая». И тут же подала юбку-шерстяницу. «А вот в таких на Филипповом посту, или Рождественском, – девки да бабы-молодицы на беседы собирались, тёплые они».

«Весь вечер лучину палили, а как только глаза заест, уж невтерпёж – вон из избы на волю.» Я баская была, из косы не выходила», – вмиг помолодев, бойко заговорила женщина, то и дело поглядывая на мужа, вспоминая, по видимому, о прежней девичьей поре.

– Как это из косы не выходила?

– А вот сама-то и подумай, – был её ответ.

– Ну, коса девичья, коса песчаная на речной отмели, коса-литовка, та, что траву косит, – перебирала я по пальцам, но всё невпопад. «А косу-то снежную забыла», – подсказывает собеседница, – ту, что к забору наматывает и тропку перематывает сугробами. Точно забыла, а дальше ничего смекнуть не могу, трудная это наука, хоть и сама в деревне родилась, да в иную пору...

«Я баская была, из косы не выходила», – вновь вроде как подмигнув мужу, повторила хозяйка. «Ну, догадалась ли?»

– Из сугроба, что ли, – робко спрашиваю.

– Ну, из него.

– Ну, и что дальше, чего хорошего-то, в снегу сидеть? – допытываюсь я.

– Так ведь в сумёт-от робята кидали, а там и потискают, который раз и поцелуем обожгут... Чего плохого-то тут? А которая цаца, или того хуже, тетенька-какая, весь вечер на тропе простоят незамеченной, хошь самой в сумёт-от кидайся».

«У нас весёлые посиделки с Покрова дня уж затевались. Осенины в складчину правили. Козьма-Демьян, Михайлов день – никогда не пропустим. Хоть и с лучинкой, но всё за полночь засиживались. Девочки нитки на катушки-цевки навивают, штук сорок в коробейку входит, на всю ночь работы хватит. Полагалось, хоть бы одно веретёнце спрясть, а там уж, глядишь, и подролиться можно, прикрывшись от стыда прялицей. Парни любили тех, что попроворнее, потому некоторые задорные на любовь – хитрили: прихватят из дома готовое веретёнце пряжи, и глядишь – с вечера уже любезничают. Другим завидно. Частушкой беседу заведут: и бойко и с притопом запела Мария Васильевна Смирнова из д. Передней, которая только что была рассказчицей:

*Что, подруженька,
не робишь?*

На кого надеешься?

Придёт зимонька холодна,

Ты во что оденешься?

Потому как знали: «Какова пряха – такова на ней рубаха, а у плохой пряхи и на себя нет рубахи». А песенный разговор продолжается. И вот оказывает внимание нам уже сестра хозяйки Андропова Анна Васильевна:

*Люблю Васеньку я летом,
Когда бегаёт с конфетам.
А Ванюшечку зимой –
Садится к прялочке моёй.*

Пожилой кузнец Алексей Петрович, муж Марии Васильевны, басит: «Трифон шубу чинит, а Пелагея рукавицы шьёт». И снова трунят над парой.

А молодницу задор берёт: За нее сейчас выступает Шиткова Валентина Васильевна – третья из сестер:

*Какой сюртук, какие брюки
У милого моего,
Как возьмёт гармошку
в руки
Всё смотрела б на него.*

Ну, которую из девиц и прорвёт на этот случай:

*Ты гуляй, гуляй онуча,
Гуляй, лаптева сестра,
Ты гуляй онуча с лаптем,
Хоть до самого утра.*

Тут и другая, и третья встрянут, высмеивая нерадивых лодырей и неумных в страстях:

*Не люби, парень, мещанку,
Люби девушку-крестьянку,
Ведь крестьянка жнёт
и косит,*

А мещанка чаю просит.

Наконец и парень-полюбовник не устоит с ответом:

*Вот те пряха, вот те лён,
Вот те сорок веретён.
Ты сиди попрядывай,
Да на меня поглядывай...*

Участники этнографической экспедиции
Н.Н. Новикова и Е.С. Мастерова. 1970-е годы.

Эту самую припевку часто напевал Надежде Семеновне Пешехоновой, жительнице с. Николо-Бережки, её муж Василий Пешехонов, мастеровой на всю округу, он валенки катал. Знал жгонский специфический язык. После слышала от его сына, Николая, хитрословесное выраженьице: «Масы поёрдали в Матус», что в переводе обозначало: «Мы уходим в Москву». Частично жгонским языком пользуются ещё и поныне макарьевские да кусьские мастеровые, что с Палкина, дабы не выдавать секреты.

Не знаю как вам, уважаемые читатели, а мне так и хочется ещё разок заглянуть в крестьянскую избу первой половины XX века. Особенно примоститься на девичьей лавке рядышком с запросватанницей, которая за свои семнадцать-восемнадцать лет собрала приданое, да и от сватов отбоя уже нет. «Девка на поре – жених на дворе». Вот и перебирает она

своё приданое, всё ли припасено в неведомый ею путь. Да вот подходит к внучке умудрённая бабушка-старушка, которая уж и век-от свой отжила, да молвит, словно невзначай: «Чай, не всё лето на дворе будет, придет и седая зима, а не то ещё и соперница, змея подколодная, появится, будь она неладна. Да не приведи, Господь, как солдаткой останешься. Как перемогать станешь дни тёмные?» У девушки сама собой и слеза по щёчке покатится, вспомнив при сих словах своего дружка сердечного, а рука к чёрной ниточке потянется. И перевьёт она ею виноградарьё, и страшно станет замуж идти, и уж не лучше ли в девках век вековухой прожить. Да ведь мамонька с тятенькой добра ей желают, внуков уж поджидают, толкуют в один голос, что, дескать, после зимы, завсегда опять красна весна приходит и солнце ярит, и что есть знаки обереги, что уберегут от непро-

шеной разлучницы. Только вот самою-то, убереги, Господь, тебя, от пагубного. Не стань, мотри, чьей-либо разлучницей или тайной завистницей. А пребывая в полном здравии – не забывай и о несчастьи ближнего... Глянь-ко: красная ниточка да чёрная – рука об руку идут, вот тебе и вся наука тут, в шитом тобой же полотенечке. А их у нашей славницы сорок-пятьдесят штук подготовлено. Надо и золовок задобрить. «Лучше девять деверей, чем одна золовушка». Да и свекрови, дабы худо, прежде времени не говорила про невестку. Ну и в приданое оставить на всю последующую жизнь, так как трижды бывает дивен человек: при рождении, при венчании и при погребении, и во все три случая человека должны сопровождать свадебные повязки, приготовленные в девичестве. Сколько мужских рубах в дары наготовлено деверям, да тятеньке старому, да свекру.

За сорок лет наш музей посетили десятки тысяч человек, оставлены тысячи благодарностей. И люди по сей день дивуются, соприкасаясь с жизнью наших предков. Это вдохновляет на новые плодотворные встречи с земляками, которые не утратили своих познаний в различных традиционных ремёслах, делятся воспоминаниями, сопоставляя день вчерашний и день сегодняшней.

***

Работа составлена по материалам полевых дневников, которые записывались из первых уст от «радетелей старины» в течение сорока лет.

Нина Тугарина,
заместитель директора
музея-заповедника «Щельково»

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «А.Н. ОСТРОВСКИЙ»

Весной прошлого года произошло очень важное событие в нашей культурной жизни: вышла в свет энциклопедия «А.Н.Островский». Большой коллектив исследователей работал над этим изданием. Руководила проектом Овчинина Ирина Алексеевна, доктор филологических наук, профессор Шуйского государственного педагогического университета.

Энциклопедия – результат кропотливой многолетней работы большого коллектива авторов. Среди них – литературоведы, театроведы, лингвисты, культурологи, искусствоведы. За время работы найдены не известные ранее автографы драматурга, удалось выяснить фамилию первой жены Островского, создан частотный словарь писателя.

В энциклопедии представлены статьи, содержащие анализ всех опубликованных текстов А.Н. Островского: пьес, в том числе и написанных в соавторстве, переводов, переделок, оперных либретто, статей, служебных записок, речей, дневниковых записей.

Подробно отражена биография писателя: есть статьи о Первой московской гимназии и Московском университете,

где учился Островский, о кофейне Печкина, где драматург часто бывал со своими друзьями, о Совестном суде и Коммерческом суде, где он служил, а также Артистическом кружке, Обществе русских драматических писателей.

Специальные статьи посвящены ближайшему окружению Островского, его семейным отношениям. Представлено генеалогическое древо, прослеживаются личные и творческие связи драматурга, написаны статьи о местах, связанных с его именем.

В энциклопедии рассматривается эволюция драматургической системы А.Н. Островского в контексте литературного процесса: выявляются генетические связи с древнерусской литературой, литературой XVIII века и первой половины XIX века.

Большое внимания уделено критике, в статьях отражено существование в XIX веке множества толкований и прочтений драматургии Островского. Широко отражена театральная тема, написаны статьи о театрах, с которыми связана творческая судьба драматурга, и актерах театра Островского. Многих интересуют статьи

«Кинематография и Островский», «Музыка и Островский», «Иллюстрирование произведений Островского».

Идея создания энциклопедии возникла еще в 2003 году. Самое деятельное и заинтересованное участие в ней приняла замечательный ученый, известнейший литературовед и редкий по своим качествам человек Журавлева Анна Ивановна. К сожалению, результата этого труда ей уже не удалось увидеть. Наряду с исследователями из Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Иванова, Шуи большое участие в работе приняли костромичи – Лебедев Ю.В., Тихомиров В.В., Ганцовская Н.С., Ильина Н.К. и другие.

Музей-заповедник «Щельково» включился в работу над энциклопедией с самого начала. Сотрудниками написаны статьи о музеях, хранящих материалы об Островском, о щельковском окружении драматурга и на другие темы.

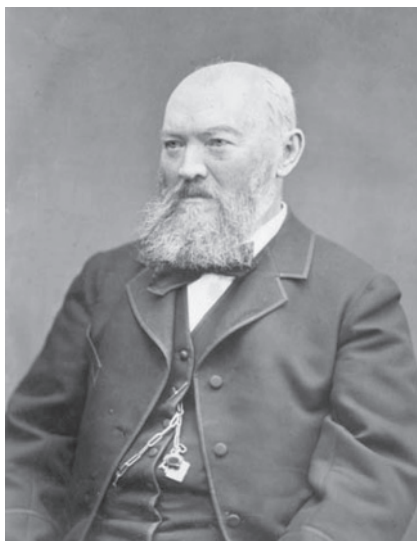
Будем надеяться, что энциклопедия «А.Н. Островский» будет востребована преподавателями и учителями, студентами и школьниками, а также всеми, кто интересуется жизнью и творчеством великого русского драматурга.

Предлагаем вниманию читателей фрагменты из будущей книги доктора культурологии **Ирины Анатольевны Едошиной** «Поздний Островский». Название пока условное. Внешним поводом для написания книги является 190-летие со дня рождения великого русского драматурга, а подлинным – стремление представить позднее творчество Островского как уникальное явление в развитии творческой личности, чья деятельность полностью определяется театром

ОСТРОВСКИЙ-МЫСЛИТЕЛЬ

Как мыслитель Островский неоднозначен. Видимо, все-таки сказалось его своеобразное между пребыванием. Островского числят в славянофилах, чему есть известные причины, в частности, так называемый «москвитянский» период в его жизни и творчестве. В этом плане показательной является статья А.И. Журавлевой в исторической энциклопедии «Славянофилы». Поначалу автор выделяет два периода в творчестве Островского: ранний (1947 – 1851) – под влиянием «натуральной школы» и москвитянский (1852 – 1854). Первый представлен пьесой «Свои люди – сочтемся!», второй – «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок», «Не так живи, как хочется». Далее 1860-е годы связываются с историческими хрониками («Козьма Захарыч Минин, Сухорук», «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», «Тушино»), историко-бытовой комедией («Тушино», «Комик XVII столетия», 1873), психологической драмой «Василиса Мелентьева». В «пореформенный период», замечает исследовательница, «тематический и временной диапазон его

А.Н. Островский. 1884 год.

драматургии делается чрезвычайно широким» (17, с. 408 – 409). Однако вся «широкость» сводится к анализу «Леса», «Снегурочки», «Грозы», «Бесприданницы» и упоминанию «Шутников», «Пучины», «Не было ни гроша, да вдруг алтын», «Последней жертвы», «Талантов и поклонников», «Без вины виноватых». Начиная с пьесы «Правда хорошо, а счастье лучше», по мысли исследовательницы, Островский пишет психологические драмы. Основание: «выдвижение в центр женщины» (17, с. 411). К психологическим драмам Журавлева также относит пьесы «Бесприданница»,

«Последняя жертва», «Таланты и поклонники», «Без вины виноватые», добавляя, что «в этом жанре писатель знал и относительные неудачи» (17, с. 412). К последним, исходя из содержания предложенной Журавлевой периодизации, относятся, видимо, пьесы «Сердце не камень» и «Не от мира сего» с их нескрываемой религиозной проблематикой, явно чуждой методологии исследовательницы.

Тут и возникает вопрос, насколько продуктивно выделять периоды в творческом развитии личности? А главное – что положить в качестве критерия для подобного рода периодизации?

Журавлева традиционно избирает общественную жизнь в России времени Островского и напрямую увязывает содержание его пьес с историческими событиями. Эта традиция идет от российских революционеров-демократов, видевших в литературе «учебник жизни», что было усвоено советской идеологией и скорректировано на основе постулатов Ленина о трех этапах освободительного движения в России. Напомню: «Ленин с восхищением и глубоким ува-

жением относился к деятельности В.Г. Белинского и А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова, решительно выступал против литературы, проникнутой идеями официальной народности, религиозными “исканиями” славянофильства и его последователей» (6, с. 179). Этому утверждению вторит Е. Холодов: «Театральная эстетика Островского, складывающаяся под влиянием сперва Белинского, а затем Добролюбова и Чернышевского, испытывавшая и некоторое (?! – *И.Е.*) влияние “органической критики” Ап. Григорьева, представляет собой... стройную систему взглядов на искусство и его общественно-нравственную миссию» (22, с. 582).

Об увлечении Островского чтением Белинского и Герцена известно со слов современников драматурга. А у самого Островского эти имена (за исключением, конечно, Ап. Григорьева) практически не встречаются. В частности, в письмах о Белинском, Герцене нет ни одного упоминания. За все годы вот о Чернышевском в одном из писем читаем: «Завтра схожу в посольскую церковь к обедни, после обедни познакомлюсь с дьячком. Чернышевский говорил мне в Петербурге, что он очень замечательный человек» (13; 11, с. 146). А вот единственное тоже упоминание о Добролюбова: «...потом слушали музыку... пили много шампанского. Как было не вспомнить Добролюбова!» (13; 10, с. 389). Если сопоставить эту «скудость» упоминаний с двусторонней

перепиской Островского и Ап. Григорьева, о которой, к сожалению, только известно, что она была; частым присутствием имени драматурга в письмах Ап. Григорьева; дневниковыми записями Островского о встречах и «невстречах» с Ап. Григорьевым, то становится ясной вся эфемерность утверждений о якобы большом влиянии Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова на взгляды драматурга. Хотя, с другой стороны, он активно печатался в «Современнике», «Русском слове», «Вестнике Европы», «Отечественных записках», изданиях либеральной направленности, вполне «родных» для Чернышевского и Добролюбова.

По Журавлевой, в «москвитянский» период Островский «создает художественную утопию, мир, где, опираясь на народные (крестьянские в своих истоках) представления о нравственности, оказывается возможным преодолеть рознь и ожесточенный индивидуализм... Но изменение всей атмосферы русской жизни в преддверии крушения крепостного права приводит Островского к пониманию утопичности и несбыточности этого идеала» (17, с. 408). Однако ведь включает пьесу «Не так живи, как хочется» в «москвитянский период», никак, правда, не касаясь ее содержания. Оно и понятно, поскольку никакого разочарования в народных представлениях о нравственности в этой пьесе Островского нет. Скорее, наоборот.

В народной драме «Не так живи, как хочется» (1855) драматург открыто помещает действие в христианский контекст, представленный уже в первой редакции пьесы, которая носила и соответствующее название «Божье крепко, а вражье лепко». По наблюдению Н.П. Кашина, вторая и третья редакции свидетельствуют об усилении аскетизма Ильи и драматизме в положении Петра (10, с. 235). В результате драматург выносит в название поговорку, вторая часть которой – «а так, как Бог велит!» (18, с. 290) – сформирует финал пьесы.

Одновременно характер главного персонажа, Петра, нескрываясь соотносится со второй частью поговорки – «вражье лепко», входящей в рабочий вариант названия пьесы. Петра в пьесе путает бес, который буквально липнет к нему, облепляет и ослепляет его. Если вспомнить притчу «бес попутал», то Петр окажется и не только сам виноват в происходящих событиях. Думается, что Островскому важно было указать на более внятный источник драматической коллизии в пьесе – своеволие, идущее от самого человека, потому он должен нести полную ответственность за совершаемые поступки. Своя воля вкупе с гордостью приведут героя в прямом смысле слова к краю жизни: «на самом-то юру Москва-реки стою прорубем» (13; 1, с. 414). И только здесь он очнется, и вся его греховная жизнь предстанет перед ним, «как на ладонке», заста-

вив внутренне содрогнуться и понять, что жить следует, как Бог велит. Неназванная вторая часть пословицы («а так, как Бог велит») имеет отношение, конечно, не только к Петру, но и ко всем персонажам пьесы, а шире – ко всему миру, ко всякому человеку. С пословичным названием напрямую связано и время действия в пьесе – масленица (10, с. 193), широкое гуляние которой словно провоцировало народ к совершению греховных поступков. Кроме того, масленица – это и природное пограничье между холодом и теплом, жизнью и смертью.

Таким образом, пословичное название народной драмы носит не столько поучительный характер, хотя и провоцируют к подобному прочтению, сколько определяет специфику развития действия и разрешения драматической коллизии. Вынося в название пословицы с частицей ‘не’, Островский словно указывает на нестрое-

ние мира, одновременно ориентируя развитие действия на умалчиваемую часть пословицы («Не так живи, как хочется»). Однако Островский не был бы Островским, если бы только указанием на нестроения и ограничился. Отрицание в пословице, ставшей названием пьесы, имплицитно утверждает высшие истины мира горнего. И здесь народная мудрость и Островский едины в своем мироощущении.

Ранние пьесы Островского представляют драматурга уже вполне сложившейся личностью, чьи взгляды формировались задолго до написания первых произведений. Как известно, Островский пытался получить юридическое образование в Московском Императорском университете, но особых успехов не имел, потому, не закончив трех курсов (август 1840 – май 1843 гг.), по собственному желанию навсегда расстался со студенческой скамьей. Тем не менее,

полученные знания позволили Николаю Федоровичу Островскому в мае 1843 года устроить сына в Московский известный суд.

До реформ 1860-х годов судебная система в России имела сословный характер. Сословные суды существовали в России в 1775 – 1862 годы, им было предписано руководствоваться в своих решениях «человеколюбием, почтением к особе ближнего и отвращением от угнетения». Потому совестные суды разбирали дела не только на основании законов, но и естественной справедливости. Рассмотрение гражданских дел (прежде всего, семейных) носило примирительный характер. Если стороны помирить не удавалось, то дело переходило в обычный суд. Сословный суд состоял из судьи и шести заседателей, по два от каждого сословия: дворянского, городского, сельского (23, с. 685 – 686). Здесь важным является именно характер суда, где спорные дела решаются «по совести». Как замечает Н.В. Гоголь, подобного юридического заведения в других государствах нет. И далее он добавляет: «По моему мнению, это верх человеколюбия, мудрости и познания душевного» (5, с. 136).

В этом контексте представляется значимым для понимания становления мировоззрения и формирования драматургического таланта Островского то, что он служил в Москве именно в Сословном суде, хотя и недолго – около двух лет. Конечно, сам по себе

Рабочий стол драматурга в его кабинете.

этот факт давно известен, но никто не обращал внимания на специфический смысл связи между работой Островского в Совестном суде, где конфликт разрешался (или мог разрешиться) «по совести» (причем – официально), и творчеством начинающего писателя. Обращали внимание на то, что в суде Островский черпал коллизии, в частности, для своей первой, но так и не написанной пьесы «Исковое прошение». Но думается, смысл работы будущего драматурга в суде оказался значительнее и глубже: он увидел жизнь сквозь конфликт, увидел, как через конфликт раскрываются человеческие характеры. Совестный суд явственно показывал, что «по совести» (честно) можно разрешить любой конфликт. Более того – лишить конфликт той почвы, на которой он формируется. Так, в молодом Островском формировались представления об устройении бытия, в основе которого лежат нравственные идеалы и определяют жизнь в целом.

Думается, служба в Совестном суде сыграла решающую роль в том, что Островский стал драматургом. Как заметил В.Н. Топоров, «категория права и ее воплощение Справедливость находят непосредственное отражение в ранних греческих трагедиях» (21, с. 101). Вот и Островский, служа в Совестном суде, словно соприкоснулся с самыми основаниями искусства, о которых писал Аристотель в «Риторике» По его определению, риторика есть искусство, которое касается всех (2, с. 15). Вслед

за Аристотелем Платон видит в риторике метод познания человеческой души и внутреннего воздействия оратора на человеческие души вообще: «Искусство красноречия... есть ... умение увлекать души словами не только в судах и других общественных собраниях, но и в частном быту...» (14, с. 170). Искусство риторики Аристотель напрямую связывает с деятельностью судебной, полагая, что в ходе разбирательства владение риторикой помогает находить способы убеждения. Аристотель выделяет нравы людей на основании их возраста, происхождения, могущества и счастья. В то же время он указывает, что всем людям свойственно переживать страсти (движения души), а их душам – качества (пороки и добродетели). Кроме того, никто не может пройти мимо своей судьбы (жребия) (2, с. 94 – 96). Искусство риторики – это искусство действия словом, потому так много внимания уделяет Аристотель стилистике, построению речи, способу ее произнесения. Но риторика, как заметил С.С. Аверинцев, это еще и подход к обобщенной действительности (1, с. 15 – 46). Представленный краткий экскурс свидетельствует, что риторика как вид искусства рождается в суде, где есть заранее определенные действующие лица со своими характерами и страстями, есть конфликт и его разрешение. Через судебную риторику вскрываются язвы общества и одновременно открываются пути его исправления. Пото-

му служба в Совестном суде дала возможность Островскому увидеть характеры и конфликты бытия, для понимания которых столь значимо действенное искусство слова. Это искусство наглядно откроется Островскому тоже через службу, но уже в ином суде.

В декабре 1845 года Островский из Совестного суда перешел в Московский коммерческий суд. Коммерческие суды занимались разбирательством дел, связанных с торговыми спорами: дела по торговой несостоятельности, по охранению наследства после лиц, содержащих фабрики и различные мануфактурные заведения, или товарищей торгового предприятия. В Москве коммерческий суд был открыт в 1833 году, занимался исключительно купеческими делами (24, 858 – 861). Именно здесь Островскому открылся купеческий мир, его характеры, его особый язык. И усвоенные им ранее основания искусства конфликта и его разрешения обрели яркие характеры, сочную речь.

Как мыслитель Островский формировался, работая в Совестном и Московском коммерческом судах. Здесь ему открылось сущностное содержание добра и зла. Добро составляет нравственную область жизни, а зло – безнравственную. В этом контексте развитие человеческой личности направлено на обретение собственной мысли, в основании которой лежат традиции предков, христианские прежде всего. Но человек не должен уподобляться механической кукле, как Кузя, попавший в

руки к Саве Титычу из «Записок замоскворецкого жителя» (перв. публ. 1948). Увидеть в частном общее и наоборот – характерная черта мировоззрения драматурга, которая целиком определила его творчество. Потому если обратиться к его драмам «Не так живи, как хочешь» (1855), «Гроза» (1860), «Бесприданница» (1878), «Не от мира сего» (1885), мы обнаружим нравственные преступления героев: никто из них, кроме Ксении, не живет так, как Бог велит, потому все страдают и наказываются, Ксения в том числе. Нравственные законы вечны, неизменны, как христианские заповеди. За их нарушение платят все – и грешные, и безгрешные. Островскому это было хорошо известно из невенчанного брака с Агафьей Ивановой: их дети умирали.

Думается, в основу понимания сути в развитии драматургической мысли Островского следует класть не временные периоды, а попытаться выявить и описать те мировоззренческие аспекты, которые определяли содержание его пьес и которые получили окончательные философские очертания в «поздней» драматургии.

Библиографический список

1. *Аверинцев С.С.* Риторика как подход к обобщению действительности // *Поэтика древнегреческой литературы* / отв. ред. С.С. Аверинцев. – М.: Наука, 1981.
2. *Аристотель.* Риторика. Пер. с древнегр. Н. Платоновой // *Античные риторики* / собр. текстов, статьи, коммент. и общ. ред. А.А. Тахо-Годи. – М.: Издательство Московского университета, 1978.
3. *Вакулин В.А.* Тема здоровья в эпистолярном наследии Островско-

го // *Щельковские чтения 2011.* А.Н. Островский и его эпоха: Сб. статей / науч. ред. и состав. И.А. Едошина. – Кострома: Авантитул, 2012.

4. *Всеволодский-Гернгросс В.* Краткий курс истории русского театра. – М.: ГИХЛ, 1936.

5. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 6. Духовная проза. Критика. Публицистика / сост. и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виногорадова. М.: Русская книга, 1994.

6. *Дементьев А.Г.* Ленин В.И. о литературе // *Литературный энциклопедический словарь* / под общ. ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987.

7. *Дьяченко Е.М.* Облик А.Н. Островского глазами современников – *Щельковские чтения 2001.* А.Н. Островский: Новые материалы и исследования / отв. ред. И.А. Едошина. – Кострома, 2001.

8. *Ибсен Г.* Собрание сочинений: в 4 т. / под общ. ред. В.Г. Адмони. – М.: Искусство, 1956 – 1958.

9. История русской драматургии: вторая половина XIX – начало XX века (до 1917 г.) / отв. ред. Л.М. Лотман. – Л.: Наука, 1987. С. 67.

10. *Кашин Н.П.* К истории текста произведений А.Н. Островского. Т. 2. – М., 1912. С. 235.

11. *Кугель А.Р.* Островский // *Кугель А.Р.* Русские драматурги. Очерки театрального критика / редакция и прим. В.Ф. Боцяновского. – М.: Мир, 1934. С. 51.

12. *Лакшин В.Я.* А.Н. Островский (1878 – 1886) // *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений: в 12 т. / под общ. ред. Г.И. Владыкина, И.В. Ильинского, В.Я. Лакшина и др. Т. 5. Пьесы (1878 – 1884). – М.: Искусство, 1975.

13. *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений: в 12 т. / под общ. ред. Г.И. Владыкина, И.В. Ильинского, В.Я. Лакшина и др. – М.: Искусство, 1973 – 1980.

14. *Платон.* Федр. Пер. А.Н. Егунова / Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4 / общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; примеч. А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи;

пер. с древнегр. – М.: Мысль: 1993.

15. Пророки византизма: Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875 – 1891) / сост., вступ. статья, подгот. текстов и коммент. О.Л. Фетисенко. – СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2012.

16. Русские писатели. 1800 – 1917. Биографический словарь. Т. 4 / гл. ред. П.А. Николаев. – М.: Большая российская энциклопедия; Научно-внедренческое предприятие Фианит, 1999.

17. *Славянофилы.* Историческая энциклопедия / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009.

18. *Снегирев И.М.* Русские народные пословицы и притчи. Репринт. изд. 1848 г. – М.: Русская книга, 1995.

19. *Станиславский К.С.* Мое гражданское служение России. Воспоминания. Статьи. Очерки. Речи. Беседы. Из записных книжек / сост., вступ. статья и коммент. М.Н. Любоумрова. – М.: Правда, 1990.

20. *Тишнер Ю.* Философия драмы // *Тишнер Ю.* Избранное: в 2 т. Т. 2. – М., 2005.

21. *Топоров В.Н.* Несколько соображений о происхождении древнегреческой драмы (к вопросу об индоевропейских истоках) // *Текст: семантика и структура* / отв. ред. Т.В. Цивьян. – М.: Наука, 1983.

22. *Холодов Е.* Художественные воззрения А.Н. Островского // *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений: в 12 т. / под общ. ред. Г.И. Владыкина, И.В. Ильинского, В.Я. Лакшина и др. Т. 10. Статьи. Записки. Речи. Дневники. Словарь. – М.: Искусство, 1978.

23. Энциклопедический словарь. Т. 60. Репринтное изд. Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон, 1890. – М.: «ТЕРРА» – «TERRA», 1992.

24. Энциклопедический словарь. Т. 30. Репринтное изд. Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон, 1890. – М.: «ТЕРРА» – «TERRA», 1991.

25. *Янковский М.* Ибсен на русской сцене // *Ибсен Г.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4 / под общ. ред. В.Г. Адмони. – М.: Искусство, 1958.

Значительным литературным событием 2013 года уже можно считать выход в свет отдельным изданием повести о Гоголе «Последние версты» (журнальный вариант печатался в «Юности»). Автор – Павел Робертович Румянцев, известный как врач-психиатр и писатель (кстати, в его творческом багаже есть и несколько пьес). В повести нашлось место многим хорошим знакомым Гоголя, свидетелям его последнего скорбного пути. В том числе и Александру Николаевичу Островскому, тогда еще молодому драматургу.

СВИДЕТЕЛЬ СКОРБНОГО ПУТИ

Иллюстрация Сергея Пшизова из книги Павла Румянцева «Последние вёрсты». 2013 год.

...И замолкли учёные мужи, и робко взглянули на Гоголя, и потянулись вослед толпе к выносу.

– Господи! Сын бедного малороссийского дворянина из-под далёкой Полтавы – и пожалуйте, весь цвет Москвы перед гробом! – подивился Николай Берг и тут же перекрестился, словно сказал нечто крамольное.

На что его товарищ по гимназии драматург Александр Островский довольно спокойно заметил:

– Это магия гения, Николай! Гений – он во всем гений: и в жизни, а уж в смерти тем паче... вспомни гибель Пушкина!.. Меня другое занимает: говорят он лестно обо мне отзывался. Выходит, благословил?

– Александр Николаевич, а верно, что Виельгорские приезжали попрощаться? – шепотом спросил ещё один участник похоронных мероприятий, недавний выпускник университета Евгений Феоктистов.

– Полно... очередные слухи, – ответил Островский. – Помните, про Иосифа Виельгорского наговаривали, теперь про Нози!..

– А может, жалеют, что отказали в сватовстве Гоголю? В лучшей аристократической церкви Москвы отпевание-то!

– Вы никак завидуете, Евгений Михайлович? – съязвил Островский. – Успеете ещё!

– Может, если бы не отказали, был бы жив? – смутился Феоктистов. – Я это имел в виду.

– А-а... – протянул Островский. – Не думаю, что женщина его бы в этом мире удержала... он до них неохоч был. Да и стоит ли, как московские купцы говаривают, «опосля» философствовать. Вы бы лучше господам студентам подсобили!

– Да, непременно! – обрадовался Феоктистов и с готовность бросился на помощь.

– Ты что, Александр? – спросил Берг.

– Не люблю эту либеральствующую братию! Думаешь, он о Гоголе сожалеет? Себя пришел показать!

– Но ты резок!

– Волнительно на душе, Николай! Непокойно!

– И мне не по себе. Да и не только нам. Смотри, наши профессора громко говорят, жестикулируют. И народ, видишь, как напирает. нервозность вокруг, а?

– Это его дух колобродит! Эх, колобродит! Чуешь?

– Чую.

Они ошиблись.

Гоголя не привлекала людская суета. Дух его, хоть ещё и связанный с телом, блуждал то в прошлом, то в будущем. Го-

голь и прежде обладал даром перемещения, но узнавал крохи. Да рассказывал маменьке: то о железных дорогах, что вскоре опояшут всю землю паутиной, а то и вовсе о делах необыкновенных, о возможности разговоров и видении на отдалении друг от друга! Он даже пытался с маменькой так пообщаться, и маменька его слышала и однажды видела его, а он её. А над ними с маменькой смеялись! Приписывали несусветное! Что, якобы он, Никоша, придумал железные дороги!.. А он их – видел! ... Ах, эти упоительные видения! Как хотелось заглянуть туда – за черту – увидеть Россию будущего! И вот настало его время!

С трудом оттеснив народ, актёр и близкий друг Михаил Щепкин закрыл крышку гроба. Шевырёв дал команду, но студенты вновь не позволили положить гроб с Гоголем, высылили его над толпой и понесли на руках.

– Господа студенты! – обратился к ним профессор Грановский. – До Свято-Данилова монастыря вёрст шесть будет.

Но студенты лишь молча менялись местами, проваливаясь в глубоком снегу.

Накануне была метель и позёмка намела по сугробам причудливые узоры, словно сама природа дивилась смерти Гоголя. Так же причудливо извиваясь, потекли людские цепочки вослед: кто пеший, кто в санях. Сверху было видно, как далеко-далеко растянулось траурное шествие.

Гоголь всегда обожал дороги, множество сюжетов рождалось у него в путешествиях. А уж скорбная дорога и вовсе открывала просторы необъятные...

ТРЕТЬЯ ВЕРСТА

Похоронная процессия поравнялась с Пашковым домом. Строгий, с бельведерами и лестницами «волшебный замок», возвышавшийся на насыпи, казалось, бросал вызов самому Кремлю с его византийскими башнями. Словно в этом месте Москвы благодаря причудам архитектуры соперничали Восток и Запад, Москва и Петербург. А между ними открывался спуск на Каменный мост через Москву-реку, резкий и крутой, словно тот самый особый российский путь, споры о котором то затухали, то возобновлялись с новой силой в московском обществе.

Только местным мальчишкам, облюбовавшим для катанья на салазках горки, всё непочём! Лихо мчались они от кремлёвских стен и от ограды Пашкова дома навстречу друг другу, соединялись на повороте и ещё с большей скоростью неслись вниз к реке.

– Эй, посторонись!

И свистит ветер, и дух захватывает, и щиплет щёки мороз! И смех, и визг! Толкотня!

Похоронная процессия остановила детский гвалт. Наступившая тишина, казалось, прервала самую жизнь. Но это длилось мгновенье.

– Эй, покойника везут! – крикнул кто-то из ребятишек.

– Тише, Микитка!

– А чево?

– Разбудишь! Будет шляться, ночами пугать!

– Ой, ой! – храбрился мальчуган. – Не боюсь! Не боюсь!

И он стремглав спустился с горы, срезав на салазках перед самым гробом.

– Вот пострелёнок! – незлобно погрозил жандарм.

– Александр, посмотри! Не правда ли, какая глупая спекуляция эта литография? – Николай Берг подал листок Островскому. – Ты только глянь: Гоголь – перед камином, в халате, мрачный, с впалыми глазами, позади Семён. Одно все твердят, что Гоголь сошел с ума! И этот жалкий рисунок, прямо издевательство!

– Да, карикатура прескверная! – согласился с приятелем Островский. – И всё же странная болезнь с Гоголем вышла. Я его несколько дней назад видел, был вполне здоров и вдруг. Невольно подумаешь о сумасшествии. Говорят, он умертвил себя постом и воздержанием.

– Я слышал, что у него случился очередной приступ малярии. Он и прежде страдал ею.

– Отчего же прежде не умерал от приступов? И зачем сжёг второй том «Мёртвых душ»?

– Может, предчувствовал смерть? Минута просветления нашла перед кончиной! Такое бывает, говорят. Понял, прозрел. Великий художник в

нём, умирающем, проснулся. «Сожги! – сказал он себе, – это не то, что нужно!»

– Красиво! Романтично! Ты, Николай, – поэт! – улыбнулся Островский. – Ну, а зачем он оставил множество черновиков? Мне Шевырёв показывал. Чтобы все знали, что был второй том! Был и сгорел! Теперь по Москве только все и сожалеют о сгоревшей рукописи. А может, он и умер из-за того, что рукопись сгорела? Во всяком случае, этот его поступок – загадка на века, я тебе скажу.

Островский скомкал литографию, хотел выбросить, но увидел неподалёку костёр. Возле костра грелись мальчишки. Островский подошёл и бросил бумагу в огонь.

– Как просто, сгорело и всё! А от второго тома такие следы остались! Что-то в этом сожжении есть дьявольское. Наверное, тяжело ему будет там!

Берг и Островский перекрестились.

– Господи, упокой его душу!

– Александр Николаевич, ау!

Возле Островского и Берга остановилась повозка. Актриса Любовь Павловна Косицкая помахала рукой. При виде молодой женщины Островский заулыбался и бросился к саним.

– Александр! – пытался удержать его Берг. – Если ты сейчас с ней поедешь, – зашептал он, – то скомпрометируешь её в глазах общественности. Опомнись! Как вы оба будете выглядеть? Она – за-

мужняя женщина, ты – также женат. И на виду всей Москвы!

– Ты ж сам и разрешил возможные сплетни, – ответил Островский. – Мы оба несвободны! Значит, можем быть вместе. Ничего предосудительного и драматического. Вот если бы она была замужем, а я холост – это бы, брат, действительно была драма! Поверь мне!

– Александр! – Берг ещё раз попытался удержать друга.

– Я к Данилову монастырю подъеду! – решительно произнес Островский и устремился к саним Косицкой.

Разгоряченная от быстрой езды и мороза, Косицкая была удивительно хороша.

– Рад вас видеть, Любовь Павловна! – сказал Островский.

– А я вас, Александр Николаевич! – игриво ответила Косицкая.

– Извольте подвезу!

– За счастье почту! – также игриво и многозначительно ответил Островский и помолодецки прыгнул в сани. Косицкая велела трогать. Сани помчались по мосту и вскоре скрылись в переулках Замоскворечья.

– Чёрт побери! – в сердцах воскликнул Берг. – Ах, Александр! Я вот так не могу увлечься – сломя голову! Не дано. – Берг вздохнул, затем бессмысленно начал разглядывать появившийся вдруг гроб с Гоголем, словно недоумевая: а это ещё что такое? И зачем это? И что это за мрачность? И как всё это неумест-

но, если только что здесь были красивая женщина и полный сил и энергии его друг...

...Вновь перед ним промелькнула мчавшаяся по Замоскворечью тройка!

В тройке сидели Островский с Косицкой.

– Господи, хорошо-то как! – Быстрая езда захватывала женщину, и она плотнее и плотнее прижималась к своему спутнику, крепышу Островскому. Сани подпрыгивали на ухабах, грозя перевернуться, но возница ловко управлял, коней не придерживая, и сам увлёкся гонкой.

– Эй, поберегись! – кричал он.

– Давай, гони! – подзадоривал Островский, и на каждом ухабе ещё крепче прижимал Косицкую.

Но вот сани выехали на широкую улицу, возница натянул вожжи.

– Куда едем, барин?

– На Пятницкую езжай! – ответил Островский. Кони замедлили шаг.

– Отчего люди не летают? – вдруг мечтательно произнесла Косицкая. Островский не сразу заметил перемену настроения своей спутницы.

– Я говорю: отчего люди не летают? – повторила Косицкая. – Я бы сейчас взяла и полетела! Куда угодно, лишь бы было чувство полёта. хоть с обрыва в реку! Знаете, Александр Николаевич, я люблю Волгу! Там у нас, под Нижним, такие высокие берега! Я сколько раз представляла себя птицею. Раз-

бегусь и замру на краю, боязно, обрыв внизу. Мне сказывали, одна замужня женщина бросилась эдак с обрыва... и на смерть! От несчастной любви. Ой, простите! Видимо, похороны мрачные мысли навеяли.

– Отчего же! – откликнулся Островский. – Вы так проникновенно рассказывали, Любовь Павловна. Готовый образ для пьесы, скажу вам!

– Ну вот, – разочарованно произнесла Косицкая. – Что вы за народ, мужчины! Вам о чувствах, а вы только свой деловой интерес блюдёте. А я всё ту женщину представляла, себя на её месте. Смогла бы вот так полюбить, чтобы в пропасть?

– Да! Да! Вы правы! Вот это любовь! – Островский с силой прижал к себе Косицкую. Та не стала уклоняться от поцелуя.

– У-ф! – выдохнул Островский. – Однако вы ароматная женщина! – и тут же вернулся к прежнему. – Но пьесу я непременно напишу! Для вас! Вы будете в ней играть главную роль, клянусь! Я сделаю из вас великую актрису!

– Ах, оставьте! – смутилась Косицкая.

– Я даже представляю финальную сцену, ваш монолог.

– Островского, как это не раз с ним бывало, заносило всё больше и больше. – И как вы замечательно сказали: отчего люди не летают! Прямо гоголевская фразочка! Он любил такие обороты!

Вспомнив покойного, Островский притих и пере-

крестился. И Косицкая, которая слушала его с закрытыми глазами и представляла себя на сцене: как она стоит на краю обрыва с распростёртыми руками, готовая взлететь, и зал замер в ожидании. – также очнулась, открыла глаза. Оба почувствовали неловкость от своих фантазий. Но это было лишь секундное замешательство. Островский первый пришёл в себя и вновь обнял молодую женщину.

– Ах, Александр Николаевич! Потихе! Поспокойнее! – останавливала Косицкая ласки Островского. – И куда мы едем? Я хотела просто вас подвезти!

– У меня здесь. неподалёку... приятель живёт... едемте туда.. мне откроют, – шептал Островский, – ни о чём не беспокойтесь!

– Александр Николаевич! Мы оба безумны! – слабо сопротивлялась Косицкая. – Ну хорошо! Пусть будет по-вашему! – наконец и во все уступила она. – Побудем на миг вольными птицами! Едемте!

– Нет, летим! Летим! – воскликнул Островский, радуясь жизни и счастливым минутам.

В первом номере журнала «Губернский дом», 20 лет тому назад, были напечатаны стихи Александра Бугрова, тогда участника молодежного литературного объединения «Ладья». Ныне Александр Александрович Бугров, уже известный поэт, член Союза писателей России, сам ведет литературную студию имени И.А.Дедкова в областной научной библиотеке. Отмечая Международный день поэзии (21 марта) и поздравляя Александра Бугрова с 55-летием (22 марта), представляем сегодняшние стихи юбиляра, а также знакомим читателей с творчеством его студийцев.

Александр БУГРОВ

«ВОТ ОН – ЛУЧШИЙ В ЖИЗНИ ДЕНЬ!»

Ждали, но бестолково
Выходной провели.
В полумгле Щельково
Затаилось вдали.

Помолчим о России,
Проходя по росе,
О скудеющей силе
И нетленной красе.

* * *

Бульдог на крыше гаража
Как над Москвой Наполеон.
Сидит и рявкает дрожа
На весь микрорайон.
Бульдог – хорошая мишень,
Да нет рогатки под рукой.
У нас сегодня – рыбный день,
А завтра – немясной.
Вчерашний ухнул сабантуй
В похмельные тартарары.
И ветерок – как поцелуй
Двоюродной сестры.
Бульдога кто-нибудь спасёт,
И мелко заискрит потом
Взрывоопасный эпизод
Потешным огоньком.
Лучок на дне сковороды...
Молчишь, как рыба, ты.
А на лице твоём следы
Грядущей красоты.

* * *

Поутру на скамеечке
В парке барышня в белом
Чинно лузгает семечки,
Будто занята делом.

Слева вся территория
В шелухе, ну а справа
Шмель на книге «Теория
Государства и права».

* * *

Костромка вспомнится порой
И хлеба вкус ночной.
Есть первый снег, а есть второй,
Он не такой ручной.

Рукой не станешь брать его,
А если и возьмёшь,
То превратится волшебство
В бесхитростную ложь.

Заулок, где сейчас стою,
Не оживишь мечтой.
Тут вспомнишь не любовь свою,
А влажный хлеб ночной.

Смешно чирикнул воробей,
С опаскою храбрясь...
Не позабыть руке моей
Второго снега грязь.

* * *

Виды выше по реке
Диковаты даже слишком.
Тропки нет в березняке
К дачным брошенным домишкам.
Странно, что вообще нашли
Двери в мареве цветочном.
И несёт из-под земли
Кисловатым холодочком.
Мебели – одна кровать.
В стену воткнутая вилка.
Сколько нужно вырубать,
Чтобы сад восстановился?
Сколько нужно комаров,
Чтоб присвистнуть философски?
У затерянных миров
Затхлый запах азотоски
Щепочка крутясь плывёт,
Да и нам пора обратно.
Путь домой как перевод
Заучи на эсперанто.

* * *

На улице уже весна,
Капель весь день слышна.
А в огороде – тишина,
Сугробов глубина.

Давно поднадоели мне
Затеи зазывал.
Не спится по ночам весне,
А я бы спал и спал.

И за калитку лень идти
И гробить белизну.
Остановлюсь на полпути
И время потяну.

Полжизни можно простоять,
Вздыхать, как пейзажист,
Остановив минут на пять
Мгновенья едкий свист.

* * *

В воздухе клочки газеты
И на грядке их полно.
Сколько вишенного цвета
Налетело нам в окно!

Объявления впересыпку
С новостями тут и там.
Чтенье с правом на ошибку
С ароматом пополам!

* * *

Там где сад в огород переходит,
На обрыве скамейка в тени.
И с неё увидеть парходик
Можно изредка в ясные дни.

А сегодня с утра непогода,
Неохота идти в огород.
Шум дождя и гудок парохода
В тускловатый сольются аккорд.

Дождь пройдёт, и пахнёт синевою.
И, проследовав, буркнет буксир,
Чтоб готовился вместе с листвою
Пеплом стать подсыхающий
мир.

* * *

Полчаса пешком до сада
(Мысли будто сквознячки)
Разредить давно бы надо
И морковь, и кабачки.

Лужи к вечеру просохнут
На селищенском плато.
От работы кони дохнут,
Ну а людям – хоть бы что!

Дом родной за поворотом
Перебрался в полутень.
Где он, лучший день?
Да вот он!
Вот он – лучший в жизни день!

* * *

Лишь услышу я звуки ламбады,
Подступает какая-то муть:
Пионерские вижу отряды,
Барабанщицы головогрудь!

Сахаристых аккордов трихины
Вызывают угрюмую блажь:
Председатель совета дружины
Начинает дневной инструктаж.

Физзарядка бразильская стихнет,
Отголосок фиесты пунцов.
Мне милей хрипота
«One way ticket» –
Нагловатая горсть леденцов.

За витриною комиссионки
Ежевичник поманит зайти.
Ручеёк, волостные сосёнки
И колдобина к ним на пути.

Лучезарно готов умывальник
Дорожать в придорожной грязи
И пыльюю цветов танцевальных
Дышит всё метров сорок вблизи.

Неизвестно, зачем берегу я
Забубенный антиквариат.
И не знаю секунду другую,
Как вернусь без билета назад.

* * *

Слышу за спиной, как весь народ:
Раз-два, раз-два!
И кому ты нужен – лишний рот
Государства?

Полагать, что ты такой один –
Верхоглядство!
Поскорее надо, гражданин,
Закругляться!

А какой практически финал
Ждёт уродца –
Вскрытие покажет. Трибунал
Разберётся.

* * *

Восторженно-резковат
И нежно-жесток мгновенный
Нечаянный женский взгляд,
Тревожно-самозабвенный.

А в общем – страшный пустяк,
Картина в старой брошюрке:
«Раскрашенный известняк
С вкраплением штукатурки».

* * *

Ежедневно с девяти
До пяти-шести примерно
Человеку взаперти
Белым днём довольно скверно.

Скучновато одному
Календарь листать часами.
Эта роль в семейной драме
Не удастся никому.

Дочь придёт то в шесть
то в пять.

Обиходит и накормит.
А дедуля даст понять,
Что пока в приличной форме.

Целый вечер слушай бред
Про полёт к другим планетам,
Про зятка, про лисапед,
Про премьера с президентом.

Стойкий запах как рефрен.
Привыкаешь к аденоме.
Всем покажет старый хрен,
Кто хозяин в этом доме!

Терпеливо мнётся тьма
За дорожкой ковровой.
И похоже, что зима
Обещает быть суровой.

«Этот город как будто спит...»

* * *

Этот город как будто спит.
В промежутках каменных плит
затаившийся интуит.
Этот город как будто жил,
но в надрыве мускулов-жил
в inferнальной муке застыл,
чтобы в снежных лапах тоски
жёлтых глаз не сводить с реки.
...И как будто бы наяву
в этом городе я живу.

* * *

Не первая зима волку.
Сдюжит ещё одну?
По ночам втихомолку
Щупает лес луну.
Волк больной да ледащий,
Колтунами живот.
Над орнаментом чащи
Стая волчья плывёт.
Ночь распялила парус
Небосвода – раппорт.
Глаз звериных стеклярус
Отмерцает, замрёт.
Ночь созвездья нижеет,
Вдруг уронит, и вот
Старый раны залижет,
До рассвета умрёт.

Язычник

Тысячи верст – холод, мрак...
Пялится неба набухший зрак.
Ночью совсем густеет кошмар –
запах багульника, хлипанье мшар.
Чудится леший на скрюченном пне.
Но утешеньем знанье во мне:
есть за повершьем, хищною мглой,
там, где она сольётся с землёй
над вереницей кляпных осин,
дерево-гуча, дуб-исполин.
Словно сплетеньем алчущих змей
в небо вцепились клубни корней,
древо питает всё естество:
дождь над землёю – соки его.
Влажной могучей кроной – вразмах,

молнии-птицы блещут в ветвах.
Пристань Перуна, божий чертог –
огненной силы вечный исток.
Под сенью древа – глины щепоть –
держится мира зябкая плоть...
Здесь же дыханьем грею кулак.
Тысячи верст – холод, мрак.

Из цикла «Знамение»

«Конца света не будет».
Мама.

– Ты, наверно, расстроишься...
Что же... Но все-таки знай:
грузное солнце устало свалилось за край
подгоревшего неба, оно не поднимется впредь:
исполинские спины устали держать эту твердь.
На распластанной суше намокли подгнившие швы –
пифагорам, коперникам уж не родиться, увы.
И напрасно молить о спасении хлипеньких душ –
все изменит один поворот спермацетовых туш,
задремавших до времени в вязкой вселенской ночи...
Там утонула Европа... а ты варишь щи.

Страх

М.В.

В прошлом ли, в настоящем
Я прохожу в шуршащем,
жадно вбирая запах темных прохладных зал.
Жмутся к зеркалу тени,
Помнят мрачные стены фразу, что ты когда-то
шепотом мне сказал.
«Всё свершится» – заклятье...
Капли воска на платье,
и по-прежнему полный одиночества дом.
Странный звук вроде смеха, – что-то путает эхо...
Гляну в зеркало – вдруг там отразимся вдвоём.

* * *

И пока падал тихий рассеянный снег,
я пыталась справляться с дрожанием век.
Лишь косая метель закружила едва,
меня всю облепили чужие слова,
и, запутавшись в белой колючей парше,
жгли мне щёки пунктиром позорных клише.
Так и шла я, влекомая силой воды,
на снегу оставляя чужие следы.

Екатерина КИСЕЛЕВА

«Судейство – тяжелая ноша»

***

Судейство – тяжелая ноша...
И как мы порою спешим
Сказать, что весь мир – нехороший,
Что нет в нем и крохи души.

Мне батюшка в церкви поведаль,
Что люди все алчны и злы...
Возможно ль на лучиках света
Вязать вот такие узлы?!

Домой шла, протесты глотая,
С сознанием своей правоты:
А знаете, я – золотая!
И люди вокруг – золоты...

***

У березы под березой – розово,
Под берестой у березы – плоть...
Беззащитность – оружие грозное,
Невозможное побороть.

И когда ураганно-мглистое
Вырвет дуб из земного лба,
Он умрет, а береза выстоит,
Потому что она слаба.

***

– Кто же ты? – Гадаю я в смятении. –
Брат ли? Друг ли? Будущий любовник?
Я боюсь тебя, но тем не менее
Рядышком иду. Срываю донник.

Мну в ладонях лист его до запаха.
В кожу рук втираю сок до зуда...
Жизнь-то... Жизнь – обыденная, затхлая.
Мне сейчас, как воздух, нужно чудо!

...Я молчу, не чувствуя неловкости,
За тобой шагаю по тропинке,
Только... с неоправданной жестокостью
Обрываю встречные травинки...

***

Я знаю – времени в обрез,
Я понимаю – обстоятельства...
Но почему-то твой отъезд

Воспринимаю, как предательство.
Тебе ни слова не скажу:
Катись на все четыре стороны...
Из слов прекраснейший ажур
Ты ткать умеешь крайне здорово...
Бегу, бегу... А мир стоит.
Сегодня в ночь прошляюсь долго я.
Сегодня спутники мои
Туман сырой да небо волглое.
И воздух мраморный обьяв,
Ищу свободы и изгнания.
Пытаюсь выдохнуть тебя...
Исторгнуть. Выжечь из сознания.
Отдать до капельки твое,
Вняв аксиоме соломоновой...

Я точно знаю, все пройдет.
Все будет сломано.

***

Посвящается Г. Д.

Летом были наброски,
Нынче – цельность и лоск:
Лед камнями Сваровски
Инкрустировал мост.

Есть и сила и стимул...
Шарф, иду, теребя,
Я, влюбленная в зиму,
В белый свет и тебя.

***

Я, наверное, старею.
В парк иду гулять от скуки...
Там в аллее всем деревьям
Ампутировали руки...
Четвертованы. Столбами
Рвутся ввысь они. И что же?..
Их обрубленные длани
Тычут пальцами в прохожих...
На душе гравийный щебень,
С неба льются ливня струйки.
Задыхаюсь. Ощущенье,
Будто мне отняли руки...

В новой рубрике на страницах «Губернского дома» будет представлено творчество авторов литературно-художественных журналов, выходящих в других городах России. И начнем с журнала «Волга – XXI век» (г.Саратов). Почему? Во-первых, потому, что мы – волгари. И костромичи, и саратовцы. А во-вторых, потому, что Александр Николаевич Островский очень любил Волгу, действие многих его пьес происходит на ее берегах. Именно в известном путешествии по Волге в 1856 году он начал собирать материалы для словаря русского народного языка. И еще: на Волге родился и провел детско-юношеские годы Виктор Сергеевич Розов. В доме, что рядом с «рекой-матушкой», он написал свою первую, всемирно известную пьесу «Вечно живые».

Итак, знакомимся с произведениями авторов журнала «Волга – XXI век», присланными специально для «Губернского дома». Это стихи поэта, лауреата Международного конкурса «Золотое перо России» Ивана Владимировича Васильцова (Пыркова). И очерк журналиста Нины Валентиновны Шаталиной «Дети нашего двора», получивший Гран-при на литературном конкурсе короткого рассказа «Мечтать и стремиться» (2012 год), посвященном 200-летию со дня рождения И.А.Гончарова

Иван ВАСИЛЬЦОВ

«Мы тоже летать могли...»

* * *

В электричке, где место всегда есть тревогам,
Я подумал, на солнечный глядя редут:
Почему одуванчики жмутся к дорогам?
И куда по дорогам железным бегут?

Интересное дело, а в мире четвёртом,
Там, где всё воедино навек сведено,
Там, где буду когда-то живым или мёртвым,
Одуванчикам тоже цвести суждено?

Если так – хорошо... Потому что резная
Мне давно уж по сердцу оправа листа.
А ещё потому, что с тобою, родная,
Одуванчики встретились нам неспроста.

Приглядимся поближе к растениям крылатым.
Посмотри, как легко им среди майской травы,
Этим вечно спешащим цветам-циферблатам,
Этим маленьким всадникам без головы.

Паровозный гудок перекликнулся с ветром,
И с ладоней платформы – лови не лови! –
Полетели по дальним своим километрам
Дети ветреной самой на свете любви.

Помню, в детстве... Но разве теперь я не мальчик,
Не мальчишка, что слепо поверил судьбе?
Я всего лишь, любимая, твой одуванчик,
Через земли и зимы растуший к тебе.

* * *

Ожесточилась старая подушка...
Не пух, конечно, белых лебедей,
Не одуванчиковая опушка,
Не синтетическая дребедень.

Взобьёшь её, как мать, бывало, тесто,
Подержишь, как ребёнка, на руках.
Живого что там... Мёртвого-то места
На ней не сыщешь. Это ж сущий прах.

Ах, петушки да курочки!.. Не вас ли
Двадцатый век расстреливал в висок,
Не в той ли золотой вы жили сказке,
Где высокосный каждый колосок?

Да и теперь, крылатых побратимов,
Вас предаёт бескрылая родня.
Горите вы в кострах необратимых,
Которые пылают без огня.

А дым-то есть... И в том дымочке горьком,
Как в сторону глаза ни отводи,
Прикованный увидишь к место-койкам,
С крылами, скрещенными на груди.

Ведь даже эмбриону небо снится.
Но ради снов каких, из года в век,
Кормила нас собою – кто не птица,
Собой рожала – кто не человек?

Я не один ищу в родном родное,
Я не один, хоть многим не понять,
Увижу если пёрышко рябое,
Тянусь к земле сырой – себя поднять...

Давно уж нету подати подушной,
А может есть, как и в былые дни?
Предгрозовой проснёшься ночью душевной,
Предгрозовой очнёшься ночью душевной...
...Ах, петушки да курочки мои!

* * *

Я с детства помню за собой,
Что тех любил, кто слеп.
И тех, кто ходит за водой,
И тех, кто возит хлеб.

Мне говорили про лицо,
Про сплав, что победит.
Но было ближе мне словцо
Другое – некондит.

Пекарня выпекала план,
Всё в норме: форма, вес...
А пара ящичков – изъян,
В семье-то ведь не без...

И на задворочках, с торца,
У черного крыльца
Стояли люди без лица
За хлебом без лица.

Они – бракованный отброс.
Но, спор ведя с судьбой,
Христово тело каждый нес
Распятое – домой...

А сумки нету у кого –
Так есть на то сума.
А дома нету у кого –
Так есть на то тюрьма.

И вот однажды, в ранний снег, –
Я недалеко жил –
Мне дядя Коля, старый зек,
Горб хлебный отломил.

И «балерина» лет седых
Огня дала с водой.
Среди согбленных и хромых
Она была звездой.

С тех пор я много повидал,
И прожил много дней.
Да только хлеба не едал
И мягче, и теплей.

И вот что вспомнилось: глаза
Той дурочки спитой
Потом еще на образах
Открылись в миг святой.

... Пекарня снесена давно,
Конвейер новый строг.
Но главным будет все равно:
«Дают ли хлеб, сынок?»

* * *

Душа, как столб, заземлена,
Ее цветы суровы.
Она – где зреют семена
И где мычат коровы.

ДЕТИ НАШЕГО ДВОРА

Ксюше пять лет. Я её знаю с рождения. На первом году жизни это была Ксюшечка-плюшечка. С годами плюшечка переросла в цветочек, всех радующий.

Когда Ксюшу в три года в первый раз привезли на дачу, что на самом берегу Волги между Пчёлкой и Гусёлкой, она, стоя на берегу и наблюдая медленное течение могучей реки, философски изрекла: «Как много воды!»

Ксюша полюбила жителей всего дачного посёлка, о чём неустанно им напоминает. Чувство любви переполняет её со дня рождения. Её детские уста могут самым неожиданным образом прервать беседу фразой: «Я тебя люблю». Или: «Ты помнишь, что я тебя люблю». Или: «Не забывай, что я тебя люблю».

Однажды я решила совершить утренний заплыв. Река приятно бодрила. Желание набраться утренней свежести, счастье общения с природой, ставшее в последние годы всё более сладостным, но трудно-выполнимым, незаметно унесли меня довольно далеко от берега. И вдруг, в залитой восходящим солнечным светом тишине, с берега донеслось: «Нина-а-а-а, я тебя люблю-ю-ю!» В ранний час по идеально гладкой поверхности, усилив звучание, река тут же донесла признание ребёнка. Обернувшись, увидела стоя-

щую вдалеке на склоне Волги Ксюшу. Цветочек размахивал своей панамкой, приветствуя солнце и весь окружающий мир.

У Ксюши на даче ветка старой яблони живёт прямо над её кроватью. Весной, когда после зимней спячки открываются окна, цветущая ветка, словно птица, влетает в окошко и обосновывается там до глубокой осени, пока снова в зиму не закроют ставни старой дачи.

Ксюша очень дорожит этой веточкой. Она наблюдает, как яблоневые цветы сбрасывают на её постельку свои бело-розовые лепесточки, как потом появляются маленькие яблочки. К осени яблочки вырастают в огромные яблоки, опускающиеся под своей тяжестью прямо в Ксюшины ручки.

Ксюша ни разу не ходила в турпоход, но очень любит туристические песни и тихонечко напевает их:

*А в походе глупый папочка
Спит в палатке в мокрых
тапочках,*

*Или воет песни до утра
У погасшего костра.*

Но любимая для Ксюши –
песня Визбора:

*Всем нашим встречам
разлуки, увы, суждены.
Тих и печален ручей
у янтарной сосны...*

Каждый вечер Ксюша с бабушкой садятся у окна и, как герои в мультике «Ёжик в тумане», с высоты своей дачи любуются луной и её дорожкой на поверхности реки. Только в отличие от ёжика и Мишки они не молчат. Ксюша не перестаёт задавать вопросы, а бабушка с удовольствием рассказывает о своей жизни, о жизни своих папы и мамы, то есть о Ксюшиных прабабушке и прадедушке.

Однажды бабушка повела рассказ о войне, на которой воевал Ксюшин прадедушка. И пошли от Ксюши, ставящие бабушку в тупик, вопросы: «А что такое война? А что такое высота?» После бабушкиных ответов Ксюша задумалась, а потом тихо-тихо произнесла: «Оружие исчезнет». И чуть позже прозвучал вопрос взрослым всего мира: «Только как вернуть дедушку?»

***

Прозвенел последний звонок, и шум из школьных коридоров молниеносно переметнулся в наши дворы. По мере

отъезда ребят в сёла к бабушкам и дедушкам, в лагерь отдыха, а то и за границу он стал немного утихать.

Несколько слов о нашем дворе. Совсем обычный, проходной, пылью и гарью пропитанный, заставленный машинами. Бутылки после ночи, окурки под окнами и прочие атрибуты нашей переходной эпохи. От одной из брошенных из окна бутылок случилась целая трагедия. Летела эта бутылка с верхнего этажа и попала восьмилетней Насте прямо в голову. К каким только светилам ни возили бедные родители свою девочку... А потом продали квартиру и навсегда уехали из нашего города.

Первой не вынесла запустения нашего двора Светлана Николаевна, приехавшая ещё в советское время в наш город из Прибалтики. Она начала разрабатывать заросший лопухами и коноплей и отгороженный покосившимся забором участочек под моими окнами. Старушки на лавочке, да и я из окна пассивно наблюдали за этим действием, задавая себе вопрос: «Чем всё это закончится?»

Очистилась от мусора земля и наконец-то задышала. Привязанный цветными верёвочками, поднялся во весь рост вновь покрашенный синей краской заборчик, а спустя пару недель проклюнулись первые в нашем дворе цветочки: бархотки, календула и китайская роза. Всё было посажено так густо, что образовался сплошной цветной ковёр, радующий и невольно

притягивающий взоры всех прохожих.

На следующий год я предложила семена цветов, а в последующий уже активно включилась в благоустройство нашего двора.

Что бы мы ни делали со Светланой Николаевной во дворе, подбегала каждый раз десятилетняя Дашенька и повторяла одну и ту же фразу, окончание которой зависело от рода нашей работы: «Я очень люблю копать». Или: «Я очень люблю дёргать траву».

Или: «Я очень люблю сажать цветы». Однажды, подустав, я не выдержала натиска «приставучей» девочки и разрешила посадить оставшуюся рассадку. Через пять минут все не выехавшие из города дети двора, толкая и перебивая друг друга, наступая на ноги, громко кричали: «Я тоже хочу сажать! Я тоже хочу сажать!»

Мы со Светланой Николаевной сдали свои позиции, отвели ребятам совершенно неразработанный участок, принесли дополнительный инвентарь и подчинились детскому творчеству. Мы только наблюдали, как работали их свежие головки и довольно

ловкие детские руки. Закончили они работу в десять часов вечера, высадив в центре участка, кроме основной рассады, уже цветущий, непонятно откуда взявшийся, довольно большой подсолнух. От вида счастливых детских улыбок куда делась наша усталость! Не зря говорят, что дети малые на цветник похожи, что в саду произрастает. И случайно ли такое название, как «детский сад», им люди дали. За два часа работы Аня, Ренат, Рита, Даша, Артём, Катя, Руслан, Максим, Наташа, Маша, Дима, Вадик и маленькая Настенька сделали столько, сколько нам пришлось бы делать не один день.

Утром взрослые, выходя из подъезда, задавались вопросом: «А из своего ли дома я выхожу?» Вместо заросшего сорной травой участка они увидели кусочек французского парка, в центре которого «выросший» к утру подсолнух радостно встречал солнце, распахнув навстречу людям свои жёлтые лепестки.

А сегодня у нас есть и кусочек дикого английского парка со своим кустарником, сосной, двумя рябинами, каштаном, в тени которых ребята устроили очень уютный домик с их детским миром: куклами, кастрюльками, диванчиками.

Под окнами в этом году цветут принесённые с дачных участков всех расцветок и ароматов цветы. Улыбаются теперь не только дети и цветы, но и все жители дома и проходящие через наш двор горожане. После того памятно-

го вечера ребята сделали ещё несколько маленьких клумб, одна из них особенно любима – сердце, хорошо просматриваемое с верхних этажей и напоминающее мамам и папам о чистых сердцах их детей. Над этой клумбой очень старательно и терпеливо трудились Руслан и Рита.

Ещё ребята соорудили во французском парке каменную горку. Пусть она не совершенна, но нам очень нравится. О поливе взрослым думать не надо. Это теперь забота и радость детей.

Как-то само собой благоустройство двора поставило вопрос о благоустройстве детской площадки. Ребята провели собрание и решили, что пора стучаться к взрослым. Придумали и тут же оформили обращение: «Дорогие папы и мамы, бабушки и дедушки, братики и сестрёнки! Нам надоела дворовая грязь! Мы посадим вокруг нашего дома много цветов и сделаем двор красивым и чистым. Пожалуйста, с сегодняшнего дня давайте не будем бросать всяческий мусор, окурки и бутылки из окон наших квартир. Сделаем наш двор сказочно уютным и родным. Помогите нам! Ваши дети».

Обращение, как и клумбу, сделали в виде сердца, текст оформили цветными фломастерами, наклеили картинки из журналов. Получилось всё ярким и проникновенным. Пока ребята оформляли обращение, мы со Светланой Николаевной слушали их рассуждения о будущей площадке. Как всегда, заводилой была

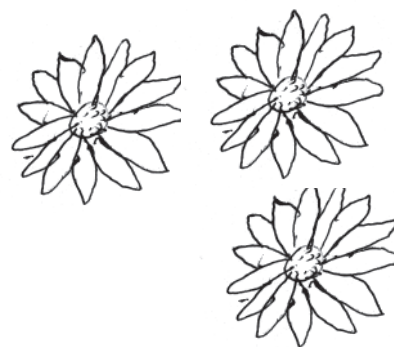
Даша: «Мои бабушка и дедушка дадут на площадку пятьсот рублей, да и у меня есть двадцать рублей». Максим обещал через занимающегося цветами дядю достать на следующий год семена, а его дедушка – оборудовать деревянные детские лавочки.

Ребята продолжали мечтать. Даша попробовала заглянуть в будущее: «Когда я буду сама зарабатывать, я обязательно половину зарплаты отнесу в детский дом».

Дети были открыты и откровенны, раскрывая нам как на ладони все лучшие свои качества. И тут Наташа, пребывая в глубоком и не детском раздумье, как бы с удивлением тихо заметила: «Надо же. За мои одиннадцать лет жизни первый раз на нас кто-то обратил внимание». Если бы можно было куда-то убежать, провалиться, скрыться от стыда, мы со Светланой Николаевной обязательно сделали бы это.

Наш дом теперь спит в ночной свежести и в аромате цветов, так любовно посаженных детскими руками. Осталось только назвать адрес: Чапаева, 6А.

Пора выбираться из чёрной, густой и липкой паутины, нависшей над нашим городом и проникшей во все наши дворы, дома, квартиры, души. И в этом нам помогут дети своим чистым взглядом на мир, своими светлыми желаниями, своими ангельскими крыльями, которые мы ещё не успели обрубить. Надо только вспомнить о них!

К этой истории добавила я рассказ о высадке сосенок ребятами нашего двора. Дети с удовольствием принялись за дело, узнав, что каждое дерево будет носить его имя. Они уже понимали, какой вред приносят людям выхлопные газы от заполнивших города машин. Да и мы со Светланой Николаевной постарались убедить мальчиков и девочек, что планета больна, что одно спасение живущих на Земле людей от сегодняшней экологии – сосны. И сажать это чрезвычайно привлекательное дерево надо везде, на любом свободном от домов и машин участке. Ведь по выделенным фитонцидам его опережает только можжевельник. И не опоздать бы, ведь свободные квадратные метры земли городской тают буквально на глазах. Но разве камни и машины нас спасут?

Уже который год маленькие жители нашего дома поливают радующих глаз сосну-Дашу, сосну-Аню, сосну-Риту, сосну-Руслана, сосну-Рената, сосну-Катю... Если при высадке сосенки помещались в детской ладошке, то сейчас они уже переросли детей.

Очередной мой приход в гости Ксюша ознаменова-

ла письмом к деду Морозу со словами: «Раз ты не продолжаешь статью, то я решила попросить о ней дедушку Мороза». Раскрыв сложенное пополам письмо, прочла написанный печатными буквами следующий текст:

«ДЕДУШКА МОРОЗ СКОРО НОВЫЙ ГОД ТЫ ВСЁ ИСПОЛНЯЕШЬ ДАВАЙ ВЕСНОЙ САЖАТЬ СОСНЫ ЭТО БУДЕТ АКЦИЯ НАПИШИ СТАТЬЮ ЕЩЁ ПРИШЛИ МНЕ СНЕГОКАТ СПАСИБО АКСЁНОВА КСЮША».

Запечатав письмо, Ксюша с бабушкой бросили конверт в почтовый ящик. Какое же ликование испытал ребёнок, когда 31 декабря 2007 года, открыв дверь на раздавшийся стук, Ксюша с бабушкой обнаружили у порога новенький снегокат.

Когда улеглись страсти со снегокатом, Ксюша вспомнила о соснах: «А дедушка Мороз передал моё письмо газете?». Пришлось Ксюше рассказать о приходе деда Мороза ко мне с просьбой маленькой девочки написать статью об акции «Сосна», так нужной для спасения города. Ни деду Морозу, ни Ксюше я отказать не могла и отправила в редакцию статью с надеждой, что газета объявит о Ксюшиной акции.

К весне 2008 года четырёхлетний Костя Зверев со своим дядей Максимом, лесником, в помощь Ксюше привезли более ста сосновых саженцев из Ягодной Поляны. Маленький Костя решил поддержать

Ксюшу в таком замечательном деле. Все, кто отозвался на Ксюшино письмо-телеграмму деду Морозу, опубликованное газетой, получили в редакции свои саженцы.

У Константина Бальмонта есть такая строка:

*А под древом раскинулось
море посева...*

У Ксюшиной акции крылья оказались мощными и широкими. Сколько легкокрылых птиц (детей, да и взрослых тоже) встрепенулось, зашевелилось, побежало добывать саженцы, чтобы «сосной одеть» наш любимый город! Отозвались на акцию не только дети Саратова, но и городов Одинцова, Тольятти, Балакова, Маркса, посёлка Дубки, Краматорска, что на Украине.

*Я любил переклички
от ветки до ветки,
Легкокрылых, цветистых,
играющих птиц...*

Это тоже Бальмонт.

И потянулись сосны к небу, как и наши дети, с именами Сосна-Юля, сосна-Настя, сосна-Дима, Света, Саша, Костя, Наташа, спасая наши города от экологической катастрофы. Дети и сосны нашего огром-

ного Космического Двора. Дети со взором в грядущее.

P.S. В программе «Время», что на первом канале Российского телевидения, 12 октября 2012 года был подан материал о школьнике из Германии по имени Феликс, обеспокоенном, как и Ксюша, экологией планеты и занимающемся со своими друзьями озеленением страны. Количество высаженных ребятами деревьев зашкаливает за миллион. То ли Ксюша первой провела свою акцию. То ли Феликс. Да это и не важно. Перекличка от ветки до ветки на каком-то тончайшем плане перешла уже границы государств и принята детьми нашей планеты. Феликс собирается приехать со своей акцией в Москву. Ведь в планах мальчика – миллиард деревьев. Добро пожаловать и к нам на Волгу.

P.P.S. Этот рассказ меня попросила написать Ксюша. Сейчас ей десять лет. Весной 2013 года она собирается продолжить акцию «Сосна», начатую в 2008 году, и надеется, что её поддержат все средства массовой информации Саратова, как раньше поддержала её газета «Саратовские вести». Я обещала Ксюше, что поддержат её не только саратовские СМИ, но писатели и журналисты Москвы, Костромы и других городов России. Может быть сосна, как и берёза, станет новым символом возрождающейся России.

(Публикуется в сокращении).

АВТОР – ПРОИЗВЕДЕНИЕ – ГЕРОЙ

Викторина

Вопрос 1. Для заглавий своих пьес А.Н. Островский часто использовал пословицы и поговорки. Вспомните эти названия.

Вопрос 2. Назовите комедию, в которой тема взяточничества получила глубокое и развернутое раскрытие.

Вопрос 3. Действие нескольких пьес драматурга происходит в приволжских городах Брахимове и Калинове. Перечислите эти произведения.

Вопрос 4. Произведения Островского о судьбах народа в переломные моменты русской истории, основанные на реальных событиях и фактах?

Вопрос 5. По словам одного из героев пьесы, там всё «как в лесу быть следует»: купец надует и разоряет помещицу, «старухи выходят замуж за гимназистов, молодые девушки топятя от горького житья у своих родных...» Назовите пьесу.

Вопрос 6. А.Н. Островский с большой любовью относился к актерам, со многими дружил, помогал советом, радовался каждой удачно сыгранной роли. Назовите пьесы, персонажами которых являются актеры.

Вопрос 7. Из какого сословия происходили Островские?

Вопрос 8. Одна из беседок в щельковском парке называется именем героини пьесы Островского. Кто героиня и с чем это связано?

Вопрос 9. В пьесе-сказке автор вложил в уста героини замечательные слова: «...всё, что есть на свете дорогого, живёт в одном лишь слове. Это слово...». Продолжите фразу.

Победители получают право бесплатного посещения музея в дни празднования юбилея А.Н. Островского

Вопрос 10. Хозяин, который надеялся умножить свой капитал, был обманут приказчиком, оказавшимся еще большим мошенником. Вспомните название пьесы и ее героев.

Вопрос 11. Самым памятным днем в своей жизни Островский считал 14 февраля 1847 года. Что произошло в этот день?

Вопрос 12. Героиня пьесы – помещица с суровым и властным характером. Прототипом ее послужила соседка Островского по имению.

Назовите прототип, имя героини и название пьесы.

Вопрос 13. Пьеса, в которой Островский показывает грибоедовскую Москву через 40 лет после Грибоедова, где умный герой не ищет истины, а извлекает выгоду из чужой глупости.

Вопрос 14. Писатель и этнограф, костромич по рождению, друг и гость Щелькова. Их дружба была основана на глубоком понимании народной жизни. Назовите имя писателя.

Вопрос 15. С каким театром была связана судьба Островского-драматурга? Назовите известных русских актеров, при жизни Островского игравших в его пьесах.

Вопрос 16. Тургенев, Толстой, Гончаров, Некрасов, Островский сошлись вместе для общего дела. Что объединяло этих больших писателей?

Вопрос 17. За свою литературную жизнь Островский публиковал свои пьесы в разных журналах, выходивших в то время в России. Перечислите эти журналы.

Подготовила
Любовь РАТНИКОВА,
зав.отделом
музея-заповедника
«Щельково»

ЖУРНАЛ И ЧИТАТЕЛЬ

В самом конце прошлого года при планировании издания восстановлённого журнала «Губернский дом» редакция решила обратиться к своему читателю, через посредничество библиотекарей, чтобы посоветоваться о том, как сделать журнал более доступным и интересным для всех возрастов наших поклонников и особенно детей. На нашу анкету продолжают приходить ответы, публикуем один из них. Ждем вашего заинтересованного участия в судьбе журнала. (Email: gd_avtor_club@mail.ru)

1. С какого времени вы являетесь читателем журнала «Губернский дом»?
2. Чем вам интересен журнал?
3. Какие рубрики вам нравятся больше и почему?
4. Материалы на какие темы вы бы хотели видеть на его страницах?
5. Что нового хотите предложить: рубрики, темы и т.д.?
6. Как, по-вашему, можно увеличить известность журнала, его тираж?
7. Нужна ли электронная версия журнала, готовы ли вы её купить?
8. Если откроется подписка на журнал, стали бы вы его подписчиком?

1. «Централизованная библиотечная система городского округа город Шарья Костромской области» приобретала для читателей историко-краеведческий журнал «Губернский дом» с 1992 по 2009 годы. В 2010-2011 году преемником журнала «Губернский дом» стал журнал «Страницы времен», который по своему содержанию, оформлению, приложению диска с материалами отвечал всем требованиям читателей библиотек ЦБС, но его высокая цена не давала возможности многим читателям оформить индивидуальную подписку.

В 2012 г. этот журнал прекратил свое существование. Образовался вакуум, т. к. краеведческой литературы выпускается мало. Многим хотелось бы взять свежий номер историко-краеведческого журнала и, как всегда, с трепетом прочитать какие-то новые страницы из истории нашей древней Костромской земли.

2. Журнал пользовался и пользуется большой популярностью, как у юного читателя, так и у взрослого населения, а особенно, конечно, у тех, кто увлекается историей. Материалы

рубрик «Предания и легенды», «Промыслы и ремесла» подходят и для младшего, и для среднего школьного возраста.

Тематика каждого журнала была разнообразна, познавательна и интересна. Он снабжен уникальными фотографиями. Журнал познакомил нас с уникальнейшими людьми, оставившими заметный след в истории нашей губернии-области и России.

Настоящее путешествие организовал журнал «Губернский дом» по историческим городам и селам Костромской области, познакомив нас со многими историческими и культурными событиями Костромы, Нерехты, Буя, Судиславля, Солигалича, Павина, Шарьи, посвятив отдельный журнал каждому. В этом журнале читатель мог найти ответы на многие вопросы по краеведению. Этим журнал и был интересен.

3. Каждая рубрика журнала по-своему значима, но все-таки большее предпочтение, хочется отдать рубрике «Свидетельства. Архивы. Документы», т. к. все материалы основаны на документальной основе.

4–5. Учитывая то, что ко-стромские музеи и архивы имеют богатые материалы исследования по истории и культуре края, многие из которых находятся в запасниках и не публиковались, хочется, чтобы они увидели свет на страницах журнала «Губернский дом». Хотелось бы, чтобы журнал собрал и опубликовал материалы по темам «История детских и молодежных организаций в губернии-области», «Крестьянские промыслы».

6. Известность журнала и его тираж можно увеличить через рекламу со стороны издателей, учреждений культуры (библиотеки, музеи), образования и СМИ.

7. В век компьютеризации электронная версия необходима.

8. Многие читатели хотели бы подписаться на журнал при его доступной цене и, конечно, соответствующем оформлении и содержании.

*Сотрудники
муниципального бюджетного
учреждения культуры «Центра-
лизованная библиотечная си-
стема городского округа город
Шарья Костромской области».*

